Олег Мороз

ОТ ИМЕНИ НАУКИ

О суевериях XX века

Олег Мороз

ОТ ИМЕНИ НАУКИ

О суевериях XX века

Олег Мороз

ОТ ИМЕНИ НАУКИ

О суевериях XX века

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 86.30
М80

Мороз О. П.

М80 От имени науки.— М.: Политиздат, 1989.— 303 с.
ISBN 5—250—00374—5

Книга О. П. Мороза — это живой и занимательный рассказ писателя и журналиста о современных псевдонаучных теориях: о «чудесах» жизни «по ту сторону», «тарелках» с других планет, «супердетях», «думающих» растениях и т. п.

Автор, высказывая свою точку зрения, рассматривает в основном социально-психологические причины усиления интереса к псевдонауке в наши дни.

Рассчитана на широкий круг читателей.

М $\frac{0402000000—083}{079(02)—89}$ 129—89 **ББК 86.30**

ISBN 5—250—00374—5

Предисловие

Время от времени в зарубежной печати появляются сообщения о сенсационных научных открытиях, потрясающих воображение, заставляющих по-иному взглянуть на окружающий мир, на человека. Иногда — настолько по-иному, что сразу же возникает сомнение: полно, действительно ли сделано такое открытие, не выдумка ли это?

Время идет, все расставляется по своим местам. Об одних сенсациях забывают, другие перечеркиваются опровержениями, третьи упорствуют в своем нежелании исчезнуть из поля зрения, подкрепляются все новыми и новыми сообщениями о проведенных кем-то экспериментах, наблюдениях, проделанных расчетах и вычислениях. Такое состояние — между бытием и небытием — может продолжаться много лет.

Некоторые сомнительные сенсации перепечатывают наши газеты. Бывает, они рождают свои собственные, хотя, по общему признанию, наша печать в этом отношении несравненно более строга и сдержанна, нежели печать западная.

В этой книге речь пойдет о некоторых

псевдосенсациях последних лет, главным образом о таких, которые имеют «мировоззренческий» оттенок, тем или иным образом затрагивают наше материалистическое представление об окружающем мире, покушаются на его основы.

Наверное, научный работник, пропагандист, лектор общества «Знание» по-другому написал бы об этих вещах. Я же профессиональный журналист, заведующий отделом науки «Литературной газеты». Видимо, будет естественным, если я просто расскажу о случаях из моей журналистской практики, когда мне приходилось сталкиваться с ложными сенсациями и как-то реагировать на них [1].

---

[1] Как увидит читатель, некоторые суждения автора носят заостренно-полемический характер. Но при этом не должно складываться впечатление, что по обсуждаемым проблемам не существует иных мнений. Они есть. Однако решающее слово по спорным вопросам должны сказать серьезные психологические, физиологические, биофизические исследования, которые ведутся в научных учреждениях страны.

Сенсации, сенсации...

С наукой каждый человек сводит знакомство уже в детстве. Естественно, с самой элементарной, с самыми основами. Взять, например, химию. Учитель вам объясняет: чтобы обеспечить растения калием, надо вносить калийные удобрения. Из этих же уроков вы выносите и другие схожие сведения: когда человеческий организм испытывает дефицит какого-то химического элемента, следует прописать для приема препарат, который содержит этот элемент.

И вот десять, пятнадцать, двадцать лет вы живете с убеждением в справедливости этих школьных истин.

Но однажды в руки вам попадает статья из зарубежного журнала:

«Во Франции ежегодно вносят в обрабатываемые земли миллион тонн калия в виде химических удобрений и еще полмиллиона тонн в виде естественных удобрений. Однако количество калия, содержащегося в урожае, который снимают с этих земель, достигает почти трех миллионов тонн в год. В общем мы получаем дополнительно полтора миллиона тонн калия. Откуда же он берется, да еще в таком огромном количестве? Все

дело в том, что калий получается из кальция».

Это — переворот в агрохимии. Все наши научные представления — в пух и прах. Утешает вас только то, что не вы один так долго были в плену заблуждений.

«Опытные садоводы, завидев лужайку, заросшую ромашкой, говорят: эта земля бедна кальцием. Они добавляют в нее немного кальция, и вроде бы так и надо. Но если бы они не сделали этого, кальциевый баланс в земле скоро восстановился бы. Почему? Потому, что ромашка необычайно богата кальцием и, погибая, отдает его земле. Но откуда же берется кальций, если ромашка растет на землях, где его мало или совсем нет? Да из кремния, который ромашка превращает в кальций. Многие земледельцы, переключившиеся на биологическую обработку почвы, очень довольны этим и совершенно отказались от химических удобрений».

Так же обстоит дело и в медицине:

«В некоторых случаях, когда в крови тяжелых послеоперационных больных намечается опасное снижение концентрации натрия, врачи вводят им большое количество хлористого натрия. Но состояние больных от этого не становится лучше. Наоборот, натриевая недостаточность усугубляется. А происходит это потому, что, чем больше натрия вводится в больной организм, тем активнее идет реакция превращения его в калий, что и влечет за собой смерть больного. Констатация подобных фактов открыла новые пути в медицине и в науке о питании».

Статья из итальянского журнала «Эуро-

пео», откуда я привел цитаты, озаглавлена: «Человек, потрясший основы биологии». Однако профессор Луи Кервран, о котором там идет речь, потряс прежде всего основы физики. Как известно, превращение одного элемента в другой — это ядерная реакция: либо синтез легких ядер, либо распад тяжелых. И в том, и в другом случае, чтобы реакция произошла, требуются огромные затраты энергии, идущие на преодоление ядерных сил. Мощные ускорители, в которых ядра бомбардируются и разбиваются частицами высоких энергий, плазменные установки, создающие температуры в миллионы градусов, при которых идет реакция ядерного синтеза,— вот те средства, с помощью которых физик занимается «современной алхимией» (выражение Резерфорда).

Правда, у каждого элемента в самом деле есть склонность к самопроизвольному превращению. «...Легкие ядра имеют тенденцию к слиянию, а тяжелые — к делению,— пишет известный западногерманский физик Макс Борн,— следовательно, все вещество, за исключением элементов в середине периодической системы (железо), в принципе не стабильно. Но скорости реакций в земных условиях так безмерно малы,— добавляет он,— что ничего не случается».

Кервран думает иначе.

И все-таки он явно не желает связываться с физиками, так что в заголовке статьи вовсе не случайно говорится о потрясении основ именно биологии. Кервран заявляет, что его исследования касаются «живого» атома, которым-де занимается биология, а не «физи-

ческого», с которым имеет дело физика. Тут уж он потрясает основы всей науки вообще.

* *
*

В некоторых американских штатах закон до сих пор запрещает преподавать дарвинизм. Обоснование все то же, что и лет пятьдесят назад, когда таких законов было несравненно больше: родство человека с низшими животными, с обезьянами, о котором говорится в эволюционной теории, унижает человеческое достоинство.

Но что сказали бы американские законники, если бы они узнали, что на итальянской земле — в Неаполе — родилась новая теория происхождения человека, согласно которой его предок и ближайший родственник не обезьяна, а медведь.

Впрочем, с родственником-медведем они, возможно, примирились бы скорее. Во всяком случае, автору теории — биологу и палеонтологу Луиджи Аммендоле (которого нам опять же представляет «Эуропео») — он явно более симпатичен, чем гориллы и орангутанги. Больше того, как раз это обстоятельство он считает одним из важных доказательств своей правоты:

«Почему самая любимая игрушка детей не обезьяна, а медвежонок? Почему человек обижается, когда его сравнивают с обезьяной, и добродушно ухмыляется, если кто-нибудь назовет его медведем? Почему слово «медведь» нередко входит составной частью

в названия городов, фамилии, имена (город Берн, например, имя Бернард, фамилии Орси, Орсини, созвездия Большая и Малая Медведицы и т. д.), а слово «обезьяна» — никогда? Оказывается, ответ прост: да потому, что человек происходит не от обезьяны, а от медведя (а если говорить более научно, потому, что у человека и урсидов — общие предки)».

Некоторое время назад в «Литературной газете» была напечатана статья английского зоолога Десмонда Морриса, где был приведен список из десяти животных, наиболее любимых детьми (а дети, как известно,— полпреды человечества). Медведь в этом списке стоит на шестом месте. Среди тех, кто впереди него,— лошадь, гималайский енот... Если следовать Аммендоле, происхождение человека можно вывести и от них.

Все же самое популярное животное — шимпанзе...

Все эти животные, считает Моррис, нравятся нам потому, что внешностью, повадками похожи на людей. И наоборот, из-за своей непохожести на них менее любимы птицы, змеи, рыбы...

Вот что говорит по поводу рассуждений Аммендолы известный советский антрополог Яков Яковлевич Рогинский:

— Почему в названиях городов Европы, в фамилиях и именах европейцев нет обезьян, но часто присутствуют медведи? Да потому, что в Европе медведи есть, а обезьян нет. Что же касается других стран, то там дело пошло гораздо дальше названий городов и фамилий. В Древнем Египте плащеносный

павиан гамадрил был священным животным, олицетворял бога Тота. В Индии был культ обезьяньего бога Ханумана, и глубокий религиозный интерес к обезьянам в этой стране общеизвестен. Барельефы, изображающие сотни обезьян, вооруженных палками, во главе с Хануманом, побеждающим злых демонов, украшают стены гигантского храма в Ангкоре в Кампучии.

Есть у Аммендолы и другие аргументы в подтверждение нашего родства с медведем:

«Отношение человека к собственности очень напоминает плотоядных животных. Обезьяна никогда не делает запасов: наевшись, она забрасывает остатки пищи и перестает их замечать. Человек же всегда старается накопить богатства больше, чем ему необходимо, а то, что он имеет, старается спрятать подальше, защитить от возможного посягательства со стороны других людей...

Обезьяны, как и птицы, наделены чувством мелодии, они умеют различать тональность звука. Человек же, как и медведь, наделен чувством ритма, необходимым охотникам, нападающим из засады,— не очень ловким и быстрым, но отличающимся более высоким психическим развитием».

Тут уж комментарии и вовсе не требуются.

Конечно, с происхождением человека дело обстоит сложнее, чем с химическими элементами: только прямой эксперимент способен окончательно подтвердить или опровергнуть теорию, но экспериментально воспроизвести эволюцию человека невозможно. Все же неисчислимое множество фактов

из разных областей науки говорит о родственной близости человека и высших приматов. Например, уже в начале века ученым были известны многие десятки особенностей строения, общих для человека и современных человекообразных обезьян.

Ясно, что аргументы Аммендолы ничего не меняют в соотношении «за» и «против».

* *
*

Неверно было бы считать, что невежественные, но с барабанным боем преподнесенные «учения» не находят сочувственного отклика и у нас. О той же «биологической трансмутации» наш журнал «Почвоведение» высказывался так:

«В качестве одного из возможных объяснений наблюдаемых в почве явлений может быть использована гипотеза Луи Керврана о ядерных превращениях химических элементов, идущих при малых энергиях при обязательном участии живых организмов... Керван допускает, что живые организмы отличаются от мертвой природы тем, что в них действуют наряду с электромагнитными особые «биотические волны», скорость которых превышает скорость света, что и является условием осуществления внутриядерных реакций».

(«Всякая гипотеза имеет право на существование,— писал по поводу процитированной статьи академик В. И. Гольданской,— если мы имеем возможность оценить ее с фактами и цифрами в руках. Но в том, что мы читаем о «биологической трансмутации»

и о «биотических волнах» быстрее света, нет никакой зацепки для серьезного разговора. Сторонники «биологической трансмутации» не располагают ничем, кроме слепой веры, и выдают желаемое за действительное».)

Наивно было бы также думать, что разные сногсшибательные теории возникают лишь где-то далеко — во Франции или в Италии. Встречаются они и у нас.

Некий профессор, доктор наук долгие годы доказывает, что человеческое тело по своей структуре подобно каучуку. Как-то он написал в одном из научно-популярных журналов:

«Структуры студня кремниевой кислоты или застудневшего сока натурального каучука в принципе не отличаются от структуры растительной (и животной) ткани. Разница состоит в том, что первую и вторую структуры химики получают искусственно и рассматривают как вещества, в которых, как одна огромная молекула, растет непрерывный... каркас, а последнюю структуру биологи изучают как... формацию, состоящую из массы отдельных... клеток...»

Вот так. Значит, дело не в том, что мышца ноги или руки отличается от куска каучука своим клеточным строением — чем вообще живое отличается от неживого,— а в том, что мышцу «изучают» биологи (выдумавшие живую клетку), а каучук «рассматривают» химики.

Но ведь в таком случае, скажете вы, можно, хорошенько взболтав в пробирке какие-нибудь вещества, получить путем химической реакции живые организмы. И, представьте себе, получают.

Мне довелось познакомиться с описанием опытов автора статьи: живые организмы — бактерии — возникали в керосине, нефти и даже в стерильной плазме крови.

Увы, в наше время большинство биологов считают, что, если перед опытом как следует мыть лабораторную посуду, вообще по-настоящему обеспечивать стерильность, ничего такого не произойдет...

* *
*

Статья, отрицающая живую клетку, была соответствующим образом оценена в том же номере нашего журнала. Напротив, в «Эуропео» теории Кервcovered и Аммендолы представлены как крупнейшие научные достижения. Редакция не собирается от них отказываться.

Я позвонил в Милан редактору «Эуропео» Джулиано Ферриери (он же — автор сенсационных интервью). На мой вопрос, уверен ли он, что эти теории представляют интерес для настоящей науки, Ферриери ответил: «Безусловно».

Логика его рассуждений такова: мы в редакции, конечно, не специалисты, но Керврана и Аммендолу поддерживают крупнейшие ученые, ученые с мировым именем. У них много научных трудов, которые пользуются большим успехом.

«Эуропео», в частности, ссылается на авторитет лауреатов Нобелевской премии Луи де Бройля, Альберта Сент-Дьерди, Мэлвила Келвина, Лайнуса Полинга. Напрасно было бы, однако, искать в их публичных выступле-

ниях какого-либо упоминания авторов «безумных» теорий.

На всякий случай я позвонил в Париж тогдашнему президенту Французской академии Пьеру Тарди. Он несколько раз переспросил имя Керврана, после чего ответил, что оно ему ни о чем не говорит.

Попросили мы также писателя Генриха Боровика, работавшего в ту пору в Соединенных Штатах (он нередко печатался тогда и в «Литературной газете»), проверить, действительно ли Кервран — член Национальной академии наук США (так он представляется в своих книгах). Выяснилось: никакого Керврана в списках академии не значится.

Нет этого имени ни в справочнике «Кто есть кто во Франции», ни в таком же американском справочнике, а они, как известно, включают все мало-мальски значительные имена...

А научных трудов у Керврана и Аммендолы действительно немало. В каталоге Ленинской библиотеки я насчитал, например, восемь библиографических карточек с именем Керврана. Из этих восьми книг пять посвящено тем самым «биологическим трансмутациям». Еще об одной книге на ту же тему, которой в каталоге не значится, сообщил мне Ферриери. Сам Кервран в письме, присланном нам в редакцию, уверяет даже, что одна или две из его книг переведены на русский язык. Никаких сведений об этих переводах мне, однако, разыскать не удалось.

Передо мной также книги Луиджи Аммен-

долы, присланные автором. На одной из них — «Человек — медведь или обезьяна?» — на передней стороне яркой супероболожки черным по белому оттиснуто, что автор — член Итальянской академии наук и «кандидат на Нобелевскую премию». В библиографическом указателе другой книги Аммендолы — «Очерки о происхождении человека» — двести семь названий его научных трудов на девяти страницах.

На Западе индустрия псевдосенсаций всегда была доходным бизнесом. Сегодня она спекулирует на том огромном интересе, который у миллионов людей вызывает наука.

По части внешнего эффекта псевдонаука обладает преимуществами перед наукой подлинной: она обязательно что-нибудь «опровергает», и эти ее «опровержения» понятней человеку непосвященному, чем настоящая «драма идей». Ясно ведь, что спор «клетка есть — клетки нет» или «элементы превращаются — нет, не превращаются» более доступен каждому, нежели, например, страсти, которые в свое время кипели среди физиков вокруг знаменитого принципа неопределенности...

Кроме того, создается впечатление, что всякий в любую минуту может сделать великое открытие, встать выше Ньютона, Максвелла, Эйнштейна... Для этого не обязательно учиться, постигать азы, знать до тонкостей работы предшественников и современников. Достаточно «глубоко задуматься».

О том, что такое представление распространено довольно широко, говорит почта, получаемая редакциями газет, научно-попу-

лярных журналов, научными учреждениями. Каких только великих открытий и изобретений там нет! И какие только действительно великие открытия не перечеркиваются недрогнувшей рукой! Сколько раз объявлялись ложными закон всемирного тяготения, второй закон термодинамики, теория относительности... А на их место, на освободившийся пьедестал, взгромождалось что-то непотребное.

Впрочем, газеты и журналы нередко сами способствуют появлению на свет этого непотребного. И прямым, и косвенным образом. Прямо — когда пропагандируют очередную ложную сенсацию. Косвенно, окольно — создавая представление о зыбкости и ненадежности научного знания, его податливости перед напором доморощенных гениев.

Купите бессмертие!

В 1961 году была опубликована киноповесть Леонида Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли». Герой повести, стремясь избежать ужасов надвигающейся ядерной войны, мечтает добыть пропуск в «сальваторий» — камеру, заполняемую особым газом, в которой можно проспать, не старея, несколько веков или даже тысячелетий, а после проснуться и продолжать нормальную жизнь. Такой сервис уже предоставляется гражданам государства, в котором живет мистер Мак-Кинли.

В ту пору никто не думал, что о «сальваториях» в ближайшем будущем кто-то может заговорить не как о фантастике, а как о чем-то реальном. Прошло, однако, всего шесть лет, и мир услышал сенсационную новость: 73-летний профессор психологии из Лос-Анджелеса Джеймс Бедфорд по его собственному желанию был заморожен особым способом, получив обещание, что его разморозят и возвратят к жизни когда-нибудь в будущем.

В отличие от Мак-Кинли, Бедфорд спасался не от войны. Он был неизлечимо болен раком и завещал «разбудить» его, когда ме-

дицина научится наконец бороться с этой болезнью.

В повести Леонида Леонова так описывается процедура усыпления клиента «сальватория»:

«Клиента раздевают, ловкие, стерильно белые, невозмутимые девицы моют его струями мыльной воды, он попеременно скрывается в облаке пены и пара, его массируют с помощью многорукой электромашины с одновременной подводкой профилактических токов через провода, подключенные к различным точкам тела...

Голос представителя фирмы. Обратите внимание, с какой тщательностью удаляются из организма не только телесные, но и духовные шлаки. Прежде всего — устранение из памяти всех поводов для психического, наиболее зловещего в наши дни, склероза. Лаборатории фирмы «BS» курируются лучшими психиатрами и невропатологами мира... По десятизначной шкале счастья, составленной Люзье и профессором Виджиарачава из Бомбея, наши клиенты достигают девяти с половиной баллов...

Тем временем электрический подъемник без прикосновений рук бережно перекладывает одетого теперь в розовый хитон клиента на предварительную тележку, которая покрывается тканью небесно-голубого цвета. Все это подвергается дополнительной обработке на подготовительном контейнере, в том числе особым бактерицидным облучением... Клиента с номером 215, серия ПР... вдвигают в продолговатое, таинственно освещенное помещение, которое затем герме-

тически завинчивается подобием огромной круглой пробки. Со вкусным сипением откачивается воздух, уступающий место газу, который, как нам видно в смотровую щель, вызывает блаженную улыбку у засыпающего клиента.

Голос представителя фирмы. При этом клиент видит сон, заказанный им по особому меню...

Пока клиента водворяют на отведенное ему место в подземной скале, играет приятно запоминающаяся, шелковистая музыка...»

В случае с Бедфордом все было проще и прозаичней. Ни музыки, ни снов, ни счастья... Ни райских девушек — «царственных монахинь», «опечаленных богинь», как аттестует их Леонов. Профессор был заморожен «незадолго до клинической смерти», как писали газеты. При замораживании делалось искусственное дыхание и массаж сердца — чтобы продлить жизнь клеток головного мозга. Трое экспериментаторов извлекли из тела всю жидкость и заменили ее охлаждающим раствором. Затем тело поместили в стальную капсулу с температурой минус девяносто один градус по Цельсию...

Вот и все. Проснется ли профессор, когда наступит срок? Изобретатели ледяной капсулы и всего способа замораживания уверяли: да, проснется. Однако серьезные ученые назвали эксперимент абсурдным.

Как только пришло сообщение из Лос-Анджелеса, мы позвонили известному биологу, занимающемуся проблемами анабиоза, Н. Н. Тимофееву, спросили его мнение на этот счет.

— Мнение? Какое тут может быть мнение? Поступок Бедфорда — обыкновенное самоубийство.

— Почему вы так считаете?

Н. Н. Тимофеев объяснил почему. В сообщениях об эксперименте говорится, что из тела профессора Бедфорда удалили всю жидкость. Непонятно, однако, что имеется в виду. По-видимому удалили кровь. Тканевые жидкости удалить не могли, иначе произошло бы высушивание организма и смерть. Далее, при замерзании вода, как известно, расширяется. Ледяные кристаллы разрушают внутриклеточные структуры и оболочку самой клетки. Чтобы избежать этого, прибегают к мгновенному глубокому охлаждению. Если быстро понизить температуру до минус ста тридцати градусов, вода, минуя кристаллическое, ледяное состояние, превратится в стеклообразную массу. При этом клетки не будут повреждены. Такую возможность можно себе представить теоретически. Однако на практике в мгновение ока равномерно заморозить человеческий организм до столь низкой температуры невозможно. Точно так же немыслимо представить и обратный процесс — разморозку — без разрушения тканей...

* *
*

Трезвые голоса не могли, конечно, остановить жаждущих обрести бессмертие при помощи ледяной капсулы. Тем более они не могли остановить тех, кто увидел в этом деле доходное предприятие. И опять Леонид Леонов оказался недалек от истины. В его пове-

сти замораживанием людей занимается фирма Боулдер и К⁰. Она преуспевает, наживает миллионы, создает свои филиалы по всему миру. А его глава, престарелый Сэм Боулдер, как и полагается полубогу-получеловеку, предстает в рекламных роликах как скромный любитель тюльпанов. На деле заморозку людей взяли на себя «крионические общества». Первое возникло в США в 1964 году. К середине 70-х заморозке уже подвергались десятки людей. Разумеется, все это были люди состоятельные: «бессмертие» стоит недешево. Желание заморозиться после смерти выразили греческий миллионер Онассис и его супруга Жаклин Кеннеди. При этом газеты сообщали, что одна лишь страховка стоила им двадцать четыре миллиона восемьсот тысяч лир в месяц.

В 1984 году произошел случай, который вроде бы дал основания считать заморозку не просто финансовой аферой, но чем-то имеющим под собой реальные основания. На озере Мичиган в США утонул четырехлетний мальчик, провалился под лед. Обстоятельства сложились так, что его удалось вытащить довольно быстро, но мальчик был мертв. И снова обстоятельства благоприятствовали спасению: врачи, которые этим занимались, действовали по всем правилам современной науки. Подсоединили мальчика к аппарату «искусственные легкие», стали воздействовать на сердце электрошоком. И прозошло чудо: после полуторачасовой остановки сердце забилось.

Врачам было ясно, что оживить мальчика удалось благодаря тому, что он долго —

около двадцати минут — находился в ледяной воде, его организм как бы законсервировался. Было решено продлить действие холода. Мальчика положили на специальный охлаждаемый матрац и лишь постепенно повышали температуру. Только на девятый день его перевели в обычную палату.

Мальчик стал возвращаться к нормальной жизни, реагировал на голос отца и матери. Но удалось ли восстановить деятельность его мозга, об этом в печати ничего не сообщалось. Тем не менее случай с мальчиком дал повод для разговоров о том, что заморозка людей — дело вовсе не утопическое.

«Если сегодня ребенок ожил после полутора часов клинической смерти,— писал французский журнал «Пари-матч»,— то завтра люди смогут умирать по своему желанию и просыпаться через тридцать или сто лет...»

* *
*

Есть, однако, разница между охлаждением до плюс 27° (температура мальчика в воде) и заморозкой до минус 91°. В первом случае организму не приходится преодолевать тот «ледяной барьер», который стоит на пути глубокой заморозки. Но малое охлаждение и дает малый эффект: не месяцы и годы, а всего лишь минуты и часы.

...К моменту, когда произошел случай на озере Мичиган, минуло семнадцать лет со дня заморозки профессора Бедфорда. Представилось: семнадцать лет профессор лежит под стеклянным колпаком, тщетно ожидая воскрешения.

Может быть, все-таки не тщетно? Не изменилось ли мнение человека, который семнадцать лет назад комментировал этот случай? Часто бывает, что прогресс науки заставляет по-иному взглянуть на какие-то вещи. Однако отношение Н. Н. Тимофеева к заморозке за минувшие годы сделалось еще более отрицательным:

— Хотел бы решительно отмежеваться от досужих вымыслов и сенсационных заявлений, периодически появляющихся на страницах западной печати: дескать, можно заморозить человека, с тем чтобы со временем оживить его, и это позволит ныне неизлечимо больным людям надеяться на грядущее всесилие медицины, а всему человечеству — чуть ли не на бессмертие... Подобные фантазии, мало сказать, лишены научной основы. По ряду причин они должны квалифицироваться как безответственные. Специальные клиники для желающих заморозиться до лучших времен, создаваемые в США с конца 60-х годов,— это не что иное, как кладбище заживо погребенных людей. Такие «похоронные фирмы», взимая немалые деньги, прельщают клиентов тем, что через несколько десятилетий или столетий, благодаря успехам науки, болезни, от которых мы сегодня умираем, будут поддаваться излечению. Но ведь вопрос совсем не в этом. Будто не достоверный факт, что сейчас замораживание любого животного — включая рыб и амфибий — необратимо разрушает его организм... Так что все это лишь спекулятивные прожекты.

Жизнь... «по ту сторону»

Мне, как, вероятно, и вам, не раз приходилось читать описания операций, исполненные драматизма. И я нисколько не сомневаюсь, что были среди этих операций такие, где драматизм больше нагнетался воображением пишущего, который тут следовал определенной традиции. На самом же деле риск для больного был невелик, а положительный результат операции угадывался заранее.

Накануне того дня, о котором здесь пойдет речь, я услышал от хирурга откровенное признание: «Побаиваюсь я... Парень сохранный, а работа предстоит тяжелая».

«Сохранный» — значит, в общем-то здоровый, одна только и есть болезнь — эта, да и она сейчас никак себя не обнаруживает.

Иван Кулик, шофер с Украины, в самом деле на вид крепкий парень. Но три года назад он впервые упал на улице, потерял сознание. Так и попал сюда, в Институт неврологии. На операцию не согласился. Думал — пустяки. Выписался, уехал к себе.

Болезнь все-таки загнала его в угол: снова он упал — на этот раз два месяца лежал без сознания. Наконец понял: когда-нибудь, в

роковую минуту, он упадет и больше не поднимется.

Страх смерти, по-человечески понятный, хотя нередко со стыдом замалчиваемый, привел его назад, в светлую тихую палату, где бесшумно снуют милые стройные сестры в белых шапочках, халатах, брюках, поближе к притягательному центру всех надежд (хотя вместе с тем и страхов) — операционной, оборудованной всем (ну пусть почти всем) совершенным, что только есть в мире, наглухо экранированной металлом от любых помех (здесь ведь столько точной электронной аппаратуры!).

Все-таки удивительное это слово — «сохранный», которое добавляет тяжести предстоящей операции, и без того тяжелой. За «сохранного» как будто и ответственность больше. А тяжела операция тем, что аневризма — клубок больных сосудов,— подлежащая удалению, запрятана в глубине мозга. Не просто до нее добраться. А если и доберешься — не просто извлечь. Врач, показывавший нам рентгеновский снимок сосудов мозга на стене в операционной, так и сказал: «Сегодня, скорее всего, мы лишь «отключим» эти артерии». И добавил: «Если повезет».

Удалить или по крайней мере перекрыть больные артерии, не дать случиться новому, быть может последнему, кровоизлиянию в мозг (те два первых падения — результат таких кровоизлияний) — это цель операции.

В операционной — как на дипломатической церемонии: каждый передвигается в своем ряду, согласно протоколу, писано-

му или неписаному. Слишком выпячиваться или, напротив, удаляться от центра событий не рекомендуется. В первом ряду действуют хирург и его ассистенты. Во втором — медицинские сестры, участвующие в операции. В третьем — анестезиологи, реаниматологи... На самой периферии — инженеры, обслуживающие аппаратуру, среди которой главенствует полиграф, со скрупулезной точностью регистрирующий все жизненно важные функции оперируемого.

Нам с коллегой-фотокорреспондентом нелегко было найти свое место, хотя мы и понимали, что оно где-то позади. Смущало и то, что хирург время от времени вспоминал о своем долге гостеприимного хозяина, поворачивал к нам голову, увенчанную лампой, и спрашивал: «Вам видно?» Или: «Вам понятно, что мы делаем?»

«Понятно, понятно»,— торопливо кивали мы, проклиная приведшее нас сюда профессиональное любопытство, которое, как нам казалось, может дорого стоить человеку, распластанному на операционном столе.

Впрочем, скоро наступил момент, когда все позабыли о нашем существовании. Во время трепанации оказалась задетой «синусная» вена.

Это бывает редко. Но редки и трепанации такого типа, как сегодняшняя: обычно «окно» делается где-нибудь сбоку, а сейчас, по необходимости, как раз посередине головы. Тут и проходят основные отводящие кровь от мозга сосуды.

По каким-то едва уловимым движениям я почувствовал, как накаляется атмосфера.

Кто-то быстро вышел, кто-то вошел. Потом все застыли, вытянувшись, глядя на хирурга. Опасность заключалась в том, что врачи не имели доступа к пораженному сосуду и, стало быть, не могли залатать его.

Все звуки как будто исчезли. Внимание, загипнотизированное непривычным видом крови, вырывало лишь фрагменты, куски происходящего: врачи коротко что-то говорят друг другу, указывая при этом на то место, которое держит «черепной лоскут»; хирург откладывает проволочную пилку и принимается за дело более решительно; анестезиолог готовится форсировать переливание крови.

Наконец мозг обнажился. Марлевые тампоны устремились к тому месту, откуда хлестала кровь.

— Нет! — твердо сказал хирург.— Я должен посмотреть.

Тампоны раздвинулись.

— Слава! Быстро! Мышцу из ноги!..

Появился высокий молодой парень. Сделал необходимые приготовления и застыл как бы в молитвенной позе, сложив перед собой руки в резиновых перчатках — обычное положение перед операцией. Мышца нужна, чтобы остановить кровотечение. Старый, испытанный способ: кровь быстро свертывается при соприкосновении с ней.

Я все еще был как будто под гипнозом. С удивлением я заметил, как хирург, попросив сестру разрезать какую-то губку пополам и получив ее, показывает, **как** надо разрезать. Удивительно мне было то, что он требует это сделать именно так, как ему

нужно, не иначе (это в тот-то момент, когда, кажется, исключена сама возможность на чем-то сосредоточиться).

Эти деловые распоряжения подействовали лучше, чем прямые призывы к спокойствию.

Прошло несколько минут. Слава еще стоял в выжидательной позе, по молодости лет, видимо, считая излишним задавать вопросы, ускоряющие ход событий. Но хирург, казалось, забыл о нем. Анестезиолог, второй человек в операционной, взял на себя инициативу и спросил громко:

— Вам нужна мышца или нет?

— Нет, уже не нужна,— ответил хирург.

Все поняли, что кровь остановлена.

...Итак, мозг обнажен. Операция, по сути дела, лишь начинается. Хирург, только что делавший тяжелую физическую работу слесаря, превращается вдруг в ювелира. Каково-то его рукам привыкать к такой перемене...

Над всеми звуками в операционной главенствуют два — тяжелое дыхание больного, вбирающего в свою грудь кислород, и мерные удары его сердца, усиленные кардиографом.

Эти два несомненных свидетельства присутствия человека не позволяют забыть о нем и смотреть на мозг просто как на препарируемый орган. А многое располагает и к этому...

В руках у хирурга нет ничего такого, что напоминало бы нож: в правой он держит пинцет, в левой — ложку, то есть узкую тонкую полоску хромированного металла. Он

не делает никаких движений, которые можно было бы счесть «поступательными», осторожно раздвигает волокна и сосуды. Вот, кажется, сейчас раздвинет и тогда уж пойдет в глубину. Однако действия хирурга остаются прежними.

И все-таки продвижение вперед несомненно. Время от времени хирург говорит: «Ток!» — и недремлющая сестра проворно дотрагивается до его пинцета электрическим контактом: препятствия, которые нельзя отодвинуть, хирург пережигает.

Путь к очагу болезни лежит через левое полушарие. Больной предупрежден, что в результате операции может оказаться поврежденной речь: тут, поблизости, находится ее центр. Но выбора нет: аневризма — это мина, которая может взорваться каждую секунду. Особенно обидно, если взрыв произойдет сейчас, во время операции, на подходе, когда уже столько затрачено сил... Случись такое, возникнет та же ситуация, что и при повреждении «синусной» вены: очаг кровотечения близок, но недоступен. И поэтому хирург торопится. Торопится не спеша: другого способа поторопиться у него нет.

Напряжение необычайно велико, так что изредка приходится делать небольшие перерывы. Кто-то подходит к хирургу сзади, поправляет марлевую повязку, которая закрывает его лицо.

Чем глубже в мозг опускается пинцет хирурга, тем кажется невозможнее что-то в нем различить, не говоря уже — сделать. И все-таки на этом маленьком, неудобном

плацдарме разыгрались основные события.

Нельзя подобраться непосредственно к аневризме, дотронуться до нее инструментом. И без того она готова в любой момент прорваться. Ничто не спасет человека, если такое случится. Об этом и сказано: тяжелая, опасная операция.

Когда разряжают мину, главное — добраться до взрывателя и вывинтить его. Здесь главное — перекрыть основную артерию, питающую аневризму. Но сначала надо найти ее. Идет поиск. В поле зрения вместо одной артерии неожиданно показываются две. Какая-то из них — здоровая. Если бы знать какая. Но медлить нельзя. Медлить — значит увеличивать меру риска. Перекрываются обе артерии: здоровая — временно, больная — навсегда.

Аневризма обескровлена, но обескровлен и большой участок мозга, который питала здоровая артерия. Такое не может продолжаться долго, это грозит гибелью мозговым клеткам. Осторожно раздвигая ткани, хирург прослеживает путь того и другого сосуда. Теперь картина ясна. Снят ненужный зажим — кровообращение восстановлено.

Взрыв все-таки произошел. Вдруг — словно удар грома:

— Внимание! Остановка сердца!

Не поверилось. Какая остановка? Где? Про кого это?

— Дефибриллятор! Быстро!

От этих слов-команд закладывает уши, в голове — гул. Или это гул в операционной?

Кто-то что-то принес. На обнаженную

грудь больного накладываются металлические пластины.

— Всем отойти!

Тело больного дергается.

— Пошло! Идет...

— Смотри, Саша! Смотри!

— Идет.

Немая сцена. Все смотрят на экран осциллографа, но будто не видят. Говорит один — тот, кому положено говорить...

...Сколько времени прошло? Не знаю. Мало-помалу проходит оцепенение. Радостная мысль: «Хорошо, что от меня тут ничего не зависит. Зависит от них — мужественных, энергичных». Наконец обретаю прежнюю способность видеть и наблюдать.

...Сердце работает («идет»). Теперь снова можно заняться мозгом: сначала «отсечь», перекрыть остальные сосуды, подходящие к аневризме, а потом удалить их. Пятнадцать серебряных клипс наложил хирург в этой операции. (Когда успел он это сделать, я опять же не видел. Об этом мне сказали после.) Пятнадцать больших сосудов было выключено из кровообращения.

Расслабление наступает неожиданно, заставая всех врасплох. Мозг раскрыт, но опасности уже нет. Вместе с расслаблением мгновенно приходит усталость. И это тоже опасно. Надо силой собрать все свое внимание, чтобы не допустить ошибки — теперь она была бы воистину непростительна.

Проделан обратный путь — из глубины на поверхность. Хирург зашивает оболочку мозга. Операция для него закончена. Остальное сделают ассистенты.

* *
*

Дней через десять я навестил Кулика. Его уже перевели из реанимации в обычную палату. Он посматривал на весеннее окно, заговаривал о выписке, о том, как поедет к себе на Черниговщину...

Выписывать, однако, его не торопились. Операция не из легких. И потом эта неожиданная остановка сердца... Понаблюдать надо. Пообследовать.

Остановка сердца — это клиническая смерть. Человек с того света вернулся. Я спросил Кулика, чувствовал ли он, видел ли что-нибудь в своем операционном забытьи? Может быть, какие-нибудь картины особенные, какие никогда ему не встречались ни во сне, ни наяву?

— Та ничого нэ бачив,— простодушно ответил Иван.— Як заснув, так и очнувся. Наче одна хвылына...

— А не казалось тебе,— подсказывал я ему,— словно ты видишь себя как бы со стороны?

— Та ни...— слабо тряс головой Иван.— Ничого нэ бачив. Як куда провалився...

...Американский психиатр Р. Моуди опросил полтораста человек таких, как Иван Кулик,— побывавших в объятиях смерти, но вернувшихся к жизни. Моуди уверяет, что рассказы эти удивительно схожи. В своей книге «Жизнь после жизни» он пишет:

«Умирая, человек слышит в момент крайнего физического изнеможения, как врач констатирует его смерть. До него доносится неприятный шум — громкий звон или гул.

Одновременно он чувствует, что стремительно несется по длинному темному тоннелю, и вдруг ощущает себя вне собственного тела, которое он даже может видеть со стороны».

«Через некоторое время он начинает привыкать к своему странному состоянию. Он обнаруживает, что тело у него все же есть, но совершенно иной природы и с совершенно иными способностями, чем покинутое им. Вскоре события принимают новый оборот. Его встречают какие-то доброжелательные создания. Среди них он непостижимым образом узнает умерших родственников и друзей. Затем перед ним возникает существо из света — добрый любящий дух, которого он никогда раньше не видел. Это существо без помощи слов просит человека оценить свою жизнь, моментально воспроизводя перед ним главные ее события».

«Неожиданно человек замечает, что приближается к чему-то вроде стены или линии, и осознает, что это граница между земной и загробной жизнью. Однако перейти эту границу ему не удается. Он чувствует, что должен вернуться назад, что время его смерти еще не пришло».

— Видел ты какой-нибудь тоннель, какую-то стену? Может, родственников? — допытываюсь я у Кулика.

Ответ отрицательный.

— Як заснув, так и очнувся.

Вспоминаю, как известный наш медик Владимир Александрович Неговский рассказывал про одного солдата, перенесшего клиническую смерть после тяжелого ранения

и усилиями врачей возвращенного к жизни (в 1943-м было дело).

— Так что, товарищи, смерть свою я, можно сказать, проспал,— отвечал солдат на расспросы о его ощущениях.

Реаниматолог Неговский много раз — наверное, не меньше, чем психиатр Моуди,— беседовал с «воскрешенными» и считает рассказ солдата характерным, хотя и не единственным, какие доводилось ему слышать.

— Сам момент остановки сердца,— говорит Неговский,— уже не воспринимается больным. Его воспоминания относятся к гораздо более раннему моменту и обыкновенно очень смутны. Упоминают о ярких вспышках света, о мелькающих перед глазами искрах. Иногда в рассказах фигурируют «гул», «неразборчивый, невнятный шум». Зрительные галлюцинации возникают крайне редко. В общем, могу с полной ответственностью утверждать: сколько-нибудь связные рассказы о предсмертных минутах — редкость.

— Что же, Моуди все выдумывает?

— Ну почему обязательно «выдумывает»? Вероятнее всего, он просто-напросто отбрасывает те сообщения, которые противоречат его концепции «жизни после жизни», а точнее, после смерти.

Сам Моуди не считает собранные им рассказы доказательством существования загробной жизни. Однако другие западные исследователи, занимающиеся теми же самыми материями, склоняются к этому, по крайней мере, считают этот вопрос «открытым».

Сотрудники Американского общества парапсихологов К. Осис и Э. Харалдсон реши-

ли выяснить, в какой мере видения умирающих зависят от их принадлежности к той или иной национальной культуре. Для этого они опросили американских и индийских медиков, которые находились у постели тяжело больных соотечественников, слушали их рассказы. Выяснилось, что никому из американцев не являлись в их предсмертных видениях индийские божества и, наоборот, никому из индийцев — Иисус Христос. «Неожиданное» открытие, не правда ли?

Равным образом можно предположить, что все эти картины отъединения души от тела, путешествия к райским вратам видятся — во сне ли, в бреду ли, просто в фантазии — только людям верующим. И подсказаны они, конечно, их верой, а вовсе не какими-то реальными событиями, происходящими на грани жизни и смерти.

Несерьезно обсуждать реальность этих событий, но физиологи обсуждают, насколько типичны для умирающих людей галлюцинации с раздвоением, с тоннелями, стенами, светоподобными существами. В. А. Неговский не устает повторять, что это противоречит физиологии умирания. Оно начинается обычно с угасания «командных» органов, прежде всего коры головного мозга. Как правило, еще до наступления клинической смерти падает электрическая активность коры. Больной в этот момент выглядит совершенно безжизненным, в памяти его зияет провал.

— Утверждать, будто в этот период можно что-то запомнить,— говорит В. А. Неговский,— абсурдно. Это равносильно увере-

нию, что можно играть в футбол с парализованными ногами.

И все же в эти тяжкие часы и минуты — за какое-то время до критического момента и через какой-то срок по прошествии его — человека, конечно, могут посещать галлюцинации, видения. Странно было бы это отрицать. Его мозг болен, ему не хватает кислорода. Кислородное голодание, длящееся более пяти — семи минут, вызывает гибель коры. Это уж не клиническая смерть — окончательная, бесповоротная гибель. После этого срока человека бесполезно оживлять. Если даже удастся это сделать — разум его уже не восстановится.

В. А. Неговский:

— Хотелось бы полюбопытствовать у сторонников «жизни после смерти» — куда в этом случае девается «бессмертная душа»?

Но и кратковременная нехватка кислорода не всегда проходит бесследно. Человека приходится приводить в сознание подчас не один день. Части его организма возвращаются к жизни не все разом, а последовательно. Сначала начинает биться сердце, потом восстанавливается дыхание, начинают действовать низшие отделы мозга, и лишь потом обнаруживает признаки жизни кора. Пока же она безжизненна, в организме царит безвластие. Подкорковые части мозга, в том числе центры эмоций, ощущений, лишены контроля. Это и есть почва для галлюцинаций и видений.

Еще один американский психиатр, Элизабет Кюблер-Росс, «крупный авторитет в вопросах изучения смерти», как аттестует

ее западная печать, опросила уж не десятки и не сотни, а тысячи больных и пришла к твердому убеждению, что смерть тела не означает конец бытия. По образцу настоящей науки тут нагнетается статистика: дескать, чем больше число опрошенных, тем весомее аргументы. Можно, однако, опросить и десятки тысяч, и сотни — доводы в пользу загробной жизни от этого убедительнее не станут. Ибо в чем же может убедить бред тяжелобольного человека!

Как понять, что сюжеты болезненных видений у многих людей одинаковы? Вовсе не обязательно одинаковы сами видения — могут быть одинаковы рассказы. Советский психолог Михаил Нилин (сын известного писателя Павла Нилина) считает, что все дело в том, какие мотивы сильнее — те, что заставляют говорить правду, или те, что склоняют к выдумкам.

— В случаях, с которыми имели дело американские исследователи,— говорит М. Нилин,— налицо мотивы второго рода. Люди хотят, чтобы их считали добродетельными. А что лучше «канонических» видений докажет всем строгость, богоугодность и чистоту их жизни? Еще одна группа мотивов — тщеславие, желание не отстать от других. Мотивов много, и мотивы эти из числа сильнейших. Кому принадлежат сообщения, приводимые американскими учеными? По преимуществу людям пожилым, одиноким и больным, которым льстит внимание ученого, для которых беседа с ним, быть может, единственный шанс ощутить, что их опыт, они сами нужны, интересны людям. Рассказчик

невольно напрягается, старается понять, что ждут от него, старается не разочаровать.

М. Нилин привел случай из собственной практики. Пожилой человек перенес операцию. Рассказывая М. Нилину о своих ощущениях, он мог припомнить лишь острое чувство страха, испытанное им в тот момент, когда на его лицо опускалась наркозная маска, и ощущение жажды после того, как он пришел в себя. Через некоторое время психолог встретил его в какой-то компании, где его знакомый повторил свой рассказ, но уже со многими красочными деталями и подробностями, не слышанными от него прежде:

— Вдруг, слышу, играет музыка. Неужели на похоронах? Дочь Лиза потратилась, оркестр пригласила. Это, думаю, напрасно.

— Человек этот по характеру всегда был тихим и робким,— замечает М. Нилин.— Но вот неожиданно у него появилась возможность стать «душою общества», центром всеобщего внимания. Соблазн велик. Человек поддался, уступил и даже сам не заметил, как это произошло. То, что он рассказывает, для него самого — истинная правда.

Что ж, если так, в таком случае, может быть, и мой знакомый Иван Кулик нынче рассказывает о своих ощущениях в операционной с прибавлением многих живописных подробностей, не так, как рассказывал мне: «Як заснув, так и очнувся...»

Впрочем, он человек не старый, не одинокий и, надеюсь, сейчас не больной. У него нет психологических мотивов, которые побуждали бы его нагромождать небылицы.

Во имя отца и сына

Чего не купишь за деньги... Некий калифорнийский миллионер, терзаемый страхом смерти, решил обзавестись ребенком, который был бы его абсолютным двойником. Он поручил журналисту Д. Рорвику подобрать группу специалистов, которые воплотили бы эту идею. Журналист выполнил задание. Такая группа была создана. Некая женщина согласилась выносить клон, как называют зародыш, генетически абсолютно тождественный одному из родителей, в данном случае — отцу. Через девять месяцев, как полагается, родился ребенок, «нормальный голубоглазый мальчик».

Об этом событии мир узнал от самого Д. Рорвика, написавшего книгу «По его образу и подобию: создание клонов человека». Автор уверяет, что поддерживает связь с семьей миллионера. «Я вижу ребенка с самого рождения,— говорит он.— В настоящее время он жив, здоров и любим».

Правда, больше никто этого ребенка не видел. По крайней мере, никто не заикается об этом. Но такова будто бы воля миллионера — держать все в тайне.

...Узнав об этой сенсации, мы позвонили в

Ленинград в Институт экспериментальной медицины заведующему отделом эмбриологии Андрею Павловичу Дыбану, спросили его мнение — могло ли такое произойти на самом деле? Суть его ответа сводилась к следующему.

Ученые в самом деле открыли различные способы получения потомства, очень похожего на одного из родителей. Вряд ли стоит подробно описывать каждый из способов. Важно лишь то, что, используя два из них, можно получить детенышей женского пола, своими генами копирующих мать, а при третьем — отца. Для случая с миллионером эти способы не годятся уже поэтому. Не говоря о том, что получение клонов — дело невероятно сложное, и пока эти клоны удалось создать только у мышей. Имеется еще четвертый способ, с помощью которого в принципе можно получить потомство любого пола, похожее на любого из родителей, но он еще сложней. До последнего времени этим способом удавалось выводить лишь клоны низших позвоночных — рыб, лягушек... И только сравнительно недавно появились сообщения о совместных экспериментах швейцарских и американских ученых, которые осуществили этот способ клонирования на мышах. Однако повторить эти опыты пока никому не удалось.

— Трудно надеяться, что эти приемы окажутся применимы для других, более высокоорганизованных животных, а тем более для человека,— сказал А. Дыбан.— Так что сенсационное сообщение Рорвика, скорее всего, выдумка.

* *
*

Мы напечатали сообщение о калифорнийском эксперименте с комментарием профессора А. Дыбана. В числе других откликов пришло письмо, в котором содержался упрек: мы слишком много внимания уделили технической стороне дела — возможностям клонирования,— упустив из виду суть. Автор письма доктор медицинских наук В. Бахур эту суть видел вот в чем: допустим, когда-нибудь мы все-таки обретем возможность производить генетических двойников — вправе ли мы будем считать, что двойник — это та же самая личность, с какой он скопирован? Гены в основном определяют лишь структуру тела, его морфологию. Поэтому, если когда-нибудь удастся получить клон человека, это еще не будет означать, что в нем будут повторены свойства, скажем, центральной нервной системы одного из родителей — того, который взят за образец. Известно, что по наследству передается только общий план развития этой системы, самые общие ее черты. Недаром говорят: «Ну и характер! Как у отца». Или: «Добрый, как мать». Более сложные психологические качества генетически не передаются, а складываются у каждого человека заново, по мере его развития, взаимодействия со средой. Прежде всего это относится к таким высшим проявлениям человеческой психики, как индивидуальное сознание и самосознание.

«Формирование индивидуального «я»

человека,— писал В. Бахур,— каждый раз новый, неповторимый процесс».

Между прочим, напоминал автор письма, генетические двойники всегда существовали и существуют, без всякого клонирования. Это так называемые однояйцевые близнецы. Хотя они гораздо более схожи между собой по характеру, темпераменту, наклонностям, чем обычные братья и сестры, все же нельзя сказать, что это два экземпляра одного и того же человека. Причем со временем, по мере развития близнецов, разница между ними все увеличивается, у каждого складывается собственная индивидуальность.

«Так что благодаря клонированию,— заключал свое письмо В. Бахур,— ребенок внешне действительно может быть точной копией одного из родителей, однако это будет совсем иная личность. Уже по этой причине затея калифорнийского миллионера бессмысленна».

* *
*

На этом, однако, спор не завершился. После публикации письма В. Бахура пришло еще одно письмо — от философа Д. Комарова. Он писал, что и В. Бахур в своих рассуждениях не коснулся существа дела. Предположим, с помощью каких-то ухищрений удалось бы вырастить сына, в точности похожего на отца — не только физически похожего, но и психологически. Как? Ну скажем, по мере развития ребенка для него создавались бы такие же условия, в каких когда-то рос его отец. Он бы имел дело с точно

такими же людьми, которые поступали по отношению к нему так же. Этакий грандиозный спектакль. Фантастика, конечно, но — предположим. И вот в конце концов получился бы человек — точная копия своего отца. Однако главный вопрос: означало бы это для отца бессмертие? Нет, конечно. По-прежнему сын был бы сам по себе, а отец сам по себе. Немыслимо, чтобы отец вдруг переселился в телесную оболочку сына и подумал бы: «Вот он я, мне снова двадцать лет». В лучшем случае, глядя на сына, он подумает: «Он точно такой же, каким я был в двадцать лет». Барьер между «я» и «не я» так и не удалось бы преодолеть. Как его перепрыгнуть, неизвестно. Разве что сделать пересадку головы. Или хотя бы мозга. Наподобие того, как делают пересадку сердца. Ведь именно мозг — хранилище сознания. Но в таком случае при чем здесь бессмертие? Мозг проживет отпущенный ему срок и погибнет. Вообще, не чудовищно ли пересаживать старую голову отца на молодые плечи сына?! На это, наверное, не пойдет даже калифорнийский миллионер, одержимый жаждой бессмертия.

Вещество, из которого сделаны мысли

Бессмертия, наверное, можно было бы добиться еще одним путем — пересаживая память одного человека в мозг другого... Но возможно ли это?

В один прекрасный день мир облетела весть: такую пересадку удалось осуществить на животных!

Американский ученый профессор Д. Мак-Коннелл добился этого в опытах с червями-планариями. Он поместил червей в ванночку, подключенную к электросети. Над ванночкой висела лампа. Когда она загоралась, червяк получал слабый удар электрическим током и, ощутив боль, сворачивался. Как и в других подобных опытах, начиная с павловских, черви вскоре усвоили урок и стали сворачиваться, как только загоралась лампочка, уже без удара током. Мак-Коннелл растолок обученных червей и скормил их необученным. И произошло чудо: черви, не прошедшие курса обучения, стали действовать так же, как съеденные ими собратья!

Другой ученый, профессор Р. Гэй, проводил эксперименты уже на крысах. Он посадил крысу в клетку с двумя дверцами. Одна

вела в освещенный ящик, другая — в темный. Как и следовало ожидать, крыса выбрала темноту. Но как только она перебежала в темный ящик, ее стали подвергать ударам тока. Так продолжалось до тех пор, пока животное не научилось бояться темного ящика. Крысу забили, извлекли ее мозг, на центрифуге отделили твердые частицы. Препарат, в котором были растворены эти частицы, с помощью шприца ввели другой крысе, не подвергавшейся подобным экспериментам. Чудо случилось опять: животное, которое прежде, не задумываясь, вбегало в темный ящик, после укола стало бояться его, дрожало от страха, присев перед дверцей.

После того как эти опыты стали известны, и другие лаборатории взапуски кинулись проводить подобные эксперименты. С помощью инъекций крыс обучали отыскивать миску с молоком, не пугаться резкого свистка, не сходить с платформы, на которую их сажали. Одну группу крыс научили по световому сигналу убегать налево, а по звуковому — направо. Другую — наоборот.

Проводили опыты и с золотыми рыбками. Одних, подвергнув уколам, приучили переплывать в соседний бассейн, когда зажигается красный свет. Других натренировали при нехватке кислорода в воде не всплывать на поверхность — естественная реакция!— а наоборот, погружаться на дно.

Сотни такого рода опытов вроде бы убеждали: совершено великое открытие — воспоминания удерживаются в мозгу определенным веществом, «веществом памяти».

Попытались выяснить, что это за вещество. Профессор Дж. Унгар установил, что боязнь темноты передается «белковообразной субстанцией», названной им скотофобином (по-гречески скотофобия — мракобоязнь). Удалось даже получить это вещество искусственным путем. Синтетический скотофобин, будучи введен животным, действовал на них так же, как натуральный.

«Впервые знание получено в виде порошка,— восторженно писал по этому поводу западногерманский журнал «Штерн».— Мысль обрела форму биотехнической программы. Ее вводят в голову животного, и животное действует подобно роботу».

Кое-кто из коллег Унгара засомневался, так ли все на самом деле? Уж больно складно все получается. Но Унгар между тем выделил и вторую молекулу — кодирующую, как он утверждал, спокойное отношение к резкому звонку. Он назвал это вещество амелитином...

И вот западную печать захлестнула волна фантастических пророчеств:

«Познание в виде порошка в мозгу — ведь это означает революцию во всех наших представлениях о процессах познания...»

«С этим достижением науки для человеческого сознания наступает столь же ослепительный, сколь и пугающий период. Впервые открывается возможность рассмотреть знания под лупой, в лабораторной пробирке».

«С тех пор как существуют люди, они всегда искали средства и пути овладения как можно большим количеством знаний. Простейшим путем упаковки сведений было

бы образование синтетических «молекул информации». Вместо школы существовали бы «фабрики знания», вместо учителя — шприц. И все муки ученья сменились бы легкой болью от укола в плечо».

«Если все виды информации сохраняются в молекулах памяти, то это относится и к таблице умножения, и к английскому языку, и к материалам урока по биологии».

Пророчества эти перекинулись к нам.

«Потребность читать отпадет,— говорилось в одной изданной у нас книге.— С романами Ремарка и Хемингуэя молодежь познакомит жевательная резинка. Школьных занятий и лекций в вузах не будет. Сроки обучения сократятся до минимума. Студентам технических институтов еще в самом начале обучения будет устраиваться грандиозный обед по сопромату, а медикам — банкет по анатомии человека. Один вечер — и труднейший материал усвоен».

Откликнулись на открытия науки и карикатуристы. Студент второпях запихивает в рот таблетки, помеченные «Том 1», «Том 2»... из коробки с надписью «Пушкин. Полное собрание»... Мать упрекает сына-школьника: «Учительница жалуется на тебя: ты совершенно перестал есть на уроках!»... За столиком сидят два человека, по виду разного интеллекта; низколобый в надвинутой кепке держит бутылку поменьше с надписью: «Арифметика» — на этикетке; перед лысым в очках бутылка пообъемистее — «Высшая математика»... Покупатель просит продавца: «Полкило Сименона, килограмм Агаты Кристи и триста граммов Конан-Дой-

ла»... Человек старым дедовским способом читает томик Шекспира, соседи шушукаются: «Бедняга! У него, наверное, язва желудка...»

* *
*

Редкий случай, на этот раз ученые сами предложили выступить в газете с разъяснениями по поводу «вещества памяти». В редакцию приехали из Пущина двое сотрудников Института биофизики — заведующая лабораторией физиологии и экспериментальной патологии памяти Ольга Сергеевна Виноградова и руководитель группы цитохимии памяти Сергей Иванович Розанов.

Как водится, в одной из редакционных комнат будто сам собой организовался чай. Потянулись сотрудники других отделов, которым по работе вроде бы совсем не требуется что-либо знать про память.

Итак, всему начало положил опыт с червями, съевшими других червей.

— Все бы ничего,— усмехается О. С. Виноградова,— но с этим опытом все с самого начала неясно. Пока никому не удалось доказать, что у планарий вообще можно выработать условный рефлекс.

Ученые специально занимались этим, потратили годы и пришли к выводу, что любое неприятное раздражение — ток, свет, пересадка в другую камеру — вызывает у этих червей один и тот же эффект,— как говорят ученые, общее повышение возбудимости. Этот же эффект вполне может проявиться у планарий, которым скормили их «обученных» собратьев.

Ну а как обстоит дело с крысами? Их способность обучаться не подлежит сомнению. При близком знакомстве с делом выясняется, что тут сработал «испорченный телефон». В отличие от публикаций в широкой печати, в научных публикациях говорится совсем не о том, что крысы, которым введено «вещество памяти», боятся входить в темную клетку. Там черным по белому написано: животные забегают туда, хотя никто их не заставляет это делать, и проводят в темноте от трети до половины времени эксперимента. Вывод же о том, что эти крысы восприняли боязнь темноты, сделан как раз на основе подсчета, сколько сидят в темной клетке обычные крысы и сколько те, которым сделаны инъекции. У последних срок вроде бы меньше...

Казалось бы: что же это за «перенос памяти»! Либо крысы боятся темноты, либо нет. А заключать о «скотофобии» на основании какой-то мелочной бухгалтерии — это, извините, неубедительно!

Но даже эта бухгалтерия вызывает сомнения, когда ее начинают проверять в других лабораториях. Дело дошло до того, что двадцать семь американских лабораторий выступили с официальным заявлением о том, что воспроизвести «перенос памяти» невозможно.

Тем не менее сторонники этой теории упрямо твердят: «Перенос памяти реально существует!» Они приводят все новые и новые доказательства этому. Оказывается, вводя «мозговой экстракт» обученных крыс в брюшную полость необученных, можно

научить их нажимать на рычаг или открывать дверцу при звуке щелчка, сообщить им, какова правильная последовательность поворотов при поиске выхода из лабиринта...

И снова при знакомстве с научными публикациями оказывается, что все обстоит не совсем так, как о том трубит широкая печать. Крысы, которым сделали инъекции, просто блуждают в лабиринте на несколько секунд меньше, чем остальные.

И снова даже эти скромные результаты не подтверждаются в других лабораториях.

Тут в дело вступают оговорки: дескать, это дело необычайно тонкое, чтобы добиться успеха, надо учитывать множество обстоятельств. Важны, оказывается, и длительность обучения условному рефлексу, и даже день недели, когда начат опыт. Если обучение длится шесть дней, то «перенос памяти» получается, а если семь — нет. Если опыт начат в среду — все идет прекрасно, если в пятницу — наоборот. Если крысу обучают обходить препятствия справа — этот навык опять-таки можно передать с помощью шприца, если слева — попытки такой передачи тщетны. Наконец, имеет значение, где живет исследователь, в какой стране...

— Не правда ли, как все это напоминает парапсихологию!— восклицает С. И. Розанов.— Там тоже для воспроизведения результатов всегда требуется счастливое стечение обстоятельств, соблюдение десятков ритуальных условий. И как все это далеко от науки!

Теория, которую выдвигают Мак-Коннелл,

Унгар и другие, просто фантастична. По их представлениям, всякое новое событие, попавшее в поле зрения человека или животного, приводит к тому, что клетки мозга образуют молекулу нового вещества — это и есть память о случившемся событии. Но, с другой стороны, такое вещество может быть выработано лишь в том случае, если это запрограммировано в генетическом аппарате данной клетки. Стало быть, рассуждая логически, следует заключить, что вся информация об окружающем мире, какую только может получить человек или животное, уже записана в их генах. Когда? Кем? Все выдающиеся открытия науки, все великие произведения литературы, все, что может произойти с человечеством в двадцать пятом, тридцатом, сороковом веках,— все содержится в генах каждого из нас.

— Несомненно, это абсурд,— говорит О. С. Виноградова,— но несомненно и то, что подобный вывод с железной необходимостью вытекает из теории химического переноса памяти.

В принципе основные вещества, которые вырабатываются нервными клетками, не меняются в ходе эволюции — они одни и те же и у животных, способных к простейшему обучению, и у человека. Зато возрастает число нервных элементов, усложняются связи между ними. Потому-то общепризнанная точка зрения: запечатлевание новой информации обеспечивается тонкими пластическими перестройками этих связей под влиянием сигналов извне. Дело в связях, в структуре, а не в молекулах. Как сказал

один американский биохимик, искать в мозгу особые «молекулы памяти»— это то же самое, как если бы мы взяли цветной телевизор, размололи его в порошок и с помощью химического анализа попытались определить, где же здесь источник красивых цветных изображений».

— Почему же при всем при этом работы по «переносу памяти» развиваются в нарастающем темпе? — задали вопрос журналисты.

Наши гости пожали плечами:

— Почему вообще то и дело в науке возникают сенсации, которые потом лопаются как мыльные пузыри?

В статье, которую О. С. Виноградова и С. И. Розанов напечатали в «Литературной газете» (третьим автором был академик М. Н. Ливанов, руководитель отдела проблем памяти Института биофизики), они ответили на поставленный вопрос более подробно. Смысл их ответа таков. Причин здесь может быть несколько. Это и излишняя увлеченность, которой нередко поддаются исследователи. И недостаточное знание смежных разделов науки. И, наконец, причины менее простительные. Золотой век, который еще не так давно переживала наука на Западе, миновал. Уже нет тех крупных ассигнований, которые были в 50-е и даже в 60-е годы. Многие научные учреждения закрываются, многие научные работники оказываются без работы. Получать средства на продолжение исследований, продлевать договор на следующий год становится все трудней. В этих условиях совесть ученого

подвергается тяжкому испытанию. Кто послабей, не выдерживает, становится на скользкий путь, ведущий не к истине, а к благополучию. Один из таких путей — создание дутой сенсации, фабрикация результатов, не только обещающих скорые практические выводы, но, главное, доступные пониманию тех, от кого зависит дать или не дать деньги, кому далеко не всегда ясны тонкости научной работы. «Перенос памяти»— что может быть доходней?!

«Однако, хотя современная наука действительно могущественна,— говорилось в заключение статьи,— вряд ли она в состоянии избавить человека от необходимости думать и превратить его из человека разумного в человека переваривающего. Сотни тысяч лет биологической эволюции и тысячи лет социального развития наделили человека способностью усваивать опыт прошлого и создавать новое иными способами, чем «поедание родителей». Мы сохраняем веру в науку и ее способность различными путями облегчить каждому человеку труд овладения грандиозным интеллектуальным богатством, накопленным человечеством. Однако... давайте осторожнее относиться к научным сенсациям, в особенности когда от этого отношения зависит, в какой степени научные силы общества будут отвлекаться на создание очередного «перпетуум мобиле».

«Супердети» на потоке

Уже довольно давно метод искусственного оплодотворения используется как медицинское средство — для помощи супружеским парам, страдающим бесплодием, либо же одиноким женщинам, которые хотят иметь ребенка. И вот Роберт К. Грэм, 74-летний промышленник из Калифорнии (опять из Калифорнии!), решил применить этот метод для иной цели — для выведения особо одаренных детей. В качестве носителей генов одаренности были выбраны нобелевские лауреаты. Грэм решил создать банк спермы этих ученых, чтобы затем предлагать ее женщинам, которые пожелают ею воспользоваться, вместе с инструкцией по самооплодотворению.

Мир захлестнула волна возмущения. «Как это по-американски,— писал итальянский еженедельник «Панорама»,— вбить себе в голову безумную идею создания «супердетей» с помощью спермы лауреатов Нобелевской премии!»

Другой итальянский журнал — «Эуропео»— напомнил, что у такого рода экспериментов есть давняя история. Еще Екате-

рина Медичи распорядилась когда-то поженить карлика и малорослую придворную даму — чтобы вывести породу шутов. Но затея потерпела провал: у этой пары вообще не было детей. Прусскому королю Фридриху Вильгельму взбрело в голову женить своих померанских гренадеров на самых красивых и рослых девицах — с тем чтобы всегда было достойное пополнение для королевской гвардии. Однако король скончался, не успев начать этот эксперимент. Дальше всех пошел Гитлер. В соответствии с планом «Лебенсборн» по всей Германии были созданы «очаги жизни», в которых молодые немки, а также невольницы из оккупированных стран, соответствующие установленным стандартам внешности (белокурые волосы, голубые глаза, широкие бедра), принимали приезжавших в отпуск эсэсовцев. В итоге должно было появиться новое поколение чистокровных арийцев. Всего в этих «очагах» с 1935 по 1945 год побывало около двухсот тысяч женщин, родились тысячи детей... Ничего путного из этого плана также не вышло. Рождаемость в «очагах» была ниже, а детская смертность выше обычной. Велик был процент уродств, физических недостатков, психических расстройств. Само собой разумеется, никаких особых достоинств у этого потомства, когда оно поднялось на ноги, обнаружено не было.

«И вот подобная идея,— писал «Эуропео»,— взбрела на ум американскому бизнесмену-богачу, возвестившему миру о своем проекте создания расы «суперлюдей».

Пресса подробно сообщала о ходе эксперимента:

Журнал «Тайм» (США):

«Пятеро нобелевских лауреатов откликнулись на обращение Грэма. И вот в Калифорнии появилось хранилище спермы имени Германа Меллера».

Герман Меллер — известный генетик, который в свое время тоже ратовал за улучшение человеческого рода. Грэм утверждал, будто следует заветам Меллера, умершего в 1967 году.

«Лос-Анджелес таймс» (США):

«Грэм уже разослал собранную сперму нескольким ему лишь известным женщинам. «Это только начало»,— заявил Грэм».

Снова «Тайм»:

«Уже более двадцати женщин изъявили желание участвовать в эксперименте. Самым одаренным, здоровым и молодым из них Грэм выслал проспект с описанием данных анонимных доноров и своими комментариями. В одной из характеристик, высланной на запрос «отец — почтой», указывалось: «Выдающийся ученый, творческая, инициативная, деятельная личность, почти супермен». Одна из клиенток в своем ответе сообщала: «Я в восторге... Думаю согласиться на № 13, поскольку он самый молодой и у него самый высокий коэффициент интеллектуальности» (JQ)». Все женщины, давшие согласие на участие в эксперименте, обещали регулярно информировать Грэма о ходе беременности и после родов — о здоровье ребенка и его коэффициенте интеллектуальности».

«Панорама» (Италия):

«Пока только один из этих «умников», 70-летний профессор физики Станфордского университета Уильям Б. Шокли, получивший Нобелевскую премию в 1956 году за изобретение транзистора, признался, что он действительно сдал Грэму сперму.

— Я сделал это,— заявил Шокли,— ради улучшения расы, ради будущего человечества... Я буду делать это и впредь, так как верю в удачный исход эксперимента.

Тут следует напомнить, что уже не раз выдвигалось требование вычеркнуть имя этого ученого из списка нобелевских лауреатов за то, что он на протяжении многих лет проповедует расистские теории».

«Интернэшнл геральд трибюн» (США):

«Вдова Германа Меллера потребовала немедленно отделить имя ее покойного мужа от этой затеи. Она заявила, что еще в 1971 году отвергла предложение Грэма использовать имя Меллера...

Вдова подтвердила, что в середине 60-х годов Грэм и ее муж обсуждали возможность создания хранилища спермы. Предполагалось, что наряду с коэффициентом интеллектуальности обязательно будут учитываться человеческие качества доноров...

«Я глубоко возмущена тем,— сказала госпожа Меллер,— что Грэм полностью игнорировал мое заявление, особенно если учесть, что он знал мнение и взгляды мужа по этому поводу. Он сам неоднократно заявлял, что мысль о хранении спермы выдающихся людей была высказана Меллером, а решение ограничиться лауреатами

Нобелевской премии — это его личная инициатива».

«Тайм»:

«Многие лауреаты Нобелевской премии относятся отрицательно к проекту Грэма.

Бертран Рихтер (премия по физике 1976 года) сообщил, что многие его студенты интересуются, какие барыши приносит ему племенная деятельность. «Невероятно, что происходит. Они хотят создать интеллектуального супермена. Но к этому нужно идти не таким путем».

Чарльз Таунс (премия по физике 1964 года) отверг проект, назвав его «снобистским».

Даниил Каллахэн, директор Института социологии, этики и науки о жизни (штат Нью-Йорк), заявил, что по Грэму выходит, будто Нобелевскую премию можно рассматривать как показатель наибольшей общественной полезности. Он также сказал: «Нет никаких гарантий, что люди с высоким коэффициентом интеллектуальности способны давать более породистое потомство или создать лучшее общество. Войны и разрушения тоже порождены не умственно отсталыми людьми».

«Интернэшнл геральд трибюн»:

«Отклики, опубликованные в Дании и Швейцарии, содержат резкую критику этой затеи, квалифицируя ее как позорное явление, возрождающее нацистскую программу создания господствующей расы».

По подсказке богов...

Шлиман раскопал Трою по приметам, указанным в «Илиаде» Гомера.

Профессор Принстонского университета Джулиан Джейнс попытался рассмотреть между строчек древней поэмы «Трою» совсем другого рода.

У героев «Илиады» есть примечательное свойство: сплошь и рядом важные решения за них принимают боги.

Действие в поэме, как известно, начинается с того, что вождь ахейцев царь Агамемнон отвергает просьбу «жреца непорочного» Хриса вернуть ему за богатый выкуп его дочь, плененную ахейцами. В отместку за такую дерзость бог Аполлон обрушивает на ахейцев кары.

«...Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый...
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;

Частые трупов костры непрестанно пылали
по стану».

Боги подсказывают сподвижнику Агамемнона Ахиллесу (Пелиду) путь к спасению:

«Девять дней на воинство божие стрелы
летали;
В день же десятый Пелид на собрание
созвал ахеян.
В мысли ему то вложила богиня державная
Гера:
Скорбью терзалась она, погибающих видя
ахеян».

«На сонме» Ахиллес предлагает узнать — через «жреца, иль пророка, или гадателя снов»,— чем же разгневан Аполлон. «Верховный птицегадатель» Калхас и объясняет ахеянам, в чем дело.

Агамемнон соглашается отдать Хрису дочь, но взамен угрожает присвоить другую пленницу, Брисеиду, являющуюся собственностью Ахиллеса, его «наградой»,— чтобы Ахиллес понял, насколько он, Агамемнон, властью выше его.

Оскорбленный Ахиллес терзается в поисках решения — либо немедленно убить обидчика, либо покориться.

Снова решение приходит от богов:

«В миг, как подобными думами разум и
душу волнуя,
Страшный свой меч из ножен извлекал
он,— явилась Афина...
«Бурный твой гнев укротить я, когда ты
бессмертным покорен,
С неба сошла; ниспослала меня
златотронная Гера...

Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,
Злыми словами язви, но рукою меча не касайся...»

Нельзя сказать, чтобы боги всегда давали мудрые и спасительные советы. Не моргнув глазом, они дают советы коварные, завлекающие в ловушку. Так, Зевс, чтобы отомстить Агамемнону за Ахиллеса, советует вождю ахейцев повернуть войска на Трою, завоевать ее: по замыслу Зевса, ахейцы вместе со своим вождем будут истреблены в этой войне.

Такие эпизоды — когда боги действуют, словно суфлеры,— действительно пронизывают всю поэму. На этом основании профессор Дж. Джейнс делает неожиданный вывод: древние греки не обладали сознанием.

«Потрясающий факт!— восклицает он.— Герои «Илиады» были фактически автоматами. Они не принимали решений, не строили планов... Всякий раз, когда назревала необходимость принять решение, появлялись боги. Как только возникала критическая ситуация, кто-нибудь слышал их голоса или видел их... Без подсказки же древние греки совершали поразительно наивные поступки. Взять хотя бы знаменитый эпизод с троянским конем. Как можно было польститься на громадного коня, которого подсунули враги?»

Что же, боги в самом деле существовали в ту пору? Джейнс считает, что мозг древнего человека был расщеплен. В правом полушарии накапливался опыт и созревала

подсказка, как действовать. Она передавалась левому полушарию — органу исполнительной власти — в форме слуховых галлюцинаций. Человек как бы слышал голоса извне. Естественно, он принимал их за голоса богов. К слуховым галлюцинациям часто добавлялись и зрительные. Боги запросто являлись сыновьям Земли.

Действительно ли «Илиада» дает повод для таких заключений? Случаев, когда люди принимают самостоятельные решения, без всякого участия богов, в поэме, конечно, не меньше, чем случаев с продиктованными советами.

По своей, а не по чьей-то воле Агамемнон принимает то самое решение, с которого все началось,— не возвращать Хрису его дочь:

«...Гордо жреца отослал и прорек ему грозное слово:
«Старец, чтоб я никогда тебя не видал пред судами!
Здесь и теперь ты не медли и впредь не дерзай показаться!
Или тебя не избавит ни скиптр, ни венец Аполлона.
Деве свободы не дам я; она обветшает в неволе,
В Аргосе, в нашем дому, от тебя, от отчизны далече —
Ткальный стан обходя или ложе со мной разделяя.
Прочь удались и меня ты не гневай, да здрав возвратишься!»

Так же — без всяких подсказок — решает Агамемнон отнять у Ахиллеса Брисеиду:

«...Он, призвав пред лицо Талфибия и с ним Эврибата,
Верных клевретов и вестников, так заповедовал, гневный:
«Шествуйте, верные вестники, в сень Ахиллеса Пелида;
За руки взяв, пред меня Брисеиду немедля представьте:
Если же он не отдаст, возвратитеся — сам я исторгну:
С силой к нему я приду, и преслушному горестней будет».

Когда сходятся и выстраиваются друг перед другом войска ахейцев и троянцев, Парис, похититель Елены, решает выйти вперед и вызвать на единоборство храброго воина неприятельской рати. Боги при этом молчат.

«...Вышел вперед от троян Александр, небожителю равный,
С кожею парда на раме, с луком кривым за плечами
И с мечом при бедре; а в руках два копья медножалых
Гордо колебля, он всех вызывал из данаев храбрейших,
Выйти противу него и сразиться жестокою битвой».

Со стороны ахейцев выходит Менелай, «законный» муж Елены, обрадованный возможностью отомстить недругу, тоже никем свыше не побуждаемый. Увидев его, Парис трусливо прячется за спины товарищей:

«Но, лишь увидел его Приамид, Александр боговидный,
Между передних блеснувшего, сердце его задрожало;

Быстро он к сонму друзей отступил,
избегающий смерти.
Словно как путник, увидев дракона в
ущелиях горных,
Прядает вспять и от ужаса членами
всеми трепещет,
Быстро уходит и бледность его
покрывает ланиты,—
Так убежавши, в толпу погрузился троян
горделивых
Образом красный Парис, устрашаясь
Атреева сына».

Что ж, это все обычные людские поступки, никак не заданные богами. Будь они заданы, все выглядело бы иначе.

Словом, герои «Илиады» действуют и так и этак — и следуя голосу богов, и по своей собственной воле. Напрасно было бы пытаться подсчитать, как чаще. Если бы даже кто-то произвел такой подсчет (тяжелая работа), результаты ни о чем бы определенно не сказали.

У нас нет причин отступаться от привычного понятия о том, какова в «Илиаде» роль богов. Они такие же участники событий, как и люди. Боги подвержены обычным человеческим страстям — любви, ненависти... Потому они без конца вмешиваются в человеческую жизнь — наказывают одних, защищают других, сталкивают людей друг с другом... Между ними самими то и дело происходят ссоры. Боги-олимпийцы — почти осязаемые для эллинов обитатели Земли, лишь более могущественные и неподвластные смерти.

Не только боги держат слово к людям,

но и люди — к богам. Ну разумеется, если с Олимпа на низменную землю летят советы и приказы, обратно — просьбы и мольбы.

Ахиллес умоляет Фетиду заступиться за него и замолвить слово Зевсу, чтобы покарал он Агамемнона:

«Матерь! когда ты сильна, заступися за храброго сына!
Ныне ж взойди на Олимп и моли всемогущего Зевса...»

Впрочем, люди, бывает, и подсказывают богам, как именно действовать, чтобы удовлетворить их людские смиренные мольбы. Собственно, не кто иной, как Ахиллес, подсказывает Зевсу через посредство Фетиды, каким образом наказать Агамемнона за его, Ахиллеса, поруганную честь — вовлечь в войну с троянцами:

«Зевсу напомни о том и моли, обнимая колена,
Пусть он, отец, возжелает в боях поборать за пергамлян,
Но аргивян, утесняя до самых судов и до моря,
Смертью разить, да своим аргивяне царем насладятся;
Сам же сей царь многовластный, надменный Атрид, да познает,
Сколь он преступен, ахейца храбрейшего так обесчестив».

И громовержец Зевс послушался совета смертного.

Так что между богами и людьми в «Илиаде», как сказали бы теперь, идет почти равноправный информационный обмен. Это же подтверждает и Ахиллес, говоря Афи-

не, которая увещевает его не вступать в открытую распрю с Агамемноном:

«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».

Словом, не все в «Илиаде» так, как представляется Джейнсу. На этот раз нет повода производить археологические раскопки, разыскивать «Трою»— докапываться, что реальное скрыто за советами и подсказками богов.

Но все-таки речь в действительности идет не о богах, а об устройстве мозга.

«Появление двухпалатного мозга было исторической необходимостью,— считает Джейнс.— Когда какое-нибудь племя достигало численности примерно в тридцать человек, становились нужны новые формы коммуникации и социального контроля. Я предполагаю, что галлюцинации двухпалатного мозга и были этим социальным контролем. Индивидуум слышал реальную команду вожака и выполнял ее. А когда повелитель умирал, его голос становился галлюцинацией. Такой голос мог «думать» и решать проблемы, с которыми сталкивался человек».

Полно, всерьез ли это? Галлюцинации вместо сознания. Разве мог бы человек выжить, будучи в плену фантастических видений, пусть даже и порожденных реальностью? Ведь ему приходилось ежеминутно, ежесекундно ориентировать-

ся в действительности, чтобы не погибнуть.

Понимая эту слабость своей теории, Джейнс старается заткнуть прореху. Он пишет, что со временем галлюцинации стали неудобными для управления человеком. Даже называет время, когда это произошло,— около 1470 года до нашей эры. Тогда произошло извержение вулканов на островах Санторин. Гигантская волна прошла вдоль берегов Эгейского моря, вызывая ужасные разрушения. Толпы беженцев, спасаясь, устремились в глубь материка. В этих условиях галлюцинации уже не могли поддерживать беженцев, им необходим был какой-то более реалистический способ ориентировки. Так и был дан толчок развитию современного сознания.

Но эта заплата на теории мало ей помогает. Разве извержения вулканов на островах Эгейского моря были первыми катастрофами, какие пережили люди? Катастрофы случались на протяжении всего существования человечества. О том и речь — человек постоянно подвергался опасности, неучет ее грозил гибелью. Естественный и социальный отбор искал для человека самые эффективные, самые плодотворные инструменты управления поведением. Можно ли вообразить, чтобы он подсунул ему такое негодное, завалящее орудие, как галлюцинации?!

Что удивительного, что боги у Гомера подсказывают человеку, как себя вести? Надо ли непременно искать за богами какую-то реальную основу? Ведь это то же самое, что

видеть космических пришельцев в героях древних сказаний и мифов. Мифический мир древнего человека был населен богами. Боги должны были что-то делать. Диктовать человеку важные решения — вполне достойная роль. Такую роль предоставляли мифы богам.

Подобных эпизодов сколько угодно можно найти и в более поздней литературе. Высший дух (не обязательно бог) берет на себя управление человеком. Мефистофель управляет Фаустом. Лермонтовский демон руководит кавказскими горцами. Следуя логике Джейнса, можно утверждать, что человек и доныне остался роботом: далеко ли — по историческим меркам — времена Гёте и Лермонтова отстоят от нынешних времен?! А булгаковский Воланд? Совсем разные эпохи, разные соотношения веры, фантастики, метафоры, но если закрыть глаза на все это и принять описываемые события как какой-то слепок с реальных механизмов человеческого поведения, все эти произведения тоже можно включить в список доказательств справедливости теории Джейнса.

Дело, однако, в том, что таких теорий можно напридумывать сколько угодно и каждая из них будет нисколько не менее «научной».

Путешествие в «загробный мир»

Однажды утром вы раскрываете газету и читаете захватывающий репортаж о некоем подземном «городе мертвых», открытом спелеологами в одной из труднодоступных пещер в районе хребта Кугитанг в Туркмении.

«...На меня смотрел человек,— говорится в репортаже,— прижав к груди левую руку, он вскинул правую над головой, словно защищаясь от яркого света. Высохшее в кремень, желтое лицо его было искажено такой мукой, что даже сама смерть и пыль веков не сумели стереть выражение отчаяния перед неизбежностью гибели.

...Буквально в паре метров от «Ужасающегося», как мы назвали первую мумию, лежала вторая. Она была в необычной одежде и обуви из грубо выделанных шкур, лежала лицом вниз на высоком конусообразном холме явно искусственного происхождения. А в двух шагах за одетым скалила клыки... мумия снежного барса, распластавшаяся над мумией винторогого барана. Чуть дальше в блестящей натечной ванне извивалась огромная окаменевшая змея. Мы находились в царстве мертвых.

Невероятный случай привел нас в какой-то загробный мир...

...Постоянно попадались остатки утвари, одежды и мертвые, мертвые на каждом шагу...

Мы обнаружили мумии людей, лошади, нескольких десятков диких животных. Сквозь пыль отлично виднелись предметы обихода — седло, вьючные сумки, огромный деревянный котел, деревянные же трубы, детали походной юрты, украшенные незамысловатым орнаментом. Посредине пещеры высились два четырехметровых кургана. Что скрывали они?..

...Непонятно, как могли попасть сюда многие десятки мумий? Какая трагедия разыгралась под землей много веков назад?

Что это — капище языческих богов, место казни? А может быть, спасаясь от нашествия завоевателей или от стихийного бедствия, спрятались здесь древние кочевники и были застигнуты обвалом?»

В самом деле, что же это такое? Царство мумий... Запечатленное мгновение какой-то неведомой жизни... Ни о чем подобном вы никогда не слышали. Это первая такая находка. О таком событии должны знать все. Во всех подробностях. Тут одного репортажа мало.

Примерно так рассуждали мы в редакции, прочитав публикацию о таинственной пещере. В дорогу засобирался самый молодой наш сотрудник — Валерий Шаров. Молодость легка на подъем.

Валерий — биолог по образованию. Спортсмен. Чтобы попасть в «загробный

мир», надо спуститься в 75-метровый вертикальный колодец. Спортивные качества тут кстати.

Выяснилось, что в этот район как раз отправляются ленинградские археологи, и, недолго думая, Валерий присоединился к ним.

По пути к пещере встретили красноярских спелеологов, тех самых, что открыли «пещеру мумий». О них шла речь в газете. Красноярцы взялись показать археологам место в горах, удобное для раскопок, выделили проводника. Валерий же на время этой поездки решил остаться со спелеологами, порасспросить о пещере.

И тут случилось неожиданное. Когда машина с археологами ушла и Валерий подошел к лагерю красноярцев, те наотрез отказались с ним разговаривать.

— А кто вам сказал, что мы нуждаемся в вашем обществе?— услышал он.— Уходите!

Напрасно ошарашенный журналист пытался выяснить, в чем дело, чем вызван такой прием. Руководитель спелеологов Л. Петренко упрямо твердил:

— Уходите!

Предстояла ночевка в горах. В одиночку, без теплой одежды. Стоял октябрь. Валерий стал собирать хворост для костра, ругая себя за то, что не предусмотрел такой возможности, остался в одной футболке. Но как было предусмотреть?

К счастью, поздно вечером вернулись археологи.

О причинах недружелюбного приема Валерий стал догадываться позднее, когда добрались до пещеры.

Она расположена в безлюдной местности, на высоте около полутора тысяч метров. Войти в нее можно лишь согнувшись. Делаешь десяток-другой шагов, и под ногами неожиданно разверзается колодец. Это и есть вход в «загробный мир». Не зная о нем, легко этот вход не заметить. Если же упадешь туда, вряд ли останешься живым.

Может быть, некоторые из бесчисленных мертвых, о которых говорилось в репортаже, просто-напрасто и упали в этот колодец? По неосторожности или еще как. В 30-е годы в этих местах орудовали басмачи. На дне колодца могли оказаться их жертвы...

Как же все-таки быть с «городом мертвых», со всеми этими «ужасающимися», с барсами, которых катастрофа застала в прыжке? И тут выяснилось, что спелеологи прибегли к нехитрой фальсификации. Прислонили мумию к стенке, придали ей драматическую позу и сфотографировали. Так же поступили с мумиями джейрана и барса: положили на землю соответствующим образом — хищник прыгает на жертву...

Дело с «загробным миром» стало понемногу проясняться.

* *
*

Вернувшись в Москву, Валерий написал очерк о своей поездке. Пошли отклики. В них было два главных мотива: с одной стороны, люди возмущались поведением спелеологов, с другой — упрекали автора

очерка: на дне колодца он все же не побывал...

Мы и сами чувствовали: тема не завершена. Одно дело — постоять около колодца, и другое — спуститься в него, увидеть все своими глазами.

Со всех сторон посыпались предложения от спелеологов — помочь корреспонденту добраться до дна колодца. Но настойчивей всего такое предложение делали красноярские спелеологи. Другие, разумеется. Не те, которых Шаров встретил на Кугитанге. Красноярцы считали, что их честь задета. Хотя, как выяснилось, несколько лет назад за какие-то неблаговидные дела Л. Петренко был исключен из Красноярского спелеоклуба, так что и представлять-то местных спелеологов он вроде бы не имел права...

Так или иначе, Валерий стал готовиться к новой поездке на Кугитанг.

Такая поездка состоялась в мае 1985-го. На этот раз — с группой спелеологов из Красноярска, возглавляемой Надеждой Фроловой. Они превзошли себя, сделали все возможное, чтобы переломить неблагоприятное впечатление, оставленное их коллегами.

Перво-наперво — тренировкой, инструктажем — спелеологи подготовили журналиста, новичка в подобных делах, к нелегкому спуску в 75-метровый колодец. И вот он на дне этого колодца, в «пещере мумий».

«Повсюду много великолепных кальцитовых натеков, образующих высокие колонны, оригинальные одиночные сосульки и целые каскады (люстры) из них, кое-где встречаются хрупкие пещерные цветы... Пещеру

можно было бы назвать красивой, если бы не холмы под колодцами. Грязные и пыльные, три высоких кургана уродуют строгий подземный пейзаж, сотворенный природой на протяжении многих веков.

В волнении обошел всю пещеру, но не увидел ни загадочных изображений на потолке, ни сотен мумий... На одном из холмов валялись уставшие, видимо, позировать (сколько их фотографировали!) полускелеты-полумумии человека и горного козла. Более внимательно обследуя конусовидные курганы под колодцами, обнаружил в основаниях их кости, черепа копытных. По останкам насчитал до двух десятков этих животных (есть частично мумифицированные, но их очень немного). Тут же еще несколько черепов мелких хищников (видимо, шакалов) и части двух человеческих черепов. Все перемешано с пылью, землей, камнями, ветками деревьев, кусками кошм и обрывками тряпок. Ни одной целой мумии.

Вот и вся «пещера мумий». Видимо, единственное, что может привлечь сюда ученых,— надежда обнаружить в глубине трех курганов, образовавшихся под колодцами, что-либо очень древнее. Но есть ли оно?»

Читатель может сравнить эти строки с красочным описанием «загробного мира», приведенным выше.

* *
*

Чтобы внести в дело окончательную ясность, может быть, стоит привести мнение

специалистов — профессора В. М. Массона и доктора исторических наук В. П. Любина:

«Пещера, о которой идет речь,— не такое уж редкое явление. Это одна из широко распространенных в известняковых районах вертикальных карстовых полостей (шахт). Природные ловушки такого типа встречаются повсеместно от Атлантического до Тихого океана, в Альпах, Карпатах, в Крыму, на Кавказе и Алтае, в Саянах и Уссурийском крае. Многие из этих шахт стали настоящими кладбищами ископаемых и современных животных... В таких ловушках непосредственно под шахтными стволами накапливаются конусовидные осыпи, состоящие из упавшей сверху земли, камней, останков животных и частей растений. Неоднократно в них обнаруживали и останки людей.

Кугитангская пещера — одна из таких коварных шахт-ловушек. Примечательная особенность этой западни — естественная мумификация трупов угодивших в нее животных и людей. Высыханию тел благоприятствует теплый и сухой микроклимат пещеры. Однако подобный микроклимат характерен и для некоторых других пещер нашей страны...

Нет оснований считать мумии пещеры Кугитанга результатом ритуальной мумификации. Обвальные конусы под шахтами, на наш взгляд, накопились естественным путем. Искусственно привнесены в них могли быть лишь различные хозяйственные отходы, сбрасывавшиеся в колодцы обитателями верхней, горизонтальной галереи. Как показали наши раскопки в этой галерее,

в ней периодически, но на непродолжительное время останавливались люди (найдены остатки кострищ и небольшое количество обломков глиняных сосудов начала нашей эры и средневековья).

«Пещера мумий» представляет, на наш взгляд, небольшой научный интерес. Возраст поднятых с ее дна предметов невелик: от средневековья до наших дней.

Что касается журналистских описаний пещеры, то тенденция к полуфантастической подаче подобного материала наблюдается издавна. Так, в «Московских ведомостях» от 11 июня 1899 года, рассказывая об известной Айдашинской пещере близ Ачинска, журналист писал: «...из глубины... часто раздаются унылые женские стоны, при которых дрожь пробегает по коже и волосы становятся дыбом».

«Обойдемся без гравитации!»

Как-то мне в руки попалась брошюра профессора А. С. Бабаева под названием «Явления, отрицающие земное тяготение». Невзрачная такая голубенькая брошюрка. Но какова сенсация! Отрицается тяготение.

В аннотации сказано:

«В настоящей брошюре доктор физико-математических наук профессор Бабаев А. С. отрицает существование силы всемирного тяготения и предлагает ввести вместо него понятие «сила всемирного давления».

И, «как в лучших домах», то же самое повторяется на английском языке.

Увы, с первых же строк брошюры становится ясно, что автор не только не обладает профессорской квалификацией, но не знает даже элементарной физики.

«Рассуждение о том, что Земля имеет силу притяжения,— пишет он,— неубедительно, так как она в целом нейтральная (беззарядная), а если бы и имела заряд, то не смогла бы притягивать нейтральные (незаряженные) тела».

Если бы профессор А. С. Бабаев прилежно

учился в школе, он бы не стал путать тяготение с электростатическим притяжением.

А вот образец того, как профессор вскрывает многочисленные «неувязки» в теории тяготения:

«Совершенно нелогично объяснение третьей космической скорости: «Третьей космической скоростью называется скорость, которая сообщается космическому кораблю для преодоления притяжения Солнца». Где логика? Ведь ракета стартует с поверхности Земли, а не с поверхности Солнца».

Такое ощущение, что профессор А. С. Бабаев упал с поверхности Луны. Опять-таки школьнику известно: даже если ракета стартовала бы с Венеры или Марса, чтобы покинуть Солнечную систему, ей все равно потребовалось бы преодолеть притяжение нашего светила, а для этого — обрести третью космическую скорость.

Профессор А. С. Бабаев уверяет, что если из камеры откачивать воздух, то вес тела, в этой камере находящегося, будет уменьшаться. Стало быть, если откачать воздух совсем, тело сделается невесомым. Отсюда вывод: вес — это то же самое, что атмосферное давление. Воистину великое открытие.

Впрочем, неожиданно профессор А. С. Бабаев дает собственное, доселе неслыханное определение атмосферному давлению:

«Под атмосферным давлением понимается сложное всевозможное давление известных и неизвестных видов материи, идущих из космоса».

Это что же такое — «сложное всевозможное»? Как же сама-то атмосфера удерживается возле Земли, если нет тяготения?

«...По-видимому, в природе,— пишет автор брошюры,— существует только вездесущное сложное по природе давление, происхождение которого пока нам неизвестно. Оно своим всесторонним и равномерным действием удерживает на поверхности Земли все существа, в том числе воздух атмосферы».

Профессор А. С. Бабаев высказывает смелую догадку, что источник силы давления находится примерно на расстоянии 15 миллионов километров от Земли и по мере приближения к ней «плотность вектора» этой силы «как бы» концентрируется, а по мере удаления — расходится.

Открытия сыплются из-под профессорского пера точно из рога изобилия:

«Скорость, необходимая для преодоления сопротивления атмосферы на высоте 7,9 километра в единицу времени, называется первой космической скоростью».

«Скорость, необходимая для преодоления сопротивления атмосферы на высоте 11,2 километра в единицу времени, называется второй космической скоростью».

«Скорость, необходимая для преодоления сопротивления атмосферы на высоте 16,6 километра в единицу времени, называется третьей космической скоростью».

Ух, постойте-постойте! Дайте дух перевести. Это как же — самолет, летящий на высоте около 8 километров и одним своим полетом показывающий, что он преодо-

левает сопротивление атмосферы, уже обладает первой космической скоростью и может смело становиться искусственным спутником Земли? А тот, который поднялся немногим выше 12 километров, может уже направляться на Луну или на Марс? А приблизившийся к 17 километрам — к Туманности Андромеды?

Но вершина бессмыслицы — это соотношение между второй и третьей космической скоростью, как его определяет профессор А. С. Бабаев:

«Третья космическая скорость равна второй космической скорости плюс отношение веса атмосферного давления над высотой 16,7 километра к его удельному весу в единицу времени».

Что это такое, позвольте спросить,— вес атмосферного давления, удельный вес атмосферного давления, удельный вес атмосферного давления в единицу времени?

Надо обладать редкой храбростью, чтобы печатать такую околесицу. Но вот ведь печатают. Читаем: «Издано по заказу Министерства сельского хозяйства СССР. Таджикский сельскохозяйственный институт». Что, у специалистов сельского хозяйства других дел нет, как опровергать закон всемирного тяготения на потеху всему свету?

Позже выяснилось, никакого министерского заказа не было. Профессор А. С. Бабаев самовольно это вписал — насчет заказа.

...И вот я сравниваю: с каким фантастическим трудом пробивают свои статьи многие ученые и как легко выпорхнула в свет

фантастически безграмотная, но претендующая на великие открытия брошюра А. С. Бабаева. Сам себе заказал, сам себе написал, сам себя издал.

* *
*

Брошюра, отрицающая великий ньютоновский закон, была подписана к печати 1 февраля 1983 года и выпущена тиражом в тысячу экземпляров.

15 июня того же года 955 экземпляров этой брошюры, как уверял в своем письме в редакцию проректор Таджикского сельхозинститута В. Н. Литвинов, были сожжены. Не знаю уж как — келейно ли, всенародно ли это было сделано. Может, на площади, в назидание всем невеждам? Думаю, вряд ли всенародно, вряд ли с назидательной целью. Ведь профессор А. С. Бабаев отделался лишь выговором, хотя вполне заслуживает разжалования из профессоров, дисквалификации, отстранения от преподавания в вузе.

Нескольких месяцев жизни брошюры оказалось достаточно, чтобы ее заприметили не только серьезные ученые (группа таких ученых возмущенно написала нам в редакцию), но и фанатики лженауки, немедленно зачислившие А. С. Бабаева в список страстотерпцев-великомучеников, страдающих от монополизма «официальной науки». С тех пор это имя мне уже не раз попадалось в письмах, упоминаемое через запятую с именами ниспровергателей теории относительности, изобретателей вечного двигателя...

Пять экземпляров жиденько-голубой брошюрки (а может, и больше) продолжают гулять по свету, смущая умы, недостаточно твердые в знании элементарной физики. Один из экземпляров задержался у меня. Время от времени я достаю его с книжной полки, разглядываю так и этак. Ведь должны же быть какие-то зримые внешние знаки, отличающие стопроцентный вздор от прочей полиграфической продукции. Наподобие того, как в стародавние времена клеймо на лбу отличало каторжника. Нет, ничего такого не видно. Брошюра как брошюра. Автор, название, издательство... В конце — выходные данные. Редактор, даже художестенный редактор (хотя единственное «художество» тут — блеклый серо-голубой цвет непрезентабельной обложки).

«Тарелки» с других планет

Всякий, наверное, слышал истории о всевозможных летающих предметах. Наверное, они происходили испокон веков, но не вызывали особого шума.

Шум начался в 1947 году, когда какой-то американец увидел что-то непонятное над какой-то горой.

Вскоре там появились и другие очевидцы «летающих тарелок». Число их стало расти. Решено было собирать и, насколько это возможно, проверять сообщения о необычных полетах. Изучение длилось двадцать лет, а затем было прекращено, поскольку ничего интересного обнаружено не было. В архив попали 12 618 свидетельств — почти полтора кубометра письменных сообщений, фотографий, фильмов, рисунков, магнитофонных записей, всевозможных вещественных доказательств.

Журнал «Сайенс» писал по этому поводу:

«Ученые исследовали «вещественные доказательства» и установили их вполне земное происхождение. Несколько тончайших волосков оказались проволочками от радара, два маленьких комочка странной

формы представляли собой обгоревшие куски нейлона, необычная пулеобразная глыба применялась для чистки труб, таинственный мутный шарик служил клапаном аэрозольного баллона. Ничего не дало изучение осколка вулканической породы, крупинок обуглившейся почвы, наконечника стрелы, якобы пущенной очевидцем в пришельца и изменившей направление полета, а также других предметов».

В коллекции были сотни фотографий. Самый распространенный сюжет — какие-то смазанные предметы круглой или сигарообразной формы, расплывчатые пятна, огни. Многие снимки просто подделаны, причем весьма неумело — детали нарисованы чернилами или впечатаны. Изображения «летающих тарелок» всегда нечетки.

Столь же туманными были и фильмы, запечатлевшие движение каких-то светлых пятен и огней на фоне ночного неба.

Письменные свидетельства очевидцев были такого рода: «Предмет темнее, чем Марс, но ярче темно-оранжевого цвета», «Тело сигарообразной формы с яркими огнями вдоль оси»...

В большинстве случаев ученые установили, что было предметом наблюдений. Однако в семистах случаях этого сделать не удалось. Соотношение вполне нормальное для такого исследования: двенадцать с лишним тысяч и семьсот. Нельзя требовать, чтобы все неопознанные летающие объекты (другое название летающих тарелок) были опознаны. Тем более что многие сообщения, вероятно, были просто выдуманы. Но

эти семьсот нерасшифрованных случаев до сих пор служат зацепкой для верящих в инопланетные «тарелки».

* *
*

Время от времени происходит всплеск интереса к «тарелкам» и пришельцам. В начале 70-х такой всплеск был вызван книгами и фильмом швейцарца Эриха Дэникена. Фильм «Воспоминания о будущем» у нас посмотрели многие. Книга с таким же названием, по которой он поставлен, не была переведена на русский. Может быть, стоит поэтому привести несколько отрывков из нее — чтобы дать представление, как автор отыскивает аргументы в пользу того, что Землю в прошлом посещали инопланетяне и что от них даже пошел род человеческий.

«...Недалеко от моря,— пишет Дэникен,— расположен старый перуанский город Наска. По обеим сторонам долины Пальпа проходит равнинная полоса шириной два и длиной 60 километров... Когда пролетаешь над этой местностью, видишь огромные, геометрически правильно расположенные линии, из которых некоторые, параллельны, другие скрещиваются.

Археология говорит, что это дороги инков. Но что пользы от дорог, которые параллельны? Или которые скрещиваются?

...Город Тиауанаку полон тайн. Он расположен на высоте четыре тысячи метров и к тому же на краю света. От города Куско (Перу) до Тиауанаку можно добраться за день по железной дороге и на судне.

Вот одна из этих тайн... Стотонные блоки переложены 60-тонными кубами песчаника. Гладкие, чрезвычайно чисто обработанные поверхности. В 10-тонных блоках обнаружены отверстия в два с половиной метра длиной, назначение которых до сих пор неясно.

В одном из реставрированных дворов находится коллекция каменных голов. Лица с узкими губами, с длинными и изогнутыми носами, с громадными ушами. Некоторые головы в странных шлемах. Может быть, эти загадочные существа хотят сообщить нам что-то, чего мы не можем или не желаем понять?

Что же рассказывает легенда о таинственном городе Тиауанаку? Она рассказывает о золотом космическом корабле, прилетевшем от звезд. На нем была женщина. Ее звали Ориана, и она должна была стать праматерью населения Земли. У Орианы было только четыре пальца, соединенные перепонкой. Праматерь Ориана родила семьдесят детей Земли и снова вернулась к звездам. Такова легенда.

И мы действительно находим в Тиауанаку рисунки и фигуры существ с четырьмя пальцами».

Еще один источник, из которого черпает Дэникен,— Библия.

«...Библия,— пишет он,— полна тайн и противоречий. «Воссоздадим людей по нашему образу и подобию...»— гласит первая книга. Почему бог говорит от первого лица множественного числа, а не единственного? Далее Библия повествует о том, как сыновья

бога взяли себе в жены дочерей человека. Можно ли ответить на вопрос: кто были эти сыновья бога, женившиеся на земных девушках?

...Описание в Ветхом завете прибытия бога и его ангелов на Землю дает нам представление об огромном шумном чудовище, принесшем на Землю богов в их блестящей одежде с четырьмя лицами и четырьмя крыльями у каждого. Описано также передвижение богов по пустыне. На современном языке можно было бы сказать, что это передвижение с помощью универсальных вездеходов.

Далее описана история рождения сына Ламеха — Ноя, который гораздо больше походил на сына неба, чем на земного ребенка. Семья Ноя, который призван стать отцом последующих поколений, предупреждена о всемирном потопе и готова к нему.

Не является ли в таком случае всемирный потоп заранее запланированным актом по уничтожению земного населения с целью воссоздания новой расы? Ведь, как уже говорилось, Писание утверждает, что бог создал человека себе подобным.

...Первые европейские мореплаватели, которые в XVIII веке высадились на острове Пасхи, не поверили своим глазам: они увидели на этом маленьком кусочке земли сотни огромных статуй, которые были рассыпаны по всему острову. Сотни огромных фигур и сегодня вызывающе смотрят на путешественника с 10- или 20-метровой высоты. Вес их достигает пятидесяти тонн... Когда-то эти колоссы имели шапки... Одна

из таких шапок — каменная глыба весом в десять тонн — валялась не в том месте, где была статуя...

...Кто же высекал эти статуи из скал, обрабатывал и транспортировал их на нынешние площадки? Как их полировали и устанавливали? И как же можно было надеть шляпу-камень, которая высекалась в другой каменоломне?»

В самом деле — как? А как строились египетские пирамиды, Вавилонская башня, Баальбекская терраса?..

Технология древних построек (за исключением каких-то деталей) не составляет загадки, но не всякому она известна. На этом и строится расчет.

— Способы передвижения крупных монолитов, применявшиеся древними строителями, описаны и в первоисточниках, и в научной литературе,— говорит профессор В. Виргинский, занимающийся историей техники.— Еще в третьем тысячелетии до нашей эры в Египте при строительстве пирамид и храмов применялись отдельные каменные блоки весом до пятисот тонн. Для подъема таких тяжестей обычно сооружались огромные наклонные насыпи из земли, кирпича и камня. Верхний конец такой насыпи выступал над строительной площадкой. Монолит укладывался на крепкие деревянные салазки и втягивался наверх по пологому уклону. При этом под салазки подкладывались каменные цилиндрические катки или шары. Иногда — подливались глинистые и иные растворы.

— Кстати,— добавляет Виргинский, ко-

торому я показал переведенные отрывки из книги Дэникена,— совершенно неверны утверждения Дэникена о том, будто в Ветхом завете описано прибытие бога и его ангелов на Землю на каком-то шумном чудовище. Там описывается явление бога Яхве с его ангелами в вихре, великом облаке огня и сиянии, то есть с атрибутами, типичными для небесных божеств. Херувимы из видения Иезикиля имеют также черты астральных божеств и как знак своего астрального происхождения несут с собой колеса, олицетворяющие круговое движение светил. «И когда шли херувимы, тогда шли подле них и колеса». Вот откуда Дэникен выводит свои «универсальные вездеходы». Эти вездеходы упоминаются и в фильме «Воспоминания о будущем».

Оказывается, не только специальную литературу стоит полистать, не доверяя Дэникену на слово, но и Ветхий завет. У всякого ли достанет охоты листать?

У многих древних историков можно найти описание диковинных людей, будто бы населяющих Землю. Люди с единственным глазом во лбу, безголовые, большегубые, одноногие, использующие свою единственную ногу в качестве зонтика, люди с рогами на голове и с копытами вместо ног... Наши предки любили фантазировать, придумывая существ с какими-нибудь уродствами и отклонениями. Не выходят за пределы этих фантазий и существа «с узкими губами, с длинными и изогнутыми носами, с громоздкими ушами».

С одной из следующих книг Дэникена —

«Посев и космос» — вовсе вышел скандал. Дэникен написал в ней о гигантской системе туннелей, будто бы обнаруженных в Эквадоре. По словам автора, много тысяч лет назад их построили пришельцы, проигравшие битву в космосе, спасаясь на нашей планете от преследователей. Западногерманский журнал «Штерн» рассказал, каким способом Дэникен раздобыл эти сведения. О туннелях, которые будто бы тянутся на тысячи километров по всей Южной Америке и имеют много выходов, Дэникену поведал аргентинский спелеолог Хуан Морич.

«Дэникен интересовался туннелем,— пишет журнал,— он хотел его осмотреть, но аргентинец отклонил эту просьбу: главный вход, по его словам, расположен слишком далеко, в сердце джунглей. Чтобы утешить Дэникена, Морич поехал с ним в окрестности города Куэнка, где показал своему спутнику «засыпанный вход в туннель».

Для Дэникена этого было вполне достаточно. В его книге мы читаем красочные описания путешествия по туннелю:

«Загораются лампочки на шахтерских шлемах и карманные фонари. Морич предлагает нам погасить свет и следовать за ним. Воцаряется абсолютная темнота. «Свет!» — восклицает Морич. Мы стоим ошеломленные, оцепеневшие в огромном зале».

«Здесь нет ни слова правды!» — воскликнул Хуан Морич, прочитав это описание.

«Дэникен весьма образно описал все, что не разрешено видеть посторонним,— продолжает «Штерн»,— огромные подземные

залы, полные золота и драгоценностей. Такие сооружения, рассуждает он, могли быть созданы только высокоразвитыми существами, обладающими разнообразными техническими знаниями...»

На самом деле в этом районе находятся пещеры, хорошо известные местному населению и не имеющие никаких следов искусственного происхождения.

«К счастью для автора,— говорится напоследок в журнале «Штерн»,— главный объект, о котором он пишет,— «система туннелей протяженностью несколько тысяч километров» — расположен в непроходимых джунглях, на юго-востоке республики Эквадор. Поэтому Дэникену не грозит немедленное разоблачение».

* *
*

Еще один пример того, как обращается Дэникен с фактами, привел в своем письме в редакцию читатель А. Гусовский. По профессии он инженер-металлург и факты выбирал, соответствующие его специальности.

В книге «Воспоминания о будущем» Дэникен пишет:

«В Дели имеется старая колонна из железа, не содержащего ни фосфора, ни серы, и поэтому не поддающаяся атмосферной коррозии».

Естественно, эту колонну Дэникен также относит на счет космических пришельцев: земляне, дескать, и ныне не научились делать ничего подобного.

Гусовский не пожалел ни сил, ни времени,

разыскал публикации, относящиеся к этой колонне. Колонна эта, называемая Кутубовой и стоящая во дворе одной из мечетей, была построена полторы тысячи лет назад, в V веке нашей эры. Она в самом деле почти не ржавеет. Одно время ее даже приводили в учебниках в качестве доказательства, что чистое железо не поддается коррозии. Однако, после того как провели химический анализ, выяснилось, что железо, из которого сделана колонна, далеко не чистое. Фосфора в нем даже больше, чем в обычной современной стали. Специалисты выяснили, почему колонна слабо ржавеет, и пришли к заключению, что причин здесь несколько. Вероятно, сказался способ изготовления колонны: она была скована, точнее сварена кузнечной сваркой из множества отдельных кусков металла, полученных в примитивных металлургических печах древности. Климат в Дели сухой, так что ржавление вообще должно происходить медленно.

Все же, по расчетам, на колонне должен был образоваться слой ржавчины глубиной от двух с половиной до семи с половиной миллиметров. Когда стали дотошно ее обследовать, обнаружили именно такой слой.

Заметили и кое-что тревожное: за последние годы из-за автомобильных выхлопов ржавление колонны усиливается, так что, если не применять охранных мер, в будущем уж никто, даже в шутку, не сможет отнести ее на счет «пришельцев»...

Писатель Еремей Парнов, бывавший в Дели, рассказывал мне, что он своими глазами

видел на колонне клеймо царя Чандрагупты. Да и по форме она схожа с памятниками, какие сооружали в первых веках нашей эры индийские властители.

Кстати, сами индийцы вовсе не относят колонну к числу святынь, будто бы оставленных на Земле космиянами. Суетятся вокруг нее «пришельцы» с Запада.

Второе «металлургическое» доказательство прилетов инопланетян Гусовский разыскал у Дэникена в книге «Посев и космос»:

«В Коттенском лесу, в нескольких километрах западнее Бонна, стоит железный столб, который с прадедовских времен прозван «железным человеком». Столб возвышается над землей на один и три десятых метра, но, по различным оценочным данным и данным измерений магнитного сопротивления, уходит в землю на двадцать восемь метров. Кусок, возвышающийся над землей, слегка поражен атмосферной коррозией, но, как ни странно, не имеет следов ржавчины. Впервые столб упоминается в грамоте XIV века...

Зачем железный столб потребовалось загонять в землю на двадцать восемь метров? Средняя Европа тоже была местом «визита богов», и лишь в этом случае «железный человек» приобретал бы смысл...»

Действительно двадцать восемь метров в глубину — фантастика! Для чего человеку внедряться так глубоко? Длина измерена с помощью «магнитного сопротивления»... Наверное, прежде попытались откопать столб лопатой, но куда ж там!

На деле, однако, выяснилось, что именно

простым, «лопатным» способом и измерили столб. Подземная его часть оказалась длиной не двадцать восемь метров, а всего только девяносто сантиметров. Сделан он не из железа, а из древесноугольного чугуна, отлитого в песчаную форму. Такой чугун обычно весьма стоек против коррозии.

Первые упоминания о столбе относятся не к XIV, а к XVII веку. Его считали то ли древним межевым знаком, то ли памятником генералу Эйзенштейну, известному по тридцатилетней войне (Эйзенштейн буквально означает «железный камень»), то ли отметкой места народных собраний...

Символом «пришельцев» этот столб сделал лишь Дэникен.

* *
*

В один прекрасный день в редакции появился кандидат технических наук Владимир Георгиевич Ажажа́. Он принес статью под названием «О контактах с внеземными цивилизациями». Начиналась она философскими рассуждениями о том, что представления об изолированности Земли изжили себя, что Земля «и физически и генетически тесно связана с космосом». Далее говорилось о внеземных цивилизациях и о «летающих тарелках». Автор уверял, что «тарелки» — это не мистификация, а объективная реальность, данная нам в ощущениях».

После 10 страниц рассуждений приводились примеры, доказывающие, что Землю то и дело навещают космические аппараты из иных миров. Самый яркий факт:

«Иранские власти подтвердили, что два реактивных самолета «фантом» иранских ВВС в субботу преследовали над столицей «летающую тарелку». Два пилота сообщили о том, что этот загадочный объект в свою очередь преследовал их.

Перехватчики поднялись в воздух в гражданском аэропорту в Мехрабаде после того, как контролеры обнаружили круглый объект, излучающий красный, синий и зеленый свет. Тегеранские газеты привели слова пилотов, заявивших, что, когда они настигли «тарелку» на высоте тысяча восемьсот метров, она ушла от них, развив скорость, в несколько раз превосходящую скорость звука, лишь для того, чтобы вернуться и начать преследовать их.

Когда пилоты попытались открыть огонь, то их электронные системы радиосвязи «внезапно были парализованы», как сообщили они. Согласно их описанию, эта «тарелка» по размерам была равна половине лунного диска, как его видно с Земли, однако она была в три раза ярче его.

Согласно сообщениям, круглый объект размером в пятнадцать футов (четыре с половиной метра) вскоре отделился от своей «авиабазы» и приземлился к югу от Тегерана. Эта местность была вчера прочесана с помощью вертолетов, однако о результатах их поисков не было объявлено».

Объявление пришло позже:

«Через день стало известно, что из приземлившегося меньшего объекта на глазах перепуганных свидетелей вышли два пилота очень высокого роста, поговорили друг с

другом на непонятном языке, а затем сели в «тарелку» и взмыли вверх».

Можете ли вы поверить такому сообщению? Ведь это событие, равное первому полету человека в космос или полету на Луну! Случись оно на самом деле — весь мир всколыхнулся бы, все бы о нем говорили.

Сообщение удивительно бестолковое. Размеры «тарелки» (в половину лунного диска) и яркость (в три раза ярче его) — это если глядеть с Земли или в тот момент, когда самолеты настигли «тарелку»?

Летчики хотели открыть огонь, но не смогли, потому что парализовало системы связи. При чем здесь системы связи?

Если свидетели слышали, на каком языке говорили вышедшие из «тарелки» пилоты, стало быть, они были очень близко от них и могли бы описать все в деталях. Но никаких деталей не приводится. Даже о росте инопланетян сообщается в общих словах — очень высокие. Это сколько же — два метра? Три? Говорят, «очень высокие» инопланетяне — трехметровые. Но в таком случае $4^1/_2$-метровая «тарелка» для них тесновата. Надо бы посадить в нее инопланетян другого вида, тоже, как говорят, имеющихся в природе,— ростом около метра...

Сюжеты таких рассказов повторяют друг друга. Если самолет преследует «тарелку», пытается сбить ее, у него обязательно что-то ломается, выключается. Пули, ракеты отклоняются. Если человек хочет подбежать к совершившей посадку «тарелке», он не-

пременно наталкивается на какую-то невидимую преграду. Или его парализует, он теряет сознание... Инопланетчики в этих рассказах похожи на людей, отличаются лишь кое-какими деталями — например, ростом. Говорят, конечно, на непонятном языке.

За «фактами» в статье Ажажи́ опять следовали рассуждения, а завершалась она манифестом:

«Перечисленные факты не позволяют нам выдвинуть альтернативу признанию НЛО аппаратами внеземных цивилизаций... Появление «инопланетных гостей» должно по-новому определить стратегию и тактику человечества в космосе... Люди вступают в новую эру — эру контактов с жителями других планет».

Статья явно не годилась для публикации в газете, о чем я без обиняков сказал автору. Мне показалось, что он не очень огорчился. Мы с ним мило побеседовали. На прощание он мне подарил отпечатанную на ротапринте брошюрку — лекции под названием «О разумной жизни в космосе». На титульном листе написал свой домашний телефон.

На досуге я полистал лекции. Они были еще более странного содержания, чем статья.

Кстати, иранская история там несколько уточнялась и переиначивалась:

«...Из меньшего по размерам объекта диаметром пятнадцать футов, который на глазах перепуганных свидетелей приземлился на окраине Тегерана, вышло два человекообразных существа, очень высокого,

как показали местные жители, роста (около двух с половиной — трех метров), в эластичной серебристой одежде, которая ближе всего ассоциируется с нашими представлениями о комбинезонах, с открытыми лицами, цвет кожи которых напоминал цвет мумий. Один из этих НЛОнавтов обратился на непонятном языке к местному жителю и, не получив ответа, вернулся к своему коллеге. Войдя в свой «аппарат», НЛОнавты взлетели, оставив на почве посадочные следы».

Как бы вы, читатель, одели инопланетян, если бы вздумали рассказать друзьям такую байку? Ну конечно, в комбинезоны. И конечно, серебристые. А цветом лица каким наделили? Разумеется, напоминающим цвет мумий.

Я позвонил Ажаже́, посоветовал ему не распространять эти лекции, дабы не вносить сумятицу в умы. Но было поздно: вскоре выяснилось, что лекции ходят по рукам.

Пошли письма от читателей. Сначала из Москвы, после из других городов. Из Ленинграда позвонил тамошний корреспондент «Литературной газеты» поэт Илья Олегович Фоняков. Сказал, что от «тарелочников» отбою нет: почему молчит печать, когда кругом бродят инопланетяне?

Надо было как-то нейтрализовать действие лекций. Посоветовались, решили попросить И. О. Фонякова побеседовать о «тарелках» с директором Пулковской обсерватории Владимиром Алексеевичем Кратом.

Несколько дней Фоняков не мог с ним

связаться. Наконец дозвонился. Какое-то время Крат раздумывал: стоит ли выступать на эту тему? После согласился:

— Пожалуй, есть смысл побеседовать. Пора наконец поставить необходимую точку...

Беседа состоялась. Я приведу выдержки из нее.

«*И. Фоняков.* Лекции В. Г. Ажажи́ сегодня довольно оживленно обсуждаются. Обсуждаются, надо сказать, не без юмора. Но юмор получается вроде как бы с оглядкой: как знать, может быть, и нет дыма без огня, ведь многие из вещей, ставших привычными сегодня, еще лет двадцать назад показались бы невероятными!

В. Крат. Было бы, конечно, чрезвычайно интересно, если бы какой-нибудь безобидный представитель инопланетной цивилизации посетил нашу не столь уж заметную в космическом масштабе Землю. Но, к счастью или к несчастью, наука не располагает ни одним сколько-нибудь достоверным свидетельством существования жизни, тем более разумной, где-либо, кроме Земли. И конечно, она не располагает какими-либо твердо установленными фактами посещения Земли посланцами иных миров.

И. Фоняков. Что же существует реально? Что дает некоторые основания для вольных или невольных спекуляций?

В. Крат. Я назвал бы две категории фактов. Во-первых, это недостаточно хорошо изученные явления природы. Довольно вспомнить обычную шаровую молнию. Впрочем, не такая уж она и обычная: это

явление довольно редкое. Она появляется сравнительно невысоко. Но есть основания полагать, что подобные ей явления, и не только шаровой формы (например, лепешкообразные), могут появляться в более высоких слоях атмосферы...

Вторая категория фактов связана с деятельностью человека. Число космических тел искусственного происхождения измеряется сейчас тысячами. Это всевозможные спутники — «живые», действующие, и «мертвые», исчерпавшие свой ресурс, но продолжающие кружиться в пространстве. Это также различные ступени ракет-носителей. Наконец, в огромном количестве запускаются с Земли всевозможные исследовательские зонды, геофизические ракеты... Они бывают весьма значительных размеров, достигают высоты в сотни километров. Не все запуски бывают удачными. Сгорая в атмосфере, обломки тел светятся, и это свечение тоже может дать пищу для различных толков...

И. Фоняков. В лекциях сообщается, что ряд крупных ученых изучали вещество, получившее название «волосы ангела» и выпадающее изредка из НЛО...

В. Крат. Это просто выдумка. Ничего подобного никогда не было.

И. Фоняков. Во время одного из контактов с землянами пришельцы якобы сообщили, что владеют семьюстами языками...

В. Крат. Это типичная попытка воспользоваться земными мерками. Мы восхищаемся человеком, знающим пять-шесть языков; гуманоиды — представители высшей ци-

вилизации, они умнее нас, значит, они должны знать семьсот. Разница чисто количественная. Между тем стоит задуматься: а зачем представителям «высшего разума» столь дробные познания? Профессиональные писатели-фантасты здесь далеко опередили дилетантов, сочиняющих «лекции». Они давно уже додумались до возможности других, более универсальных форм общения...

И. Фоняков. В лекциях В. Г. Ажажи́ рассказывается, что американские космонавты, высадившиеся на Луне, должны были произвести небольшой взрыв с целью вызвать искусственное «лунотрясение». Но «этого сделать не удалось. На корабле произошел таинственный взрыв, уничтоживший один из баллонов с кислородом. Возможно, его вызвала «тарелка», которая наблюдала за кораблем, с тем чтобы предотвратить эксперимент... который мог уничтожить базы внеземных цивилизаций на Луне». «Что это? В чем, черт возьми, дело? Я хотел бы знать, что это такое?.. Здесь находятся другие космические корабли»,— будто бы воскликнул Армстронг, увидев на противоположной стороне кратера несколько НЛО. Олдрин же, поняв, в чем дело, стал вести переговоры с Землей при помощи секретного кода. В дальнейшем вся информация об этом случае была американцами засекречена. В лекциях говорится и о других встречах космонавтов с неопознанными летающими объектами. Особенно упорно подчеркивается то обстоятельство, что первые четыре-пять часов пребывания на Луне одного

из экипажей остаются загадочными: неизвестно, что делали в эти часы космонавты.

В. Крат. За полетами космонавтов на Луну следило все человечество, их деятельность на поверхности нашего естественного спутника известна с точностью до минуты, и никаких загадок тут не существует. Я не вижу никакой логики и в разговорах о мгновенном засекречивании какой-то информации. С чего бы вдруг американцам делать секрет из своей встречи с инопланетянами, если бы такая встреча состоялась? Это при наличии-то столь падкой на сенсации прессы? Может быть, опасались паники среди землян? Но для паники особых оснований как будто не было. Да и когда останавливала американскую прессу подобная возможность?

И. Фоняков. Тем не менее версия о какой-то будто бы засекреченной информации имеет широкое хождение. Даже известная книга Д. Мензела о «летающих тарелках» объявляется сознательной дезинформацией, цель которой — успокоить взбудораженное общественное мнение...

В. Крат. Книга Мензела, по моему мнению,— честная и объективная работа. Другое дело, что автор несколько суживает вопрос, сводя почти все к разного рода оптическим обманам.

И. Фоняков. С другой стороны, за рубежом в последние годы сложилась целая отрасль науки — уфология (от UFO — английского сокращения, соответствующего русскому НЛО), выходят уфологические журналы...

В. Крат. Выходят также журналы по вопросам черной и белой магии. И это еще ни о чем не говорит».

* *
*

После опубликования этой беседы от Ажажи́ пришло обиженное письмо. Как всякий обиженный человек, он придирался к мелочам — говорил, что его лекция называется «Разум в космосе?..», а не «О разумной жизни в космосе», отрицал, будто у него «все объясняется присутствием внеземного разума», или что в его лекции инопланетянин задает вопрос: «Какой это город?»... или что у него упоминается о трехметровой НЛОнавтке, виденной в Бразилии...

«Откуда это все взято? Наверняка из обывательского лжеконспекта»,— несколько заносчиво писал Ажажа́.

Я еще раз просмотрел подаренный мне конспект. Трехметровой НЛОнавтки там действительно не было — она присутствовала в конспекте, присланном из города Изюма читателем Николаем Евтихиевичем Ивановым. Зато в авторизованном тексте лекции имелась полная классификация внешнего вида пришельцев:

«Первая группа, представители которой встречаются в контактах реже, чем второй, обладает внешностью настолько человеческой, что при желании эти НЛОнавты могли бы спокойно инфильтровать в наше общество и остаться незамеченными. Рост наш, масть (цвет волос) наша, черты лица пра-

вильные, цвет кожи разнообразный — от бледного до коричневого (цвет лица мумий), какой встречается у людей. Телосложение правильное. Ярко выражена энергичность фигуры... По-видимому, отличительным от нас (людей) признаком является статичность лица. Наши лица, видимо, более подвижны. Только в двух случаях на их лицах было замечено подобие улыбки. Один из них произошел в Италии в 1967 году, когда отмечался очередной пик наблюдений НЛО в Европе: Франции, Испании, Италии, в СССР — в Донбассе, Закавказье, Поволжье... Так вот, в 1967 году итальянская крестьянка приняла две фигуры в отливающих серебром комбинезонах за только что приземлившихся пилотов ВВС и вышла к ним навстречу с цветами. Цветы были приняты, и она была вознаграждена подобием улыбки. Такое наблюдение обнадеживает.

Эти существа встречаются в скафандрах и комбинезонах, с непокрытой головой. Это означает, что атмосфера, как дыхательная смесь, им не чужда. К этой популяции Мак-Кемпбелл относит и существ очень высоких, ростом до трех метров, как в тегеранском случае, но считает их появление редкостью, то есть аномалией. В самом деле, и у нас редко, но встречаются люди баскетбольного роста. Может быть, где-то существуют условия для более интенсивной генерации таких гигантов.

Вторая популяция, встречающаяся чаще,— это карлики. Рост до ста десяти сантиметров. В Лиме, столице Перу, наблюдали высадившийся экипаж, куда входил карлик

ростом около тридцати трех сантиметров. С нашей точки зрения, внешность карликов чрезвычайно непрезентабельна: непропорционально большая голова (отношение массы мозгового вещества к массе тела в два-три раза выше, чем у нас), безволосая, иногда с редким пушком, острые, как у рыси, ушки, морщинистый безбровый лоб, взгляд исподлобья глубоко посаженных и широко расставленных (как глазницы черепа) глаз, отсутствие носа, только ноздри, рот в виде прямой линии, без губ в нашем понимании, тонкая шея и необычный цвет кожи — землистый или зеленый (в иностранной литературе есть даже крылатое выражение — «зеленые человечки»). Тело узкое, с удлиненными ручками и ножками, то есть фигура, по нашему разумению, дистрофичная.

Встречаются карлики в скафандрах и в комбинезонах. Отмечается их активность в сумеречное и темное время суток».

Что же обижаться автору этого текста, если даже ему приписали вопрос «Какой это город?», заданный будто бы инопланетянином? Неужто встреча пришельцев с итальянской крестьянкой, цветы, подобие улыбки менее фантастично?

А описание инопланетян-карликов? Если бы вы задумали нарисовать карикатуру на человека, вы бы легко составили точно такое же описание: маленький рост, огромная безволосая голова, рысьи ушки, безбровый лоб, безносое, с одними ноздрями, лицо, проваленные, как у черепа, глазницы... Право, здесь поработала не природа не-

ведомой планеты, а небогатая фантазия какого-то нашего сопланетчика.

...Дважды мы вежливо отвечали Ажажé на его обиженные письма, однако он не унимался — продолжал обвинять газету в клевете и фальсификации, требовал опровержения. Решено было пригласить его на беседу. Поговорить не о мелочах, а по существу. Кроме Ажажи́ были приглашены двое сотрудников Академии наук — Владимир Васильевич Мигулин и Юлий Викторович Платов. Первый по отношению к Ажажé держался более или менее миролюбиво, второй — полыхал негодованием, готов был буквально испепелить.

Ажажá пытался что-то лепетать про какой-то процент наблюдений, который не удается объяснить, но Платов всякий раз обрывал его сурово:

— Что? Какой процент? Это к вам совсем не относится... К вашим выдумкам... Мало ли вокруг неизученных или плохо изученных вещей! Что, их все относить на счет внеземных цивилизаций?

— Но разве я не имею права на гипотезу?

— Ха! Гипотеза! Гипотез много можно выдумать. Но гипотеза гипотезе рознь. Одно дело — предположить, что какое-то непонятное явление — это следствие того или иного процесса, происходящего, допустим, в ионосфере... Такая гипотеза имеет право на существование... И другое — взять и ни с того ни с сего приписать все внеземной цивилизации... Это не гипотеза, а бред.

— А петрозаводское чудо?

— Чудо! Никакого чуда не было. Вы прекрасно это знаете. Был запуск спутника «Космос-955»...

«Петрозаводское чудо» Ажажá расписал в своей лекции особенно подробно:

«Начать, по-видимому, лучше с Хельсинки. 20 сентября в 3 часа 02 минуты над аэропортом столицы Финляндии завис яркий огненный шар. Он был четко виден визуально, то есть глазами, и фиксировался радиолокаторами, что является редкостью...

Объект оставался неподвижным четыре минуты и в 3 часа 06 минут двинулся в сторону востока... 3 часа 06 минут по хельсинкскому времени — это 4 часа 06 минут по московскому. «Звезда» над Петрозаводском появилась в четыре. Не сходится долготно-временнáя инварианта. Резко отличаются и внешние характеристики объектов. Можно с полной уверенностью сказать, что почти одномоментно наблюдались два различных объекта.

Третий, «стремительный» объект, который наблюдали пулковские астрономы, ворвался в воздушное пространство Ленинграда со стороны Киева... Он совершил над южной частью города большую вертикальную восьмерку, оставив инверсионный след...

Но самые интересные события, конечно, происходили над Петрозаводском. Около 4 часов утра некоторые жители города проснулись от какого-то внутреннего толчка, то есть от психического дискомфорта. Кому-то пригрезились кошмары, кого-то одолели предчувствия. Некоторые из проснувшихся, далеко не все, увидели в окна яркий им-

пульсный свет огромной «звезды». Частота импульсов была около двух герц, то есть около двух вспышек в секунду...

...Из НЛО выдвинулся вертикально вниз центральный луч, подобно тому как телескопически выдвигается штатив фотоаппарата. Затем появились и пошли к земле периферийные лучи. Иллюзия ливня была полная. Некоторые люди даже слышали шум дождя, но это могло быть галлюцинаторное впечатление. Некоторым показалось, что огненные струи не прямые, а колеблются «змейкой». Зрелище подавляло своей фантастичностью и необычностью...

...От НЛО отделилась небольшая огненная «запятая», как свидетельствуют одни, или огненный «предмет», напоминающий по форме и размерам большой удлиненный карманный фонарь, как сообщают другие. Назовем его условно зондом...

Этот гипотетический зонд некоторое время «витал» возле домов, не касаясь строений и тротуаров, а затем вернулся на основной объект...

Из центральной части города НЛО переместился в сторону порта и снизился над судном «Волгобалт». Это судно серийной постройки, имеющее стандартные размеры. Сопоставив показания наблюдателей из разных точек с известной длиной судна сто шестнадцать метров, получим с достаточной точностью диаметр НЛО — сто пять метров. Затем НЛО завис над Онежским озером недалеко от берега, и с него в воду стартовал меньший по размерам, но подобный по форме объект. После этого исчез и большой НЛО...

...Немногие жители Петрозаводска, из числа тех, кто в это время находился в отъезде, обнаружили, что двойные стекла их окон пронизаны насквозь оплавленными отверстиями диаметром пятьдесят — семьдесят миллиметров. Подчеркиваю, только в нескольких домах (далеко не во всех) и только в тех из них, где не было людей. По направлениям отверстий, если предполагать, что они сделаны НЛО, можно было определить его высоту в момент излучения, которая составляла четырнадцать километров. Одна из таких рам доставлена в Москву и передана для анализа в один из институтов».

Фантастика, да и только. При таком описании случившемуся, конечно, трудно найти иное объяснение, как только через инопланетный корабль.

Однако есть иная версия, более скромная, изложенная в газетах:

«Жители Петрозаводска явились свидетелями необычного явления природы. 20 сентября около четырех часов утра на темном небосклоне вдруг ярко вспыхнула огромная «звезда», импульсивно посылавшая на землю снопы света. Эта «звезда» медленно двигалась к Петрозаводску и, распластавшись над ним в виде медузы, повисла, осыпая город множеством тончайших лучевых струй, которые производили впечатление проливного дождя.

Через некоторое время лучевое свечение кончилось. «Медуза» обернулась ярким полукругом и возобновила движение в сторону Онежского озера, горизонт которого окуты-

вали серые облака. В этой пелене потом образовалась полукруглая промоина ярко-красного цвета к середине и белая по бокам. Это явление, по свидетельствам очевидцев, продолжалось десять — двенадцать минут».

— Никакого чуда не было, сказались две вещи — эксперимент в космическом пространстве наложился на сложную геофизическую обстановку: в этот момент происходили мощные колебания магнитного поля, интенсивные полярные сияния... Если мы не можем пока объяснить все детали такого процесса, это не значит, что надо нагромождать друг на друга нелепицы. Причем все одно и то же, все одно и то же: базовый корабль, отделяющиеся от него зонды, погружение в воду, какие-то лучи, прожигающие стекла... Слушайте, неужели вам все это не надоело?

Ажажá как-то сник. Нам даже стало жаль его. Разговор только начался, а впору было кончать его: все было ясно. Для приличия мы задали еще несколько вопросов нашим гостям из Академии наук. Они отвечали по очереди.

— Какой процент непонятных явлений в атмосфере так и остается непонятным?

— Называются разные цифры, но в среднем, наверное, от пяти до пятнадцати процентов.

— А мы слышали — двадцать — двадцать пять...

— Такая величина может получиться, если учитывать сообщения, например, такого рода: «Я проснулась, выглянула в окно и увидела, как пролетел огненный шар размером

с будильник». Такое сообщение и в корзину не выбросишь, поскольку указаны место и время наблюдения, и что с ним делать, неизвестно: в нем, по сути, нет никакой информации.

— Чем все-таки оказываются неопознанные объекты, когда их удается опознать?

— Девяносто — девяносто пять процентов — это продукты технической деятельности человека. Например, зонды.

— На какой высоте они летят?

— Некоторые поднимаются до пятидесяти километров.

— Разве их увидишь простым глазом?

— Да, конечно, когда они освещаются солнцем, недавно зашедшим за горизонт. А вот когда зонд попадает в земную тень, он мгновенно исчезает. Верящие в инопланетные космические корабли объясняют это тем, что корабли эти, дескать, не обладают инерцией и мгновенно могут развивать умопомрачительную скорость. Зонд может лопнуть на большой высоте — при этом возникнет еще более эффектное зрелище...

— Зонды — это самый распространенный тип «летающих тарелок»?

— Пожалуй, нет. Чаще всего люди принимают за «тарелки» какие-то явления, связанные с запусками ракетной техники. Если самолет при хорошей погоде вы можете заметить на расстоянии пятидесяти — семидесяти километров, следы космического запуска, опять-таки подсвеченные солнцем, заметны гораздо дальше. Впрочем, нередко за что-то загадочное и непонятное принимаются и самолеты. Представьте себе само-

лет, заходящий ночью на посадку. Он включает мощные фары. При хорошей погоде вы их можете заметить опять-таки за десятки километров. Поскольку рядом нет аэродрома, мысль о самолете не придет вам в голову. При небольшом маневре вы можете потерять его фары из виду (они — узконаправленные), затем снова заметить и т. д. Ну разве не повод, чтобы заключить, что вы видели нечто из ряда вон выходящее?

— А что можно сказать о небесных телах?

— Их тоже часто принимают за НЛО, чаще других — Венеру. Нередко вид этой планеты, особенно когда она просвечивает сквозь облака, сквозь туман, представляет поистине сказочное зрелище. Ее видимые большие размеры часто сбивают с толку. Известен случай, когда человек, принявший ее за НЛО, бежал за ней несколько километров по лесной просеке: ему казалось, что она стремительно удаляется от него. Самое удивительное: редко кто помнит, что планеты блуждают среди звезд, хотя вроде бы все проходили это в школе. Отсюда — недоразумения. А кометы редко вызывают какие-то эмоции. Это тоже понятно: комета движется по небосводу сравнительно медленно, ее видят изо дня в день...

— Чем объяснить, что движение каких-то светящихся или темных пятен на небе люди сплошь и рядом описывают как маневрирование, так что сразу приходит мысль об управляемом аппарате?

— Даже если человек стремится добросовестно описать движение, сделать это нелегко, особенно при отсутствии навыка. Дви-

жение происходит в пространстве, мы же наблюдаем его в плоскости, отсюда — искажение реальной картины. Вы, наверное, видели движение спутника. Вам кажется, что он летит то медленнее, то быстрее, меняет направление своего движения. А на самом деле он движется равномерно вокруг Земли.

— Можно ли считать, что все замечаемые в небе непонятные явления — те, что остаются пока непонятными даже после тщательного изучения,— имеют одну и ту же природу?

— Нет, конечно. Это могут быть и особые формы полярных сияний, и вихри, и многое другое...

— По логике следует, что процент непонятных явлений, которые так и не удается понять, будет все время сокращаться. Достигнет ли он когда-нибудь нуля?

— Вряд ли. Познание, как известно, неисчерпаемо. Это относится и к данной области.

Стало быть, повод для разговоров о «летающих тарелках» всегда останется.

На этом наша беседа закончилась. Все это время Ажажа́ сидел молча. Больше он в редакции не появлялся, и я ничего о нем не слышал.

Мыслепередача Москва — Керчь

Споры о телепатии идут много лет. Время от времени газеты сообщают, будто где-то за границей получены убедительные свидетельства существования этого феномена. После, однако, об этих сообщениях забывают.

У нас тоже есть «телепаты». Одно время известность получили Юрий Каменский и Карл Николаев, которые, как утверждалось, провели ряд успешных телепатических опытов.

Вообще-то сенсацией было бы, если бы удалось доказать, что возможен обмен мыслями между двумя людьми, сидящими в соседних комнатах. Но соседние комнаты — неинтересно. Вот если бы между «телепатами» пролегли тысячи километров!.. В одном из экспериментов Николаев отправился в далекий сибирский город, а Каменский остался в столице.

«Во время сеансов,— писала одна из газет в статье под названием «Мыслепередача Москва — Новосибирск»,— Николаев довольно четко принял изображение гантелей и отвертки... При приеме других образов вплеталось множество ассоциативных

помех. Экспериментаторы, однако, считают, что в дальнейшем при учете первого опыта эти помехи можно будет ослабить... Сеанс с картами Зенера * еще обработан не до конца. Но уже сейчас ясно, что число совпадений переданных и точно принятых изображений выше числа возможных случайных совпадений, высчитанных по теории вероятностей».

К данным эксперимента автор статьи присовокуплял и свои собственные наблюдения.

«В заключение замечу,— писал он,— что мне лично довелось проверить телепатические способности К. Н. Николаева и Ю. И. Каменского. Это заставляет меня присоединиться к мнению тех советских ученых, которые считают, что способностью к мыслепередаче обладают все люди, только в разной степени. И что эти способности поддаются тренировке».

Менее чем через год другая газета сообщила о новом опыте, на этот раз о сеансе передачи мыслей Москва — Ленинград. Новая статья отличалась от предыдущей восторженным стилем:

«Поезд-экспресс летит со скоростью 160 километров в час. Точно измерено время распространения радиоволн — 300 тысяч километров в секунду... А какова скорость мысли, с которой она преодолела путь между Москвой и Ленинградом без помощи радио и телеграфа? Именно такие эксперимен-

---

* Карты Зенера — листы бумаги с изображением одной из пяти фигур: круга, квадрата, звезды, креста или трех волнистых линий.

ты по передаче мысли между Москвой и Ленинградом были проведены...»

А вот как описывался сам эксперимент:

«В закрытые глаза Каменского бил свет. Вспышки яркой лампы следовали одна за другой. Даже сквозь закрытые веки Юрий чувствовал яркость луча. Он старался мысленным взором увидеть Николаева и передать ему свое ощущение света. Николаев увидел Каменского и зажмурил глаза. Но спрятаться от лучей было некуда...»

Это был первый этап эксперимента. Затем начался второй:

«В Москве Юрий Каменский смотрел через разные промежутки времени на пластмассовую щетку, коробку из-под папирос «Ява», еще на какой-то предмет, названия которого он сам не знал,— их принесли к началу опыта в запечатанном виде из Политехнического музея. Образы этих предметов следовало передать. Юрий раскрыл коробку «Явы» и представлял Карла, берущего папиросу из пустой коробки. В эти мгновения Карл записывал в тетрадь, еле поспевая за бегом образов: «...где-то мерещится папироса (отвлекает запись). Есть крышка, внутри пусто. Поверхность не холодная. Картон».

Наконец, третий этап:

«...На второй день пребывания в Ленинграде свершилось то, что было под силу только радио. В эфир были переданы слова».

Итак, вроде бы доказательства получены. Увы, после этих публикаций скептическое отношение большинства ученых к телепатии не изменилось. Тогда в «Литературную га-

зету» обратилась группа энтузиастов с просьбой опубликовать статью «Парапсихология — наука будущего». Имея в виду результаты экспериментов Москва — Новосибирск и Москва — Ленинград, авторы говорили о телепатии как о чем-то абсолютно доказанном. Сюда же пристегивались телекинез, ясновидение, кожное зрение...

«Результаты парапсихологических исследований,— говорилось в статье,— представляют не только научный, теоретический интерес, но и позволяют решать ряд вопросов, имеющих прикладной характер. К ним следует отнести осуществление биотелесвязи — передачу информации помимо существующих в настоящее время технических средств связи, повышение эффективности учебных процессов, извлечение информации из глубин человеческой памяти...»

Что ж, благие намерения. Вот только существует ли биотелесвязь? По нашей просьбе авторитетные специалисты познакомились с протоколами телепатических опытов и пришли к заключению, что в этих опытах нарушался ряд методических требований, выполнение которых обязательно в такого рода экспериментах, протоколы были оформлены с грубым нарушением общепринятых правил, результаты экспериментов нельзя было истолковать однозначно.

По этой причине мы решили повременить с публикацией статьи до тех пор, пока не будут получены более убедительные доказательства существования телепатии. Мы решили провести контрольный эксперимент.

Конечно, не дело газеты заниматься науч-

ными исследованиями, но как быть, если научные учреждения не желают обращаться к этому предмету, полагая его несерьезным, а читателей он интересует?

Газетный эксперимент — дело тяжелое. Ради десятка-полутора страничек текста приходится проделать уйму организационной работы, не предусмотренной обычным редакционным распорядком. Куда легче напечатать обычную статью.

Так или иначе, эксперимент начался. Как во всамделишном эксперименте, была создана комиссия, разработана методика. По примеру предыдущих двух опытов сеанс телепатической связи решено было провести между отдаленными друг от друга городами — Москвой и Керчью. По желанию «телепатов» передавать решили образы предметов.

Комиссия подобрала 50 пар предметов так, что каждый предмет отличался от остальных несколькими характерными признаками. Получилось два одинаковых набора. Один остался в Москве, а другой отправили в Керчь.

И вот в назначенный день и час в лаборатории психофизиологии Московского НИИ психиатрии собралась московская часть комиссии «Литературной газеты». Бросается жребий — какой предмет передавать первым. Предмет номер девять. Резиновый ластик. Его передают «индуктору» — Ю. Каменскому. В условленное время он начинает передачу образа предмета.

В этот же момент «перципиент» К. Николаев, сидящий в репетиционной комнате

керченского городского театра, изо всех сил пытается принять внушаемый Ю. Каменским образ. Лицо у него красное. Со лба течет пот.

Николаев описывает предмет, который ему видится. Это описание записывается на пленку. Один из членов комиссии ведет также контрольную запись от руки.

Внушение и прием длятся 10 минут.

— Тонкое, тонкое, штопором,— говорит Николаев,— увидел, плохо увидел штопор, тонкое, такое вытянутое, штопором, двоится, длинное, гладкое, с заострением. Внизу как ручка, деревянная, очень похоже на штопор, если только не выдумка, а другой лезет круглый, это одно из двух, совсем круглый, полированный, гладкое совсем, светлый, светлый, это не металл и что-то нарисовано, узоры есть, узоры есть, прогнуто, как чаша, гладкое, гладкое, круглое, светлое, что-то зеленоватое есть, наверное, узоры зеленоватые, тьфу ты черт, опять штопор лезет, как совместить? Круглое, плоское, круглое, прогнутое, длинное, что-то плоское, вытянутое, никак не совместить, есть этот тонкий стержень острый, не могу понять, что такое: лезет два предмета — тонкий стержень, один плоский, гладкий, не металл... а стержень — металл, стержень — металл, стержень вытянутый, тонкий, гладкий, кольца, какие-то кольца, внизу ручка, проклятый штопор лезет, блюдце, прицепился, вытянутое осталось, серебристое осталось, заострение осталось, кольца остались, вытянутое, длинное, заострение четкое, тонкий и круглый, неровный, внизу то ли пробка, то ли де-

рево, пробка в руках, ручка шероховатая... коричневатое, это есть и преследует неотступно блюдце, вращает, ребристое, вытянутое есть, заострение есть, кольца есть, он что-то делает, то ли колет, то ли режет.

В конце дня Николаев вместе со своими помощниками на основании этого описания сделал вывод: передавался образ фарфорового блюдечка (предмет номер тридцать два).

Всего в первый день было проведено пять таких сеансов. На следующий день — столько же.

Еще через день вся комиссия собралась в редакции. Вскрыли опечатанные конверты с протоколами московской и керченской групп, сравнили, что передавалось и что принималось. Передается ластик — принимается фарфоровое блюдечко. Передается свинцовый кабель, завязанный узлом,— принимается радиатор охлаждения. Передается модель катера — принимается пробка от шампанского. И т. д. Ни одного совпадения.

«Комиссия констатирует, что в данном эксперименте телепатическая связь отсутствовала» — таков был вывод.

Вместе с тем комиссия выразила мнение, что имеет смысл продолжать опыты по проверке периодически появляющихся сообщений об успешной телепатической связи. Причем публиковать следует и положительные, и отрицательные результаты.

* *
*

После всякой заметной публикации на газету обрушивается шквал откликов. Первые — по телефону.

— Алло!

— Да, слушаю вас.

— Я по поводу телепатического эксперимента. Этот эксперимент — крупное поражение «телепатов». И не надо было подслащивать пилюлю, делая заключение, что «имеет смысл продолжать опыты». Зачем?

— Все-таки был проведен лишь один эксперимент. Маловато.

...— Алло! Вы не могли бы прислать описания всех предметов, которые сделал Николаев?

— Зачем вам они?

— У меня сомнения: действительно ли он не угадал ни одного предмета. В том описании, которое вы поместили в газете, явно просматривается ластик: «...плоский, гладкий, не металл...»

— А как быть со штопором, который присутствует в каждой строчке описания?

— Возможно, это какая-то помеха.

— Но сам Николаев назвал фарфоровое блюдечко.

— Видите ли, восприятие и интерпретация — разные вещи.

...— Алло! Поздравляю вас с прекрасным, хорошо продуманным научным опытом. Если бы те же условия были соблюдены при проведении телепатической связи Москва — Ленинград и Москва — Новосибирск, то не

появились бы на страницах уважаемых газет сообщения о сверхсветовых скоростях, с которыми распространяются мысли и образы предметов.

...— Алло! Я по поводу телепатии. Сколько бы вы ни писали, для меня лично существование телепатии не подлежит сомнению. Столько раз и со мной, и с близкими мне людьми было: случилось какое-то событие, и вот я уже почувствовал, что оно случилось. А после узнаю: да, в самом деле, именно в это время.

— Но ведь это не может служить доказательством телепатии. Это могло быть случайное совпадение.

— Для вас это не доказательство, а для меня доказательство.

...— Алло! Вы неправильно подобрали предметы для передачи.

— Почему же?

— У вас один предмет мало отличается от другого, поэтому «телепат» и не может их различить. Надо, чтобы они отличались друг от друга не менее чем десятью признаками.

— А вы прикидывали, сколько при этом потребуется признаков?

— Нет, а что?

— Посчитайте...

...— Алло! По-моему, более неподходящее время и место для эксперимента трудно было придумать.

— Чем же они не подходят?

— А тем, что самый хороший радиоприемник все-таки лучше работает не в пределах большого города, а вдали от него, и не днем, а ночью. А вы выбрали Москву и са-

мое оживленное время дня, когда в городе бесчисленное множество помех. К тому же от Москвы до Керчи чересчур далеко...

— Но мы ставили контрольный эксперимент — проверяли результаты двух предыдущих опытов. Там условия были такими же. Что касается расстояния — между Керчью и Москвой расстояние больше, чем между Москвой и Ленинградом, но меньше, чем между Новосибирском и Москвой.

...— Чтобы телепатия проявилась, «индуктор» должен быть в приподнятом эмоциональном состоянии. У вас же в эксперименте условия были таковы, что эмоциональность снижалась: утомительное, однообразное повторение одного и того же...

— Мы пока не знаем, существует ли вообще телепатия, тем более нам ничего не известно о ее свойствах — когда и в каком состоянии она проявляется.

...— Вряд ли есть смысл публиковать отрицательные результаты. Кому они интересны?

— Вы хотите, чтобы публиковались только положительные? А как быть с истиной? В науке ценен не только положительный, но и отрицательный результат.

* *
*

Вообще-то ничего сверхъестественного в телепатии нет. Если она будет обнаружена, никакие законы природы не пострадают. На этот счет хочу привести разговор с одним известным физиком, академиком.

— Видимо, на близких расстояниях все-

таки можно допустить существование телепатии,— считает этот ученый.— Ведь с процессом мышления связаны биохимические и биофизические процессы, которые происходят в мозге. Они могут сопровождаться электромагнитным излучением. Обычно физики, отвергающие телепатию, говорят, что оно очень слабое и на достаточно больших расстояниях его уровень значительно ниже уровня шумов, а поэтому сигнал нельзя различить. Но дело в том, что речь идет не о простом, а об очень сложном сигнале. Возможно, мозг человека способен выделять такие сигналы из окружающих шумов. Такие вещи известны в радиотехнике. Сложный сигнал может вступить в резонанс со сложно устроенным приемником, так что уровень восприятия может оказаться чрезвычайно высоким. Я не могу сказать, насколько это допущение соответствует реальности, но полностью отвергать его нельзя.

Александр Исаакович Китайгородский, известный борец с лженаукой, частый автор «Литературной газеты», считал по-другому. От него я не однажды слышал как раз тот аргумент против телепатии, в основе которого — ссылка на слабость сигнала:

— Электромагнитное излучение, которое посылает мозг, тонет в шуме тысяч радиостанций и даже перекрывается магнитным полем Земли.

Мы часто спорили с Китайгородским. Мне казалось, что некоторые его аргументы не очень убедительны. Он и сам не отрицал, что часть его доводов опирается просто на интуицию и богатый опыт физика.

Все-таки это вопрос эксперимента, а не рассуждения. Такого эксперимента, какие ставят Ю. В. Гуляев, Э. Э. Годик и их сотрудники в Институте радиотехники и электроники (об этих экспериментах речь впереди). Пока, насколько знаю, они не занимались телепатией, но в скором времени, не исключено, мы услышим и об этих опытах. Тогда станет ясно, имеется ли возможность для передачи сигнала от одного мозга к другому.

Впрочем, в телепатии ее энтузиастов волнует совсем не электромагнитная передача сигналов. Им она видится как общение родственных душ при посредстве неведомого биополя либо же вовсе без всякого посредства. Ни расстояния, ни каменные стены такому общению не помеха. Именно потому сами «телепаты» храбро выбирают для экспериментов тысячекилометровые расстояния, хотя, повторяю, достаточно было бы продемонстрировать телепатическую связь, находясь в соседних зданиях или даже в соседних комнатах.

Читая руками...

Несколько лет назад в редакцию «Литературной газеты» пришло письмо:

«В последнее время довольно часто приходится слышать о загадочных явлениях человеческой психики. Им посвящены лекции, публичные демонстрации. В частности, много говорится о кожном зрении — о том, что некоторые люди способны различать пальцами цвета, изображения и т. д. Но ведь если есть такие факты, они должны стать основанием для широких научных обобщений. Между тем ничего подобного ни мне, ни тем, с кем мне приходилось разговаривать, неизвестно. В. Форафонов. Москва».

В самом деле, коль скоро установлены какие-то факты, прежде неизвестные, правомерно вести разговор и об их научном осмыслении. Похвальная забота читателя о науке. Но вот вопрос: достоверно ли установлен факт «кожного зрения»? Если судить по газетным публикациям, нередко появлявшимся в те годы, ярче всего (и, кажется, впервые) кожное зрение проявилось у жительницы Нижнего Тагила Розы Кулешовой. Мы пригласили ее в редакцию.

Несколько дней, в течение которых она была нашей гостьей, оказались хлопотными. Гостья была поведения неуправляемого. Она порхала по редакционным этажам в эйфории славы и всеобщего внимания и всюду демонстрировала свои способности. То там, то здесь ее можно было видеть в толпе сотрудников с картами Зенера или почтовыми открытками в руках. Отвернувшись, она безошибочно называла фигуры на картах, описывала изображения на открытках. В редакционном буфете Кулешова могла подскочить к сотруднику, стоящему в очереди, и без всякой его просьбы сказать, какого цвета у него... часть туалета, скрытая верхней одеждой. Она ворвалась в кабинет главного редактора, бросила на пол какую-то книгу, скинула туфлю и стала читать текст, водя по нему ногой...

После об этих днях долго вспоминали в редакции.

Мы решили провести с Кулешовой такой же эксперимент, как с «телепатами». С ней, однако, договориться оказалось несравненно сложнее. Она с трудом понимала, чего от нее хотят, без умолку тараторила, предлагала продемонстрировать вещи фантастические.

Мы, однако, были настроены на малое. Взяли лист фанеры в полтора метра шириной и столько же высотой, проделали в нем отверстие для руки и прикрепили к нему рукав из черной непрозрачной материи, наподобие того, как это делается в фотолабораториях. Этот лист ставили перед Кулешовой, она просовывала руку в рукав и щупала

предметы разного цвета — карандаши и пуговицы,— которые ей давали. Рукав при этом плотно облегал руку, а фанера закрывала поле зрения, подглядывать было невозможно.

Заранее договорились считать удачным опыт, если Кулешова верно назовет цвет более чем в половине случаев: половину верных ответов можно отнести на счет простого совпадения.

Провели несколько серий таких экспериментов. Лучший результат: семь правильных ответов из восемнадцати.

Затем задачу усложнили. Давали Кулешовой открытки с репродукциями картин, наподобие тех, которые она, не глядя, описывала в редакционных коридорах и кабинетах. Результат — ноль. Про «Портрет девушки в черном» Дерена она сказала: «Похож на цветы»; про «Автопортрет» Ван-Дейка — «Разные цветы»; про «Женщин на берегу моря» Гогена — просто «Цветы»... О некоторых открытках вообще ничего не сказала.

Тогда фанерный лист убрали и надели на глаза Кулешовой простую черную повязку, какую она обычно использовала в своих выступлениях перед публикой. Все преобразилось. Во всех случаях ответы давались точные и подробные: правильно указывались цвета предметов, скрупулезно описывались детали картин на открытках, бегло читался текст.

Приунывшая было испытуемая снова воспрянула, снова принялась донимать экспериментаторов своим необузданным темпераментом. Это был контрольный опыт. Ясно

было, что повязка совсем не застраховывает от подглядывания.

Наконец, решено было повторить эксперименты, о которых писали газеты и с которых пошла слава Кулешовой. Эксперименты с разноцветными лучами.

Из прибора, наподобие детского диаскопа, испускается луч какого-то одного цвета. Человек подносит к окуляру руку и на ощупь определяет цвет луча. В газетах сообщалось, что в одном опыте Кулешова «из семнадцати предложенных цветов все семнадцать определила верно». Почти так же успешны были и другие опыты. Только один был расценен как сравнительно неудачный — когда из шестидесяти четырех раз она давала правильный ответ в пятидесяти четырех случаях.

Прежде чем приступить к эксперименту, осматриваем прибор. Щелк... Щелк.. Щелк... Щелчки переключателя при установке разных цветов неодинаковы, слегка отличаются. Внимательный слух может это уловить...

Чтобы исключить возможность подслушивания, просим привезти еще один такой же прибор. Теперь экспериментаторы будут щелкать переключателями обоих приборов одновременно, но переводя их в разные положения. На голову Кулешовой набрасывается непрозрачное покрывало. В рабочий прибор вставляются пластинки четырех цветов. Четыре цвета — такой у Кулешовой выбор. Опыт начинается.

Согласно жребию, первым должен быть включен желтый цвет. Раздаются два одновременных щелчка. «Синий»,— говорит Ку-

лешова. Снова включается желтый цвет. «Синий»,— следует ответ. Теперь действительно синий. «Синий». Правильно. Во второй раз синий. «Желтый». Зеленый. «Красный»...

Два верных ответа из десяти.

— Уф, не могу. Жарко,— испытуемая вытирает лицо платком.— Здесь у вас так душно!

В самом деле душно. На дворе теплая погода. А тут еще черное покрывало, тепло от прибора.

— Может быть, включать три цвета, а не четыре? — говорит кто-то, сжалившись над Кулешовой.

В опыте с тремя цветами Кулешова дала восемь верных ответов из двадцати. Это уже несколько лучше, но все равно не бог весть что. В общем-то все это лежит в пределах случайных угадываний. Или едва превышает их число.

А теперь условия опыта облегчаются: вместо покрывала — повязка на глаза, второго, маскирующего щелчка не делается. Стопроцентное угадывание. Прямо хоть пиши взахлеб восторженную статью.

«...В настоящее время кожно-оптического чувства у Р. А. Кулешовой не обнаружено,— говорилось в заключении комиссии «Литературной газеты», куда входило пятеро авторитетных ученых различных специальностей.— Но существует ли «кожное зрение» вообще?.. Само по себе количество «удачных» опытов, количество публикаций не убеждают. Необходим тщательный анализ условий экспериментов и их результатов».

* *
*

Редакция «Литературной газеты» размещается в Москве на Цветном бульваре, как раз напротив старого цирка. Мы попросили Кулешову задержаться еще на день, и уже без всяких экспериментальных строгостей, показать, что она умеет. Пригласили из цирка известных иллюзионистов, среди них Эмиля Кио. Те смотрели внимательно. Под конец Кио сказал, что, по его мнению, все показанное относится к цирковому жанру.

* *
*

Само собой разумеется, Розе Кулешовой не составляло труда дурачить людей неискушенных. Что она и делала. До сих пор об этом люди вспоминают. Москвич И. Ф. Корнеев прислал в редакцию письмо, в котором рассказал о своей случайной встрече с Кулешовой. Судя по всему, эта встреча произошла вскоре после эксперимента «Литературной газеты», в котором проверялись способности Кулешовой. Или даже в период, когда он проводился, между двумя встречами испытуемой с комиссией из специалистов. И. Ф. Корнеев служил в ту пору в милиции (ныне он на пенсии).

«Однажды вместе со своим коллегой из МВД полковником Титовым А. И.,— пишет И. Ф. Корнеев,— я оказался в подсобном помещении склада одного из отделов ЦУМа. Примерно через 15 минут, как мы туда пришли, туда же вошла, а точнее, вбежала женщина, на вид 32—35 лет, ниже среднего рос-

та, одета в старое демисезонное коричневое пальто. Ругая на чем свет каких-то академиков, профессоров, с которыми она якобы только что встречалась, женщина, заметив наш недоуменный взгляд, представилась:

— Роза Кулешова. Это обо мне пишут в газетах. А сейчас я окончательно разругалась с учеными,— продолжала она.— Я им доказываю и показываю, что я умею, а они твердят одно — этого не может быть. Но я им завтра докажу свое, а если не поймут — уеду к себе на Урал, приду в цирк и покажу, на что я способна.

Вот и вы мне не верите,— обратилась она к нам.— Тогда завязывайте мне глаза.

Я попросил дать с полки кофту (она оказалась зеленого цвета) и в присутствии восьми — десяти женщин и своего коллеги туго рукавами обвязал ей голову и до пояса опустил остальную часть кофты. Таким образом на голове оказалось нечто вроде мешка. Затем началось самое интересное. Я достал свое служебное удостоверение и поднес под вытянутую руку Кулешовой. Поводив рукой, она бойко прочитала написанное, безошибочно называя мое звание, должность и все другие записи. Затем кофту развязали.

— Ну что, милиция, и вы мне не верите? Тогда завязывайте еще.

Я снова завязал ей глаза. К удивлению присутствующих, Роза прочитала все записи в удостоверении личности Титова А. И. Характерно то, что слова в удостоверении написаны таким мелким шрифтом, что не всякий человек с нормальным зрением сразу

прочтет, тем более на расстоянии вытянутой руки.

Войдя в какой-то азарт, под удивленные улыбки и вздохи присутствующих я еще пять-шесть раз завязывал ей глаза, давая для чтения различные документы — накладные, счета. Причем во время чтения этих документов я незаметно подносил к поясу Кулешовой папку с бумагами, располагая ее вроде экрана. Но этот экран тоже не помогал, нам во всяком случае. Она не подглядывала, но читала, читала и приговаривала:

— Вы, я вижу, тоже, как те академики... Да что с милиции взять — она никому не верит.

Затем, на прощание, она показала несколько фокусов, экспромтом сочинила стишки про советскую милицию и ушла, пообещав прийти сюда завтра и рассказать о повторной встрече с учеными.

Оставшись без нее, мы долго обсуждали виденное, спрашивали друг друга: а не одурачила ли всех нас эта Роза? Для проверки мы стали поочередно завязывать друг другу глаза той же кофтой, но у каждого перед глазами была сплошная темнота.

Сойдясь на том, что Кулешова все-таки «видит» руками, мы разошлись. После каждый из нас долго и многим рассказывал потом об увиденном, утверждая перед слушателями «феномен Розы Кулешовой».

Удивительно точно описал И. Ф. Корнеев Розу Кулешову. Как это похоже на нее — эта эксцентричность, эта ругань по адресу неверующих ученых, эта вечная готовность

демонстрировать любому и каждому свои способности, эти стишки про милицию...

Самое занятное, однако: И. Ф. Корнеев не замечает, как он опровергает сам себя, свое уверенное «она не подглядывала». Фразу: «Вы, я вижу, тоже, как те академики... Да что с милиции взять — она никому не верит» — Кулешова говорит как раз в тот момент, когда И. Ф. Корнеев пытается поставить экран между ее глазами и читаемым текстом. Стало быть, экран-то, по крайней мере, она видит. Другое дело, что он ей не мешает, с такими помехами она умеет справляться.

* *
*

Недавно один журналист упрекнул «Литературную газету» в том, что она не объективно подошла к «феномену Розы Кулешовой». Дескать, сегодня ученые научно обосновали этот феномен.

Ну во-первых, в чем же необъективность? Мы провели эксперимент и опубликовали его результаты — все, как было. Во-вторых, что нынче обосновали ученые? Они обосновали принципиальную возможность отличать рукой черное от белого, светлое от темного, различать простые геометрические фигуры (карты Зенера), крупные буквы...

В лаборатории Института радиотехники и электроники, которой руководит Эдуард Эммануилович Годик, имеется видеомагнитофонная запись одного из экспериментов, поясняющая суть явления. На экране дисп-

лея на белом фоне виднеется какое-то мутное пятно. Но вот к нему приближается рука, и становятся различимы очертания букв. Рука ближе, и надпись становится отчетливо видна: заголовок газеты «Правда». Рука движется дальше, и слово опять превращается в неразличимое пятно.

Объяснение простое: рука посылает тепловые лучи, те отражаются от бумаги, над которой движется рука; от белой поверхности, понятное дело, они отражаются иначе, чем от черной краски букв. Отраженные лучи воспринимаются датчиками прибора — тепловизора. Их чувствительность не выше чувствительности руки — отсюда делается вывод, что и рука может «видеть» то же самое, что «видит» тепловизор.

Правда, тут еще много неясного. Неясно, могут ли температурные ощущения складываться в образ, насколько сложные образы можно таким образом воспринимать... Но все это неясности совсем иного рода, нежели те, которые возникали в прежние времена при разговорах о «кожном зрении». Там был сплошной туман, жонглирование наукообразными терминами.

Угадать, какое изображение у вас под рукой, принимая во внимание едва ощутимое различие температур,— примерно то же самое, что на ощупь определить изображение на барельефе. Хотя первое, по-видимому, сложней. У разных людей способность «видеть» на ощупь различна. Известно, что слепые обладают ею в высокой степени. Наверное, и способность улавливать разницу в температурах, заключать по этому приз-

наку, что из этой разницы следует, у разных людей неодинакова.

Итак, ныне «научно обоснована» принципиальная возможность восприятия за счет тепловой локации. Но никто так и не доказал, что именно эта возможность воплощалась у Р. Кулешовой. Зато достоверно было доказано — в частности, в эксперименте «Литературной газеты»,— что она подглядывала через повязку, как это испокон века делают фокусники. Вот вам и «феномен Розы Кулешовой»!

* *
*

Зачем же тогда было копья ломать, если все-таки оказывается, что «кожное зрение» в принципе возможно? Стоило ломать. Во-первых, повторяю, доказана именно лишь возможность такого рода восприятия. Неясно, однако, воплощается ли она в реальность. И если воплощается — в каких пределах. Во-вторых, о «кожном зрении», как и о других подобных феноменах, столько было наговорено ерунды. Чуть ли не в святые были возведены люди, будто бы обладающие им...

Еще и теперь этот шлейф за ним тянется. Долго будет тянуться. Недавно «Доклады Академии наук» отклонили статью Гуляева и Годика, где излагались результаты по тепловой локации. Аргументы: учитывая нездоровый интерес... дорожа добрым именем журнала...

Болезненный интерес к «кожному зрению» неотличим от интереса к телепатии,

к телекинезу и прочим подобным вещам *. Более всего этот интерес подогревает жажда вывести эти «феномены» за рамки науки. Но при этом — говорить от имени науки. Жажда учредить какую-то иную науку, которая включала бы и мистику.

Так что, в конце концов, оприходование «феноменов» обычной (единственной!) наукой — удар по мистике.

* *
*

Не так давно я получил письмо из Свердловска. В нем рассказывалось, как родился «феномен Розы Кулешовой» (очень важное обстоятельство, поскольку обычно все эти «феномены» зрелыми яблоками сваливаются на голову публики, редко кто знает, откуда они «есть пошли»).

«По профессии я врач-невропатолог,— говорилось в письме.— Много лет заведовал невропатологическим отделением 1-й горбольницы г. Нижнего Тагила. Розу Кулешову знал с 14-летнего возраста как больную (арахноидит головного мозга с эпилептическими припадками и истерическими чертами характера). Фокусами она увлекалась уже в этом возрасте и иногда показывала их мне. Но мои профессиональные интересы замыкались в основном на тяжелых больных. Кроме

---

* Кстати, совсем недавно во время обсуждения в некоем собрании работ физиков, посвященных тепловой локации, когда разговор вновь коснулся Розы Кулешовой, один из участников обсуждения неожиданно заявил: «Кожным зрением» она, конечно, не обладала. Все, что она делала, она делала благодаря телепатии».

того... Парапсихологию я никогда не жаловал.

Но вот к нам на работу оформился отставной военный врач И. М. Гольдберг, которого, напротив, парапсихологические проблемы очень влекли. Как-то Роза Кулешова пришла к нему на прием и показала, что с повязкой на глазах может читать и определять цвета предметов. Он загорелся и продемонстрировал Розу Кулешову на врачебной линейке. Сенсации не было границ!

Дальше эта сенсация пошла двумя путями: внешним — с помощью кафедры психологии Нижне-Тагильского пединститута по всему Советскому Союзу и даже за его пределы и внутренним — врач-хирург нашей больницы Селищева Клара Федоровна (сейчас живет в г. Днепродзержинске Днепропетровской области) очень скоро с повязкой на глазах повторила все чудеса Розы, с той разницей, что прямо заявила: отлично все видит в щелочки возле внутренних углов глаз. Тщательно изолировав глаза Розы Кулешовой, она лишила ее всех «чудесных» свойств. Лишалась Роза Кулешова своих «магических» качеств и при других проводившихся нами экспериментах с надежной изоляцией глаз от рук. Так нами в Нижнем Тагиле «феномен Розы Кулешовой» был полностью развенчан. Наши выводы целиком совпадают с выводами комиссии «Литературной газеты», проверявшей Розу Кулешову.

Цель этого письма к Вам состоит в подтверждении, так сказать «с места рождения», научной несостоятельности «феномена Розы

Кулешовой», вернее, просто отсутствия у нее так называемого «кожно-оптического чувства».

С уважением

А. С. Рубаха».

Как видим, уже в момент рождения «феномена» нашлись здравые люди, которые во всем трезво разобрались и все досконально объяснили. Спасибо им.

Все же это не помешало птичке выпорхнуть из гнезда и начать порхать по белу свету (за что мы должны быть благодарны товарищу Гольдбергу и психологам из Нижне-Тагильского пединститута).

То, что Кулешова подглядывает, устанавливалось бесчисленное множество раз, но жажда чуда была так велика, что на это закрывали глаза.

Вот это-то обстоятельство мы и должны иметь в виду: рано или поздно трезвый научный подход, конечно, одерживает верх, однако временный успех в схватках «местного значения» нередко имеет и подход противоположный: сплошь и рядом бывает так, что строгими научными данными просто пренебрегают — у обывателя своя «наука», свой взгляд на мир, он видит в нем то, что хочет видеть, а не то, что есть на самом деле.

«Думающие» растения

В конце 60-х годов в одном из американских научно-популярных журналов появилась статья Клива Бакстера «Доказательство первичного сознания у растений». Автор утверждал, будто открыл способность растений улавливать эмоции и мысли людей.

С тех пор имя Бакстера не сходит со страниц американской печати. Издания самого различного характера и направления считают своим долгом вовлечь читателя в ажиотаж вокруг «думающих» растений. Слава Бакстера выплеснулась за пределы Америки, пересекла океан, достигла Европы. И вот уже изданные в США книги о Бакстере — «Естественная история сверхъестественного», «Таинственная жизнь растений» — переводятся на европейские языки. В печати публикуются серии статей о его «открытиях»...

Все началось с эксперимента, который Бакстер проводил с драценой — растением, похожим на пальму. Эксперимент вполне безобидный — определялась скорость, с какой вода, всасываемая корнями, проходит путь от корней до листьев. Для этого использовался самописец, наподобие «детек-

торов лжи», которые, как известно, применяются в США при допросах преступников. Неожиданно Бакстеру захотелось учинить растению что-то вроде допроса, во всяком случае, как-то подействовать на него «эмоционально». Бакстер окунул лист растения в чашку горячего кофе. Никакой реакции не последовало. Тогда он решил подвергнуть растение более жестокому испытанию — поджечь лист, на который был наложен датчик самописца. И тут произошло чудо. Как только эта мысль пришла ему в голову, раньше, чем он протянул руку за спичками, перо самописца резко отклонилось в сторону и вычертило кривую, наподобие той, какую вычерчивает «детектор лжи» при допросе сильно взволнованного человека. Растение «прочло» его мысли.

После этого, как уверяет Бакстер, он провел множество таких опытов и всякий раз обнаруживал то же самое. Более того, листья реагировали на угрозу даже в том случае, когда были оторваны от растения.

Обнаруживалась и более тонкая реакция, не связанная с какой-либо угрозой. Растения начинали волноваться при одном лишь появлении человека и даже собаки, которые просто не любят эти растения.

Проводились опыты с пауком. Экспериментатор пытался его поймать. Растения начинали волноваться еще до того, как сам паук осознавал опасность и пускался удирать.

«Все происходит так,— делал вывод Бакстер,— будто решение о бегстве, принятое пауком, было разгадано растением и вызвало реакцию листьев».

Наконец, если растениям угрожала очень большая опасность — и реакция была очень сильной. Так же как человек, они просто испытывали шок, «теряли сознание». Как-то лабораторию Бакстера посетил один канадский физиолог, который попросил показать ему сенсационные опыты. К удивлению, ни одно из пяти растений, к которым были присоединены датчики, никак не реагировало ни на присутствие постороннего человека, ни на какие угрозы.

В поисках причины Бакстер стал расспрашивать канадца, как он обращается с растениями в собственной лаборатории, не наносит ли им каких повреждений и увечий. Тот простодушно признался, что сжигает их в лабораторной печке, чтобы определить сухой вес. Все сделалось ясно. Бакстеровские растения признали в нем злодея и впали в кому от переполнивших их чувств.

Когда посетитель удалился, они, естественно, вновь стали демонстрировать нормальную реакцию, «точно очнувшись от шока, вызванного визитом страшного для них человека».

Растения, оказывается, обладают и памятью. В одном из опытов участвовали два филодендрона и шесть человек. Один из шести, по жребию, так, чтобы не видели другие, должен был сломать и растоптать одно из растений в присутствии другого. После того как дело было сделано, к сохранившемуся растению подсоединили самописец и стали тут же допрашивать по очереди всех шестерых. Каждый, естественно, отрицал, что сломал и растоптал растение. «Наблюдав-

ший» за всем этим филодендрон никак не реагировал на ответы пятерых невиновных и «буквально обезумел», как только отвечать стал истинный виновник гибели его собрата.

Как и полагается благородным существам, растения помнят не только зло, но и добро. Однажды Бакстер читал в каком-то провинциальном городке лекцию о своих первых опытах. И когда на экране появилось изображение того первого растения, с которого все началось, это самое растение, подсоединенное к самописцу в лаборатории Бакстера, за сотни километров от лекционного зала, отреагировало на свое изображение (надо полагать, поддавшись приятным воспоминаниям).

Все эти замечательные опыты пересказаны здесь со слов французского журнала «Пари-матч», доверчиво и сочувственно описавшего их, естественно, по рассказам самого Бакстера. Поведал журнал и о других подобных экспериментах, может быть, даже еще более удивительных.

Как-то Бакстер порезал палец. Бывает. Растение отреагировало и на это событие. Оставалось выяснить, была ли эта реакция вызвана гибелью живых клеток или растению передался испуг человека, ощутившего боль и увидевшего кровь. Очень скоро Бакстер установил, что справедливо первое предположение: растения необычайно сострадательны, они чувствуют гибель всего живого.

Это было подтверждено опытами с креветками. Их окунали в кипящую воду, и рас-

тения — филодендроны,— подключенные к самописцам, немедленно отзывались на это событие — надо полагать, всей гаммой чувств, соответствующей скорбному моменту.

Как всякий великий первооткрыватель, Бакстер не ограничился одним лишь объектом исследования — растениями. Он расширил горизонт своих поисков — перешел к изучению отдельных живых клеток. И клетки тоже оказались способны реагировать, как растения. Мысль исследователя простирается и дальше. «Эта способность восприятия,— считает Бакстер,— вероятно, не ограничивается клеточным уровнем. Возможно, ею обладают и молекулы, и атом, и даже его частицы. Наверное, нужно было бы заново изучить с этой точки зрения все то, что до сих пор принято было считать неживым».

Может быть, вся эта ахинея и не заслуживает подробного изложения, но надо учесть, что она под маркой достоверных научных результатов выплескивается на головы миллионов людей.

Излишне всерьез разбирать все эти опыты. По поводу каждого возникает недоумение. Почему никому другому не удается повторить эти эксперименты? На это Бакстер отвечает: у растений, дескать, такая тонкая натура, они так быстро привыкают к одному человеку, что для другого нелегкая задача добиться у них доверия, вызвать на эксперимент. И мы видели, что эта недоверчивость может даже вызвать потерю сознания, хотя спрашивается, почему терция не теряла сознания, когда ее собирался поджечь сам

Бакстер. Не все ли равно, от чьей спички сгореть?

Один журналист как-то задал Бакстеру вопрос:

— Если растения так чувствительны к чужой смерти и страданиям, почему они все время не находятся в состоянии безумия, ведь нет ни одной секунды, когда бы в природе не гибло какое-то живое существо, когда бы хищник не расправлялся со своей жертвой? Вы, господин Бакстер, утверждаете, что растения реагируют на эти события вне зависимости от расстояния. В ресторанах различных городов то и дело бросают в кипящую воду омаров. Почему же растения озабочены именно судьбой несчастных подопытных креветок?

Бакстер отвечал туманно:

— Существуют две основные категории восприятия. Растение настраивается или на все, происходящее в его непосредственном окружении, или на что-либо выборочно. Если растение заинтересовалось человеком, он может быть где угодно, и растение будет следить за ним, как если бы их ничто не разделяло...

Как видим, для фантастических опытов и объяснения придумываются фантастические.

Единственное, что реально в подобных опытах: стрелка прибора, подключенного к растению, в какие-то моменты действительно отклоняется, в другие — нет. Чем это объяснить? Известный советский специалист по физиологии растений профессор И. Гунар рассказывал, что он в своей лабора-

тории пытался повторить опыты Бакстера. При этом пользовался гораздо более чувствительной аппаратурой. Неподалеку друг от друга поставили кувшины с подсолнухом и мимозой. К мимозе присоединили прибор, а листья подсолнуха стали подстригать ножницами. Никакой реакции со стороны мимозы, естественно, не последовало. Никакого сочувствия к попавшему в беду соседу. Но вот лаборант шагнул к мимозе — стрелка тут же качнулась. Реакция?

— Любой школьник, знакомый с азами физики, поймет,— говорит Гунар,— что это было отнюдь не чудо. Всякое физическое тело или система тел, способные проводить ток, обладают определенной электрической емкостью, которая меняется в зависимости от взаимного расположения этих тел. Стрелка нашего гальванометра стояла незыблемо, пока оставалась неизменной емкость системы. Но вот сотрудник лаборатории приблизился к прибору, и распределение электрических зарядов в системе нарушилось...

Известны ли эти азы Бакстеру? Трудно предположить, что неизвестны...

Чем объяснить, что многие верят в нехитрые бакстеровские подтасовки? Представление о «думающих», «чувствующих» растениях нравится. С растениями многие имеют дело — в собственных садиках, оранжереях, теплицах. Видят, что они откликаются на уход, на заботу. Эти люди сами близки к тому, чтобы наделить своих подопечных сознанием. Довольно небольшого толчка, исходящего от «науки», чтобы очеловечение растений состоялось.

Растениям приписывается альтруизм, сострадание — как раз то, чего не хватает людям в отношениях между собой. Может ли устоять перед бакстеровскими фантазиями одинокий пожилой человек, копающийся между клумб в своем палисаднике?

И. Гунар рассказывал, как несколько лет назад умер один из его коллег, селекционер. Всю жизнь он имел дело с растениями. За многие годы у него дома образовался целый ботанический сад. Через несколько дней после печального происшествия Гунар встретил дочь покойного.

— Знаете,— сказала она,— даже растения почувствовали наше горе. Они сохнут, вянут.

— А может, вы просто перестали ухаживать за ними? Ведь не до того вам сейчас...

Она удивилась: странно, что такая простая мысль не приходила ей в голову.

«Все болезни — от Земли»

Писатель Валерий Аграновский напечатал в «Литературной газете» очерк «Визит к экстрасенсу», рассказал в нем, как ходил на прием к одному лекарю. Прием — вполне официальный, в одной из поликлиник, с разрешения главврача. Внизу в вестибюле висит объявление:

«Товарищи! Если у вас имеются какие-либо сложности в семейной жизни, непонятные явления со здоровьем или болезни, трудно поддающиеся лечению, посетите наш кабинет социальной психологии!»

Перед «кабинетом социальной психологии» длинная очередь. Терпеливо пережидает обеденный перерыв.

«Вхожу и вижу: за столом сидит и ест бутерброд с колбасой лет под шестьдесят мужик (иначе, право, не скажешь) в грязном халате, который тем не менее ему не противоречит, как не противоречил бы рубщику мяса на рынке... Сажусь перед ним на стул. Подаю записку от главврача. Он делает последний смачный жуй, ставит под стол пустую бутылку из-под кефира и берет записку. Читает, шевеля губами (я знаю содержание): «Убед. прошу принять вне оч. журналиста

Аграновского. Диагноз: бронхиальная астма». Вижу, что, прочитав, слегка приосанивается — неужели я у него первый из нашей братии?.. Затем собирает со стола в ладонь хлебные крошки и интеллигентно не в рот, а выбрасывает в рукомойник, который находится здесь же, однако рук после этого не моет, а привычно обтирает о полы халата. Покончив с послеобеденным туалетом, какое-то время смотрит на меня и думает — с чего, вероятно, начать. Потом протягивает мне огрызок карандаша, листок серой оберточной бумаги из стопки, приготовленной заранее, и предлагает нарисовать расположение всех кроватей в моей квартире. «Подход» мне пока неясен, но, решив пить чашу до дна, безропотно рисую: вот диван в моем кабинете, вот постель тещи, вот — дочери, а вот и наша с женой спальня. Лекарь достает из кармана пулю с дырочкой, через которую продета леска, и начинает качать ее над моей постелью. Немного покачав, безапелляционно говорит, что мне обеспечены рак, инсульт, инфаркт и импотенция.

Хорошенькое начало!

Об астме, между прочим, ни единого слова за долгие пятнадцать минут общения, но я понимаю: перед лицом таких могучих испытаний астма — не болезнь. Что же мне делать, как избежать погибели? Ответ прост: поменять кровати. Лечь, например, на диван или туда, где спит теща...»

В очерке не упоминалось имя героя. Это дало повод некоторым читателям заподозрить, что история, рассказанная автором,—

художественный вымысел. Так они и написали в редакцию, упрекая писателя в недостоверности изложенного. Сам экстрасенс (который без труда узнал себя), к нашему удивлению, также выразил некоторое недовольство анонимностью своего присутствия на страницах газеты. Он позвонил в редакцию и попросил принять его для крайне важного и срочного разговора. Такой разговор состоялся.

С Владимиром Федоровичем Михайловым (так зовут экстрасенса) мы договорились встретиться в одиннадцать, но я, грешным делом, опоздал на несколько минут. Когда подходил к кабинету, из угла коридора, наспех засовывая в портфель какие-то бумаги, ко мне метнулся невысокий плотный человек, ладный да веселый (веселье и довольство исходили от него, словно сияние). Только что, поднимаясь в лифте, я думал: предстоит тяжелый разговор, начнутся «опровержения» — то у Аграновского не так, да это... Как увидел Михайлова, сразу стало ясно: ничего-то он не будет опровергать, явился сюда по какой-то иной надобности. И точно — весь наш разговор касался возвышенных и благородных материй — «полезности», которую так вот запросто можно преподнести ничего не подозревающему человечеству.

Разговор наш я записал на магнитофон, а потому имею возможность точно, не полагаясь на память, воспроизвести речь моего собеседника.

— Сам я из Омской области,— начал свой рассказ Владимир Федорович.— А при-

был сюда не по такому поводу, чтобы посмотреть Москву.

— Неинтересно?

— Неинтересно. Мне интересно для человечества отдать полезность. За полезность должны мы бороться.

Что ж, трудно тут что-либо возразить. Еще когда сказано: «Сейте разумное, доброе, вечное...»

Прежде Владимир Федорович, как он сам говорит, был «совсем по другому мотиву»: по профессии он «радиотехник-механик». «Всю жизнь». Но вот уже лет восемь, как он занимается «полезностью». («Обстоятельство дела говорит о том, что человека спасти без лекарств — это же проблема!»)

Сейчас ему шестьдесят пять. Стало быть, о благе для человеческого рода он задумался года за три до выхода на пенсию. А выйдя, целиком погрузился в эту стихию, «бросил хозяйство, семью» (хотя и «не совсем»), подался в столицу.

— А что же это за «обстоятельство дела» такое, которое вас надоумило за медицину взяться? Бог, что ли, просветил?

— Не, я в бога не верую. Это все, что непонятно, мы всегда относим к богу. Мы не знаем природу, и в том смысле мы туда относим и толкаем: если непонятно — значит, бог. Но разве это правильно? Неправильно!

— Неправильно... Как все-таки вы узнали, что можете лечить?

— Сам себя спас.

Выясняется, что лет, стало быть, этак восемь назад (как раз на Первое мая было де-

ло) у Владимира Федоровича разболелся живот, да так, что в больницу попал мой посетитель. Девять дней там пробыл. И вот на девятый день, когда в очередной раз разболелось, Владимир Федорович «этак машинально» просунул руку под рубашку («Была у меня такая рубашка-безрукавка»), погладил себя по животу, и... боль прошла.

— Что же с вами было? — спрашиваю.— Может, съели что? Диагноз-то был установлен?

Владимир Федорович как-то сразу утрачивает интерес к теме.

— Не-е...— отвечает он как-то вяло.— Они там ничего не установили, не разобрались.

О своем первом пациенте, вернее, пациентке, он так рассказывает:

— Пришел я однажды на работу, а кассирша и говорит — всю ночь, мол, не спала. «Чего ж,— говорю,— ты не спала?» — «Боль такая невероятная. Я,— говорит,— три раза новокаин себе вводила в вену, пачку анальгину сожрала, я и по полу каталась, и грелку прикладывала — болит!» — «Давай,— говорю,— помогу». Я ей так же, как себе, по животу поводил рукой, а сам думаю: «Сколько надо водить, черт его знает? Хватит или не хватит?» Понятия еще не имел. Посидела она возле меня, а потом говорит: «Это что за магическое средство? Перестало болеть...»

С тех пор через руки Михайлова прошли сотни болящих. Кому помог, те оставили восторженные благодарственные записи в специальном журнале (штуки три таких журна-

лов Владимир Федорович таскает в своем портфеле). Кто не получил помощи, о тех журналы умалчивают.

Почти все благодарственные отзывы начинаются одинаково: «После воздействия биополем...» Надо полагать, сам Владимир Федорович и подсказывает, как писать.

О характере своей деятельности, он отзывается в таком же роде: он, дескать, не лечит, а «корректирует биополе». Как можно корректировать то, о чем никто понятия не имеет? Но вот поди ж ты — можно, оказывается. Провел рукой по больному месту — откорректировал. И то сказать: за лечение «радиотехника-механика» могут привлечь, а за корректировку — привлеки попробуй. Неизвестно, что это такое и к какому ведомству относится.

— Так что же вы все-таки от редакции хотите? — спрашиваю.— Претензий у вас вроде бы никаких к нам нет — ни к газете, ни к автору очерка.

— Я бы мог,— говорит Владимир Федорович,— обнародовать, мне это разрешено, здесь государственной тайны нет, полезность всего этого дела, чтобы можно было опубликовать явление, как можно себя лечить своими руками — грубо так называют. А так — корректировать биополе самого себя. Голова ли болит, горло ли болит, насморк, кашель, желудок, печень, кишечник или что еще там не работает...

Понятно. А что, если в самом деле обнародовать, раз государственной тайны нет, а полезность налицо? Плюнуть на все и обнародовать? Что из того, что у нас литератур-

ная газета, а не медицинская, зато скольким людям можем помочь!

Первая михайловская «полезность» — способ обезболивания. Он исключительно прост: вы проводите рукой по тому месту, где болит, хватаете нечто воображаемое, что олицетворяет эту самую боль, и отшвыриваете ее от себя. Снова хватаете и снова отшвыриваете. И так до тех пор, пока не полегчает. На научном языке (в заявке на изобретение, поданной Владимиром Михайловичем и составленной при чьем-то квалифицированном содействии) это звучит так:

«...Поставленная цель достигается тем, что при снятии боли, согласно изобретению, поглаживание производится сжатыми между собой вторым, третьим и четвертым пальцами, ладонной стороной руки. При этом в момент прохождения болевой зоны все пальцы сжимают в кулак с последующим отведением кулака от поверхности тела и разжиманием».

Уловили? Хватаете и отбрасываете. Хватаете и отбрасываете. Сжимаете пальцы в кулак с последующим отведением и разжиманием.

«Еще бóльшая эффективность достигается, если кроме проведения пальцами одной руки и сжатия их в кулак дополнительно проводить по тому же месту аналогичным образом пальцами другой руки».

Ну это естественно. Одна рука хорошо, а две лучше. Попеременно отшвыриваете то одной, то другой, то одной, то другой... Словно соскабливаете с себя что-то к вам прилипшее.

Когда научитесь лечить себя, можете лечить других. Хотите — очно, хотите — по телефону. По телефону это делается так: вашему пациенту велите приложить телефонную часть его трубки (куда обычно ухо прикладывается) к больному месту — допустим, к печени,— а на своем конце начинайте поглаживать ладонью микрофон.

— По проводам, что ли, биополе передается? — уточняю я у Михайлова по ходу дела.

— По проводам,— охотно отзывается он.

Вот так. Один-два сеанса — и печень здорова.

Вторая «полезность», о которой Владимир Михайлович желает поведать миру,— защита от зловредного «поля Земли».

— Все болезни — это влияние Земли,— убежденно говорит он.— Был я как-то по обстоятельствам в одном учреждении. У секретаря с любопытства стал проверять место, где она сидит. Ну и говорю: «Вы стол переставьте вот сюда, иначе заболеть можете. Или защиту сделайте — оцинкованное железо или дюралюминий положите, ковриком прикройте, под ковер поместите, все в порядке будет». Прихожу во вторичное мое посещение, все так же осталось. Я спрашиваю: «А вы почему не выполнили мою рекомендацию?» — «Вы знаете,— говорит,— мы этот вопрос обсуждали, обговорили, поговорили, что будет некрасиво, неудобно, да тут телефоны надо переставлять...» Вот человек не имел понятия, в чем будет дело, а я знаю, какие последствия могут быть, и, чтобы ей это было понятно, говорю: «А что вы лично

себе выбираете — рак, инсульт, инфаркт, гипертонию, полиартриты, астму?» Она на меня так посмотрела с укором да и говорит: «Вы знаете, на этом месте уже трое от рака умерли».— «А вы знаете, что вы кандидат четвертый?» — «Да что вы? Я завтра же скажу, чтобы мне все это сделали!»

Вот так Владимир Федорович проводит профилактическую работу среди населения. В том, что касается перестановки рабочих столов в учреждениях, экранировании их дюралюминием и оцинкованным железом,— тут он неумолим. Достанет из кармана уже знакомую нам оловянную пульку на капроновой леске, подержит мгновение над каким-то местом — и сразу определяет, что это за место. Раскачивается пулька — значит, место гиблое; неподвижно висит — здоровое.

Мой письменный стол он строгим голосом велел переставить в противоположный угол, подальше от окна.

В тесном «предбаннике», где сидит секретарша, стол переставлять некуда — должно быть, по этой причине его местонахождение было определено как вполне подходящее.

Ураганом прошелся Владимир Федорович по другим кабинетам редакции, повсюду требуя незамедлительной перестановки казенной мебели, и перед тем как навсегда покинуть помещение, долго держался, как за последний оплот, за стол вахтера, который, к сожалению, тоже нельзя было никуда передвинуть от входной двери.

Но тут мы несколько опередили события. Пока что Владимир Федорович сидит у меня

в кабинете и рассказывает о тех «полезностях», которыми он собирается одарить человечество.

— Что лучше — искать таблетку, чтобы лечить болезнь, или не создавать эту болезнь? — весело спрашивает он меня.

— Не создавать,— отвечаю я, не задумываясь.

— Вот! — удовлетворенно подхватывает он.

Чтобы «не создавать болезнь», надо переставить куда надо не только рабочие столы в учреждениях, но также кровати и кушетки в квартирах.

— Учтите, ко мне приходящие на прием все сидели с планами квартир,— говорит Владимир Федорович,— и без плана квартиры я их не принимал.

На планах квартир «радиотехника-механика» интересует одно-единственное — спальные места. Подержит он пульку над соответствующим нарисованным прямоугольничком и тут же заключает, «за здравие» место или «за упокой».

— Ну хорошо,— пытаюсь я докопаться до истины,— допустим, какое-то поле существует в квартире, но почему же оно на бумажке-то должно существовать?

— Вот в том-то и дело: мы далеки от этого понятия, а придется соглашаться. Вот посмотрите, что делается,— говорит Владимир Федорович, колдуя над планом моего жилья.— Я не качаю, нет.

Когда пулька начинает раскачиваться над очередным «гиблым» местом, я обращаю внимание на рукав его пиджака: он едва ко-

лышется в такт пульке. Если движение в самом деле исходит от оловянного грузика, такого не должно быть.

— А ну-ка дайте мне попробовать.

У меня пулька висит неподвижно.

— Не получается, да? Правильно, я согласен с вами, что у вас не получается.

Он извлекает из своего портфеля журнал «Наука и жизнь» («Видите, науки у меня полный чемодан»).

— Вот статья о «лозоходцах»*. Вот смотрите, только двадцать процентов мужчин и сорок процентов женщин к этому способны. Так что не смущайтесь, что вы не подходите к этой категории.

Двадцать и сорок. Прошу и вас, уважаемые читатели, запомнить эти цифры. Хотя Владимир Федорович и стремится, чтобы его услышала вся всесоюзная, а может быть, даже мировая общественность, на деле получается так, что воспользоваться его советами относительно сохранения здоровья может только часть этой самой общественности. И если у вас тоже не получится с пулькой, стало быть, вы из другой части.

* *
*

Вдоволь пошутив и поиронизировав над Владимиром Федоровичем, неизбежно упи-

---

* «Лозоходство» — метод поиска подземных вод при помощи лозы, проволочной рамки и т. д., которые человек держит в руке и которые будто бы поворачиваются в тот момент, когда он проходит над «водоносным» местом.

раешься в вопрос: как же все-таки эти «радиотехники-механики» помогают, облегчают, снимают боль? Ведь не может же быть такого, чтобы все, кому будто бы полегчало, поголовно лгали, обманывали, самообманывались.

На протяжении многих тысячелетий, с самого зарождения человеческого мозга, психики, неизменной спутницей человека была вера. Сильно поверить во что-то было почти равнозначно осуществлению этого чего-то. Стоило человеку уверовать, что он нездоров, и его действительно одолевал недуг. Стоило поверить в выздоровление — и он поднимался с одра болезни. Все дело именно в том, чтобы поверить твердо, по-настоящему. Во все времена были люди, игравшие в этом деле роль катализаторов, дрожжей,— колдуны, кудесники, волхвы, шаманы... Теперь вот — экстрасенсы. Если бы все они имели врачебные дипломы, если бы хоть немного ориентировались в накопленном человечеством знании и не несли безграмотную чепуху про биополе и губительное поле Земли, никаких проблем не было бы. Самое досадное, что мощный врачующий механизм веры сплошь и рядом используется сейчас невежественными и бескультурными людьми, что придает всему этому делу сомнительный, анекдотический привкус.

Могут сказать: тут нужна не просто вера, а вера в чудо. А чтобы возбудить ее в страждущем, такой вот простоватый мужичок из глубинки подходит как нельзя лучше. Вряд ли чудо здесь главное. Дело не в чудесах.

Человек должен поверить, что врач, к которому он обратился, действительно в состоянии ему помочь. И верят. Врачующий механизм веры срабатывает каждый день бесчисленное количество раз — в обычных поликлиниках, больницах... Об этом просто не принято шуметь или ставить такой род излечения особняком от прочих (да и не всегда можно поставить). Но когда у обычных врачей встречаются трудности с лечением, когда болезнь не лечится или плохо лечится — и больной об этом знает,— тогда уж ему трудно свято поверить в исцеление. Тут и устремляются многие за пределы обычной медицины.

Михайлов не знает никаких сомнений. Он, может, впервые и услышал-то, допустим, о межпозвоночной грыже, но — храбро берется ее лечить. Способ лечения универсален: поглаживай и отшвыривай, поглаживай и отшвыривай... И — чудо! — через двадцать минут больному вроде бы становится легче.

Так вот вопрос: обязательно ли, если обычная медицина проявила неумелость и бессилие, устремляться к знахарям типа Михайлова? Думаю, вовсе не обязательно. В последние годы получают признание у нас приемы нашей народной медицины, бурятской, тибетской, индийской... И применяют их все чаще образованные врачи, хорошо знающие историю медицины, обладающие широким взглядом на вещи. В этих приемах — взять хотя бы иглотерапию — много загадочного и непонятного, с нашей, обычной точки зрения. Много такого, что

как раз и рассчитано на эффект веры. Ну что ж... Может быть, когда-нибудь психотерапия станет одним из основных разделов медицины, распространит свое влияние на все прочие разделы.

Мало еще таких врачей, таких кабинетов, таких методов — вот беда. Их нехватку и восполняют михайловы, принося, помимо некоторой полезности (подразумевая под этим временное облегчение для отдельных страждущих), значительную долю вреда, какую всегда несут с собой невежество, безграмотность, бескультурье.

Пучок «отрицательных» лучей

О своем разговоре с Михайловым я написал в газете. Пришли отклики.

«Автор статьи показался мне человеком реакционным, неспособным смотреть вперед» (Л. Еремина, Москва).

«Нужно совсем потерять гражданскую совесть, чтобы огульно охаивать вещи, в которых не смыслишь ровным счетом ничего... Я прекрасно понимаю, что сформировавшегося охаивателя исправить практически невозможно, так что письмо свое я рассматриваю как возможность высказать свое возмущение и немного испортить Вам настроение» (без подписи, Москва).

«За старое, как за якорь спасения, цепко держатся, как правило, люди ограниченные, не желающие разбираться в существе дела. Это они встречают все новое в штыки. Какая уж тут широта взглядов и правильная оценка происходящего! Прежде чем делать выводы о михайловых, тов. О. Морозу нужно было бы более глубоко изучить суть вопроса...» (В. Доброва, Москва).

«Меня удивляет, откуда такое пренебрежение к тому, чего Вы не понимаете и не

знаете... Мне кажется, «Литературная газета» должна разбираться в тех материалах, которые она публикует» (М. Гурьева, Кемерово).

«Как же можно было пропускать такую статью, если «Комсомольская правда», «Труд», «Строительная газета», «Огонек», «Техника—молодежи», «Химия и жизнь», другие газеты и журналы писали и о Джуне Давиташвили, и о Розе Кулешовой, и о Н. Сочеванове, и о А. И. Плужникове, и о Н. С. Кулагиной, и о других людях, приносящих реальную пользу своими особыми свойствами!» (А. Попова, Москва).

«Относительно пресловутой, жестоко осмеянной О. Морозом «перестановки кроватей»... Еще и еще раз приходится сказать, что все неведомое, неизученное, непознанное, необычное представляется стандартному разуму диким, дурацким, несусветным... А потом, спустя время, выясняется, что это был передний край науки и прогресса» (Н. Каплан, кандидат искусствоведения, Москва).

«В другой раз, Олег Мороз, если потянет пографоманничать, сходите к Михайлову, он вылечит — биополем» (А. Герасимов, геолог, Новокузнецк).

«При обмене впечатлениями с коллегами по поводу Вашей статьи у нас возникло мнение, что она написана ради гонорара» (В. Шнейкин, Ульяновская обл.).

«Количество непознанных нами законов природы еще очень велико. Не надо, тов. О. Мороз, считать вздором все то, чего не знает Митрофанушка» (Н. Медведев, Каунас).

«Хочу Вам сообщить, что я тоже экстрасенс и, как другие экстрасенсы, возмущена Вашей статьей. Если Вы такой Фома Неверующий, то вот Вам эксперимент: я посылаю в Вашу сторону пучок биоэнергии (отрицательной), которая поразит Ваши клетки; следствием будет рак; когда Вы обнаружите его у себя, то воочию убедитесь, что биополе, биоэнергия — это не пустые разговоры. После этого можете обратиться ко мне, я Вас вылечу, только постарайтесь не запустить болезнь» (В. Лабезина, Московская обл.).

С корреспонденткой из Московской области я встретился. Это высокая худощавая блондинка с огненным взором, как пишут в художественной литературе. Пожалуй, одного этого взора, пылающего ненавистью, достаточно, чтобы испепелить человека.

— Почему вы так уверены, что способны вызвать у меня рак? Вам случалось уже вызывать его у кого-нибудь?

Молчание.

— Я вам не скажу этого.

— А лечить?

— Да, я многих вылечила.

— Где доказательства? Это зафиксировано где-нибудь? В каких-нибудь медицинских документах?

— Я не связываюсь с медициной.

— Почему все-таки вы уверены, что можете не только освобождать от недуга, но и награждать им?

— Мы можем наказывать, можем исцелять.

— Вы пишете, что послали в мою сторону

пучок биоэнергии. А вы уверены, что попали именно в меня, а не в какого-нибудь другого, совершенно безвинного?

— Только в вас.

— Что это за пучок — сходящийся, расходящийся, параллельный, широкий, узкий, наподобие лазерного?

— Пучок как пучок.

— Что значит пучок «отрицательной» энергии? Он что, состоит из отрицательных электрических зарядов или он отрицателен по своему действию — вызывает болезнь?

— По своему действию.

— Все-таки какова природа посланной вами энергии? Она электромагнитная, гравитационная? Может быть, это ультразвук? В тот момент, когда вы ее послали, не было ли каких-нибудь помех на экране телевизора, не трещал ли радиоприемник — вы не заметили?

— Не заметила.

— А сейчас, пока мы с вами разговариваем, вы не облучаете меня?

— Не облучаю. Того, что сделано, уже достаточно.

— Не кажется ли вам, что вы преступили некий моральный запрет, употребляя свою способность (допустим, что она у вас есть) во зло?

— Вы же не верите во все это...

— Я — нет, но у меня есть близкие — мать, жена... Тревога за судьбу близкого человека гораздо легче поддается влиянию иррационального, чем тревога за свою собственную судьбу. Так вот, моим домашним вы, несомненно, доставили беспокойство.

— Я вовсе не думала их чем-либо огорчать, я хотела наказать лишь вас.

— Прекрасная логика, нечего сказать! Чем же все-таки я вас так прогневил?

— Вы еще спрашиваете? Ваша статья...

— Но ведь это несоизмеримые вещи — статья и... рак.

— У меня нет другого способа отомстить вам.

— Ну пригрозили бы для начала, допустим, воспалением легких или там радикулитом. А то сразу рак. Ведь и солдаты в таких случаях сначала стреляют в воздух... Какой же все-таки вид рака вы хотите у меня вызвать? И в какие сроки?

— Этого я вам не скажу.

— В таком случае ваш эксперимент некорректен. В конце концов, я, как и любой другой человек, могу и без вашей помощи заболеть чем угодно.

— Если я вам назову срок, это будет для вас более мучительно.

— Давайте договоримся так: все, что я от вас требую, вы напишете на бумажке, запечатаете в конверт, я напишу на нем: «Вскрыть после моей смерти» — и положу в сейф. Имейте в виду: если я скончаюсь от другого вида рака, нежели вы мне предскажете, и не в те сроки, мир не признает ваших способностей.

— Я ничего этого не буду делать. Признавайте или не признавайте — это ваше дело. К тому же я ведь написала, что вылечу вас...

— Вы написали: «...только постарайтесь

не запустить болезнь». Что вы имеете в виду под словом «запустить»?

— Ну когда болезнь заходит чересчур далеко...

— Понятно, это, конечно, проясняет суть дела.

— Когда клетки начинают разрушаться...

— Насколько я знаю, при раке клетки не разрушаются, а трансформируются — обретают способность бесконтрольно делиться. И это еще не говорит о запущенности или незапущенности болезни.

— Я не медик, у нас, экстрасенсов, другая терминология...

— Что означает слово «экстрасенс»?

— Не знаю, я над этим не задумывалась... Это человек, который умеет делать то, чего не умеют другие... Точный смысл не имеет значения.

— Учтите, я могу подать на вас в суд. За угрозу нанесения увечья, которое может даже привести к смерти.

— Подавайте.

Я старался вести этот разговор в шутливом тоне, но в общем-то с этими экстрасенсами не до шуток.

Пожилая женщина написала в редакцию о своей встрече с неким молодым человеком. Дело было в поезде дальнего следования. Молодой человек отмечал с попутчиками свой день рождения. В отличие от большинства железнодорожных «дней рождения», дата была настоящая: молодой человек даже показал женщине, автору письма, свой паспорт — дескать, уж не взыщите, если побеспокоим, причина основа-

тельная. Наотмечавшись, когда друзья куда-то вышли, «новорожденный» сообщил спутнице, что он экстрасенс. Поинтересовался, куда и по каким делам она едет. Женщина ехала к дочери в Ростов. На это, должно быть, чтобы продемонстрировать свои экстрасенсорные способности, молодой человек заявил своей спутнице, что она, дескать, должна забрать свою дочь из Ростова, а не то с ней, дочерью, приключится беда.

И вот бедная женщина с тех пор мается: взять дочь к себе в Москву она не может — жилплощадь не позволяет и прочие обстоятельства; вот и ждет с ужасом предсказанной беды. Просит редакцию навести справки о молодом человеке (тот оставил ей свой телефон — живет в Москве, в Теплом Стане) — действительно ли тот экстрасенс или так сболтнул, по пьянке.

А вот письмо вовсе уж мрачное и унылое:

«Затронув этот вопрос, нельзя отмахиваться от людей, целенаправленно и упорно творящих зло, выраженное в заболевании окружающих или даже смерти этих граждан, если они вступили в конфликт с подобными «экстрасенсами». О подобных личинах, как правило, боятся говорить открыто или обращаться куда-то с жалобой: люди не без основания опасаются мести подобной личины, от которой не спасут ни суд, ни медицина, единственное средство — бежать.

Внешне такой «экстрасенс» может быть вполне респектабельным гражданином, передовиком производства. «Какой приятный, обаятельный и душевный человек!» —

скажете вы, столкнувшись впервые с его личиной. Однако все же кое-какой следок за ним тянется, его избегает большинство сотрудников, о нем могут сказать кое-чего, если только умело и подальше от этой дряни поспрошать его коллег. Люди, как-то вступившие в конфликт с ним, как говорится, плохо кончили. В эпоху темного средневековья тысячи людей за подобные действия предавались суду, хотя виноваты-то были единицы *. Я спрашиваю вас и прошу мне ответить: в наше время имеются ли какие-нибудь органы при МВД, которые хотя бы ведут учет подобных личин или присматриваются к их деятельности?

Да, тут требуется тонкая работа следствия: нет ни отпечатков пальцев, ни запаха резиновых галош для розыскных собак, ни окровавленных ножей, ни... Хотя трупы имеются. Если какие-нибудь органы пресечения есть, я охотно покажу им человека, который после конфликта с подобным «экстрасенсом» стал живым трупом, мается на койке в больнице с диагнозом хвори, причина которой, судя по литературе, медицине неизвестна.

Ущерб государству от деятельности этих типов велик, хотя и неочевиден.

Прошу ответить, не знаете ли вы какие-нибудь организации, органы, занимающиеся подобными «экстрасенсами» (А. Васильев, Горький).

Не правда ли, великолепное письмо? Так

---

* Значит, виноватые все-таки были? Кто же? Может быть, Жанна д'Арк или Катерина Кеплер, мать Иоганна Кеплера, осужденные за колдовство?

и видишь автора, пугливо озирающегося, не подсматривает ли за ним кто «из этой дряни», пока он пишет в Москву о шныряющих там и сям зловредных «личинах». Прямо как у Гоголя: «В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь — снова будто с неба упал, рыскает по улицам села... Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка — как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист — девать некуда! Правда, что красные девушки немного призадумывались, принимая подарки: бог знает, может быть, в самом деле перешли они через нечистые руки... Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги бог знает куда...»

Так что гоголевский Басаврюк при первом знакомстве тоже производил впечатление «приятного, обаятельного и душевного» человека, однако и кое-какой «следок» за ним тоже с самого начала тянулся.

* *
*

Еще раз скажу: есть ли какая-то польза от современных знахарей-экстрасенсов — не о том сейчас разговор. Может быть, в каких-то случаях они и в самом деле способны принести облегчение. Каким образом они это делают, что отсюда можно почерп-

нуть медицине — пусть медики и биологи разбираются. Я же утверждаю одно: в целом, как говорится, «в общекультурном контексте» знахарство, как прежде, так и теперь, было и есть явление небезобидное, опасное. Между этим «передним краем науки» и откровенной мистикой, чертовщиной нет никакой ощутимой границы. Потому как ведают этим «передним краем» люди по преимуществу невежественные, безграмотные, хотя и употребляющие к месту и не к месту наукообразную фразеологию. Им неведомы ограничения, налагаемые законами природы. Они слышали краем уха, что наука находится в постоянном развитии, что любая истина, открываемая ею, в конце концов оказывается недостаточной и неполной, и вот уже относительность знания трансформируется в их представлении в полную ненадежность этого знания. «Мы почти еще ничего не знаем,— уверяют они.— На самом деле нет ничего такого, что не было бы возможно».

Да, мы знаем немного, если вообразить себе некую протянутую вперед на тысячелетия шкалу человеческого познания. Но того, что мы знаем, вполне достаточно, чтобы сказать, например: не существует никаких сил, которые заставили бы оловянную пульку раскачиваться над планом квартиры именно в том месте, которое в самой квартире будто бы подвержено губительному действию «поля земли»; не существует сил, которые заставили бы эту пульку раскачиваться над фотографией умершего человека, оставляя неподвижной над фото-

графией живого (способность, также приписываемая экстрасенсам); не существует сил, которые заставляли бы мебель подниматься на воздух под пристальным взглядом человека, обладающего будто бы соответствующим даром (столоверчение наравне со спиритизмом, пережившие расцвет в XIX веке, ныне снова входят в моду — опять-таки приправляемые псевдонаучным «экстрасенсорным» соусом)...

Неполнота научного знания тут совершенно ни при чем. Все эти фокусы не имеют абсолютно никакого отношения к науке.

Что касается биополя... Я ни разу не слышал ни от одного из экстрасенсов внятного объяснения, что он подразумевает под этим словом. То ли это электромагнитное поле, создаваемое живым организмом, то ли поле электростатическое, проявление заряда статического электричества, коим все мы насыщены... Всяк толкует слово «биополе» на свой лад, приписывает этому полю те свойства, какие ему заблагорассудится, но при том все делают вид, что говорят об одном и том же.

Чаще всего имеется в виду какое-то особое поле, вроде бы кем-то давным-давно открытое и неведомое одним только «реакционерам», «охаивателям», «митрофанушкам»... Но вот что пишет по этому поводу авторитетный специалист-физик академик А. Мигдал:

«Вокруг живых организмов существуют физические поля — электрическое, световое, звуковое,— и они довольно хорошо изучены... Нельзя ли предположить, что

кроме известных есть еще не обнаруженные физические поля?.. Вероятность обнаружить физическое поле новой, еще неизвестной природы в макроскопической области настолько мала, что с ней вряд ли следует считаться».

Тем более вряд ли. следует делать вид, что «физическое поле новой, еще неизвестной природы» давным-давно обнаружено, и толковать так и сяк о его фантастических свойствах. Нобелевская премия, полагающаяся за такое открытие, лежит невостребованной в стокгольмском банке.

Примеров того, как деятельность экстрасенсов способна вызывать буквально половодье мистики, приведено, наверное, достаточно. Один экстрасенс предсказал беду, другой пригрозил ею, третий в самом деле будто бы навлек ее на кого-то (во всяком случае, так утверждают «свидетели» — такие, как автор процитированного «гоголевского» письма). Далеко ли тут до паники, до всеобщего подозрения друг к другу? У этого гражданина вроде бы дурной глаз, то бишь «экстрасенсорная» способность прицельно и на большие расстояния посылать пучки «отрицательной» биоэнергии. А вот эта гражданка, едучи в троллейбусе, наверняка облучает с недоброй целью впереди сидящего пассажира: у того стало припекать затылок и разболелась голова... И пошло, и поехало. Вы меня биополем, а я вам в ухо! Вы в меня пучком энергии, а я вас кипятком, кипятком! Есть ли предел в этом скольжении по наклонной плоскости идиотизма?

«Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...» Школьные премудрости давно забыты. Да и что они, школьные премудрости, если даже некоторые профессора и члены-корреспонденты решили внести посильную лепту в продвижение «переднего края науки и прогресса» (не в прояснение, а именно в запутывание дела). Куда же тут бедным «простым людям»! У многих из нас, особенно у немолодых сердобольных женщин, есть одно — не знаю, такое ли уж непростительное,— свойство: мы готовы в мгновение ока распрощаться со всем материализмом — от Демокрита до Фейербаха — лишь бы только у обожаемого дитяти (супруга, дяди, тети, мамы, папы), не дай бог, не вскочил бы где-нибудь какой-нибудь прыщик. Сон ли приснился, кошка ли перебежала дорогу, экстрасенс ли какой недобрый встретился возле лифта — все вызывает у нас тревогу за благополучие близких.

Обратите внимание: не за наше собственное благополучие. Потому и думаю, что все эти страхи — качество не совсем уж непростительное. Но ведь какова почва для всяческих суеверий и слухов! Это какой-то особый тип психологии.

Так вот, всем нам, у кого есть хотя бы толика ее, не мешало бы сделать над собой усилие, чтобы ее выжать. Не в той, конечно, части, которая заставляет нас заботиться о близких, а в той, которая побуждает в этой заботе терять здравый рассудок.

Человечество слишком дорого заплатило за свое право трезво смотреть на вещи, чтобы отказываться от этого права при пер-

вом дуновении ветерка мистики и иррационализма.

* *
*

С Лабезиной я больше не виделся, но до сих пор мне о ней напоминают, хотя прошло уже несколько лет. Многие из тех, кто прочел письмо Лабезиной в «Литературной газете», обратили внимание на ту часть письма, где она самоуверенно обещала вылечить меня от рака. Предвидя, что найдется немало людей, кто захочет к ней обратиться за помощью, и убедившись после разговора с Лабезиной, что на самом деле никакими лекарскими способностями она не обладает, я изменил в газетной публикации ее фамилию и название города в Московской области, где она проживает, чтобы не рождать у читателей напрасных надежд. Город, однако, вовсе не следовало бы указывать — в этом я убедился вскоре после публикации. В указанный мною город хлынул поток жаждущих помощи от Лабезиной, так что в конце концов начальник городского отделения милиции прислал в редакцию разгневанное письмо: ему надоело отвечать, что жительницы по фамилии Лабезина в городе не имеется.

С просьбой дать точный адрес Лабезиной читатели до сих пор обращаются и ко мне.

Что касается адресованной мне угрозы Лабезиной, все эти годы до меня то и дело доходят слухи, что я нахожусь в больнице в тяжелом состоянии или вовсе умер.

Диагноз на расстоянии

Как-то одна моя знакомая, Галина Владимировна Свечникова, привела ко мне в редакцию молодую женщину, которая, по словам Галины Владимировны, обладает необыкновенным даром диагностики и мало-помалу начинает овладевать даром врачевания.

Сама Галина Владимировна математик по специальности. Вроде бы ей следует с осторожностью относиться ко всяким чудесам, однако она свято в них верит, с восторгом рассказывает и старается обратить окружающих в свою веру.

Выяснилось, что пришедшая с ней женщина — музыкант, недавняя выпускница консерватории, а ныне преподаватель одной из музыкальных школ. О даре своем узнала неожиданно. Один раз точно определила болезнь, другой, а нынче от клиентов отбою нет. Все желают знать о своих недугах.

Войдя в мой кабинет, музыкантша вперила в меня взгляд, собираясь и мне рассказать о моих немочах, но я опередил ее, сказав, что знаю о них предостаточно.

Вообще-то талантливые диагносты встре-

чаются. В основном, конечно, среди врачей — когда природная наблюдательность, интуиция, опыт накладываются на специальные знания. Но иногда бывает, что эти природные качества вдруг обнаруживаются и сами по себе. Смотрит человек внимательно на другого человека и примечает мелкие мелочи, каких не видит поверхностный глаз...

Выясняется, однако, тут случай другой: музыкантше и смотреть на больного не надо. Как так? А так. Достаточно назвать человека, которого требуется продиагностировать.

— Вот у вашего младшего сына, например... А у вашей жены...

— Нет-нет, про жену и сына тоже не надо!

Как же все-таки она устанавливает болезнь?

— Я просто прислушиваюсь к внутреннему голосу.

— А голос откуда?

— Оттуда,— показывает она глазами на потолок.— Из космического пространства.

Вот так. Часто бывает: разговариваешь с человеком, внешне вполне интеллигентным, разумным, трезвым, вроде бы на одном языке разговариваешь, и вдруг, как бы между прочим, он вворачивает что-нибудь эдакое... И тут только тебя озаряет: все это время в одни и те же слова мы вкладывали совсем разный смысл.

Несчастная женщина. Я не психиатр. Не мое дело разбираться, здорова ли она. По правде говоря, совсем не обязательно,

чтобы была нездорова. Разве все фанатики непременно больные люди?

Между прочим, выясняется, что муж ее, тоже музыкант, не выдержал ее ежедневных космических общений, ушел. Семья распалась. Несчастная женщина.

Дальнейший наш разговор теряет смысл. Надо, однако, его как-то закруглить. Предлагаю небольшой эксперимент: я выпишу где-нибудь в клинике из историй болезни несколько точно установленных диагнозов, а она попытается их поставить самостоятельно.

— Что вам надо знать о больных? Их предыдущие болезни? Как говорят врачи, анамнез?

Качает головой:

— Нет, этого не нужно.

— В какой клинике лежит? В каком отделении?

— Нет.

— Возраст?

— Нет.

— Домашний адрес?

— Нет.

— Что же?

— Просто фамилию... Можно еще инициалы.

Когда посетительницы ушли, я позвонил приятелю — Борису Моисеевичу Шубину, онкологу, доктору наук. Рассказал ему о только что закончившейся беседе, попросил помощи. Тот стал чертыхаться:

— Охота тебе заниматься всякой ерундой!

Все же я уговорил его выписать диагно-

зы из десяти историй болезни. Но чтобы это были различные диагнозы, уговорить не сумел: различные диагнозы надо было искать по разным отделениям и даже по разным клиникам. Шубин, человек занятой, ограничился своим: передал мне скорбный список из десяти раковых больных. При этом взял слово ни единой душе его не показывать (все-таки он преступал некие обязательные для врача правила). Среди диагнозов были только злокачественные опухоли желудка и кишечника. Ради надежности диагноза Шубин взял лишь четвертую стадию болезни: тут ошибка вряд ли возможна.

Я продиктовал фамилии музыкантше и примерно через неделю получил от нее желтую школьную тетрадку в линейку с двумя листками, исписанными округлым женским почерком фиолетовой и красной пастой.

Вначале стояло предупреждение:

«Буду писать не о том, что болит, а о том, где вижу главные очаги болезней».

Далее следовали установленные ею диагнозы:

«Д—ва А. А.

Острый панкреатит. Нарушение в области щитовидной железы. Нарушения симпатической нервной системы (область солнечного сплетения). Гинекология. Проверить кровь (биохимический анализ). Сердечно-сосудистый невроз.

Раковой опухоли пока не вижу.

Д—ко А. Г.

Злокачественная опухоль в области головного мозга (левое полушарие). Серьезные

нарушения в области дыхательных путей, метастазы в легких. Нарушения в сосудах бедер.

М—ков М. А.

Острая сердечно-сосудистая недостаточность. Нарушение в области центральной нервной системы. Нарушение нейрогуморальной регуляции сосудистого тонуса. Острое малокровие мозга. Воспаление оболочек головного мозга (похоже на менингит). Поражение нервных волокон (рак).

М—вая С. Б.

Аортит (главные нарушения — в области грудной аорты). Артериит. Склонность к повышению давления. Воспалительный процесс в яичниках. Больна правая почка. Нарушение кровообращения, ведущее к застою крови в сосудах (эмболия).

Рака нет.

Б—ох В. А.

Боли в ногах, спине, сердце. Приступы депрессии. Заболевание лимфатической системы (лимфогранулематоз?). Хронический гастродоуденит. Дискинезия желчных путей».

Мудреные, как видим, диагнозы. Мудреная терминология, почерпнутая, надо полагать, из Медицинской энциклопедии, а может быть, даже из более основательных источников. Но при этом — ни одного попадания.

— А откуда вы знаете,— сказала Галина Владимировна, познакомившись с желтенькой тетрадочкой,— может быть, у этих людей в самом деле имеются болезни, которые она определила. Может быть, они сами

о них не знают... И врачи не знают...

— Извините,— говорю,— писать про нервное перевозбуждение и не отметить карциному сигмовидной кишки, от которой человек умирает. Нет, извините, это не диагноз.

Но Галину Владимировну не переубедишь.

Между прочим, единственная цель моей затеи, этого эксперимента — как-то расшатать ее веру в чудеса, заронить, как говорится, здоровый скептицизм. Время от времени я прибегаю к таким приемам в наших спорах. Напрасные хлопоты. Давно сказано: некоторые люди хотят быть обманутыми. Прямо-таки жаждут.

— Все-таки несколько случаев рака она называет. В других случаях ставит рак на особое место: «Рака не вижу», «Рака нет»... Значит, все-таки что-то такое брезжит в ее мозгу. А вы уж хотите, чтобы все, как на рентгене... Как на томографе...

— Я ничего не хочу, я просто констатирую: ни одного совпадения. Не мое дело толковать ответы.

Задание-то простое. Однотипные заболевания, одинаковые стадии. Какой-нибудь чемпион интуиции, наподобие Вольфа Мессинга, наверняка справился бы. Вычислил бы, к кому журналист может обратиться за сведениями о больных, что это за больные... Или как-нибудь еще. Просто догадался бы: условились взять точные диагнозы; рак, четвертая стадия — какой диагноз может быть точнее?

Но Галина Владимировна остается при своем мнении.

«Святая вода»

Читатель Я. Ткачук из Ровно написал в редакцию о случае, который с ним произошел. Ему позвонили знакомые из другого города и попросили достать лекарства у лекаря, проживающего в Ровенской области, Дубровицком районе, селе Городище. Зовут лекаря Иван Павлович. Лечит травами.

Не мешкая, Я. Ткачук отправился в путь. Добрался до села. У крайней хаты, точно в городе, висит дорожный знак «остановка запрещена». Несмотря на запрет, перед хатой множество легковых автомобилей с номерами разных областей. Спросил у встретившейся женщины, не здесь ли проживает Иван Павлович. Оказалось, точно, здесь.

Заодно получил первую информацию. Узнал, что приехал поздно: у деда большая очередь. Да и принимает сегодня не дед, а его сын. Дед куда-то уехал.

Во дворе десятка два людей ежатся на ветру (март месяц). Должно быть, это и есть пациенты. Не так уж много. Спросил, за кем занимать очередь. Кивнули на невзрачный, похожий на сарай дом — дескать, там запись. Открыл дверь в сени и ахнул.

Мать честная, битком набито. В сенях и прилегающей комнатушке — человек сто пятьдесят. Стоят, друг к другу прижавшись. Вот тебе и немного!

Хотел войти — не тут-то было. Прокричал в глубину свою фамилию. Обратно прокричали: «Триста вторым будешь!»

Триста вторым! Ничего себе! Хотел уже было, как говорится, поворачивать оглобли, ехать назад в город, но его успокоили: лекарь быстро принимает, уже человек сто двадцать принял, так что часа через четыре подойдет и его, Ткачука, очередь.

Пока суд да дело, принялся Я. Ткачук искать человека пообщительнее, у кого можно было бы порасспросить, что за лекарь, что за лечение. На улице люди интеллигентные, предпочитающие холод антисанитарии помещения, в котором ведется прием. Супружеская пара. Женщина с красивым, несколько полноватым лицом. Лицо мужа показалось бледным («Наверное, ему и требуется лекарство»,— подумал Я. Ткачук). Разговорились. Выяснилось, что лекарь пользует вовсе не травами, а обыкновенной водой, которую каждый посетитель тут же и набирает из крана в две трехлитровые банки.

— Как так — из крана? Да что же это за лечение!

Разговор мигом обрывается. Трудно понять, то ли супруги верят «отцу и сыну», то ли не видят особого смысла в обсуждении (уж коли приехали за сто верст киселя хлебать, чего уж тут!).

Другие толпящиеся во дворе не более

разговорчивы. Остается найти трехлитровые банки. К счастью, они оказываются в багажнике автомашины, на которой приехал Я. Ткачук.

Теперь надо протолкнуться к крану. Выясняется, однако, что кран временно иссяк, надо подождать, пока вода вновь польется. Впрочем, объяснили Ткачуку, безразлично, откуда брать воду. Некоторые привозят с собой, набирают из водопровода в квартире. Пациентка, приехавшая из Черкасс, рассказала, что наполнила банки в Киеве в общественном туалете на вокзале. Поосторожничала: в предыдущий приезд из-за отсутствия воды ей пришлось тут заночевать. Можно бы набрать из колодца во дворе, но дедова невестка гоняет. Злая, стерва. Лучше всего, посоветовали бывалые, добыть воду в доме напротив, через улицу. Там, правда, берут по рублю за банку, но это самый нехлопотный путь.

...Наконец приблизилась очередь. Ткачук протиснулся в комнатушку. Огляделся. Комнатушка как комнатушка. По стенам лавки. Возле дальней стены за столиком сидит мужик лет пятидесяти пяти, крепкого телосложения. Ведет прием. Точно моей музыкантше, ему не требуется ни видеть страждущего, ни знать о его болезни. Лекарь спрашивает только имя больного и в который раз обращается. Ломая ногти, пациенты сковыривают с банок тугие пластмассовые крышки, лекарь простирает над ними руки, что-то шепчет, шевеля губами, крестит. Затем громким голосом объясняет, как принимать:

— Из первой банки первый раз выпить двести граммов перед ужином, а дальше по сто граммов перед завтраком, обедом и ужином — по три раза в день. Перерыва не делайте ни один день и не перепутайте банки. Вот первая, а вот вторая. А то потом приезжают и говорят, что нет улучшения. Когда будет кончаться вторая банка, приезжайте еще, но так, чтобы не было перерыва ни один день.

На стол кладется червонец (по пять рублей за банку), и пациент отправляется восвояси. А лекарь уже колдует над следующими двумя банками. Конвейер. На одного человека расходуется минута-полторы. За час лекарь получает трехмесячный оклад высококвалифицированного врача.

«Чем можно объяснить,— заканчивал свое письмо Я. Ткачук,— что в наш век технического прогресса, когда не осталось ни одного шамана в Якутии, с современной медициной пытаются конкурировать, причем успешно, если судить по числу их пациентов, такие вот иваны павловичи?»

Получив подобное письмо, всякий раз думаешь: может, не совсем так обстоит дело, может, сгущены краски? Бывает, внешний каркас событий представлен правильно, а существо дела перевернуто.

Проверить письмо поручили Саше Кобецу. Саша недавно из армии. Учится на вечернем отделении факультета журналистики. Это едва ли не первое его самостоятельное задание в «Литгазете».

На ровенском автовокзале корреспондент без труда определил нужную ему кассу:

к этому окошечку — самая длинная очередь. Из сумок, рюкзаков, кошелок торчат уже знакомые нам трехлитровые банки. Значит, принимает дед.

Оказалось, что и сама автобусная линия до Городищ учреждена только с нового года благодаря нашествию паломников «до дида». Прежде автобуса не было, добирались кто как мог.

В автобусе только и разговоров что о дедовых чудесах — кого от каких напастей он вылечил. Выяснилось, однако, что местные жители, не в пример приезжим, скептически смотрят на эти чудеса.

Рядом с Кобецом оказалась какая-то дальняя родственница знахаря, которая рассказала, что однажды привела к нему на прием больную дочь. Встретил он их по-родственному, со всем вниманием, однако вода не помогла.

— Да что там мы! — говорила женщина.— Он своего сына Романа вылечить не может.

...Не довелось журналисту своими глазами лицезреть те картины, которые описал в своем письме читатель Я. Ткачук: прибыв на место, он узнал, что знахарь арестован.

В Городищах, в Ровно Кобец разговаривал со многими людьми, знавшими Мишуков — такова фамилия знахарей,— и мало-помалу составил представление об истории их восхождения к вершинам лекарской науки. В 1948 году старший Мишук был осужден за связь с преступной бандой. Вернувшись из заключения, стал искать заработка какой полегче. Ездили с сыном шабашничать в Си-

бирь, в Казахстан. Строили коровники, копали колодцы. Тяжело. Однажды рыли-рыли колодец, а воды нет. Ночью накачали воду насосом. На этот раз унесли ноги от разгневанных заказчиков, но решили — все, баста, пора «завязывать».

В заключении старший Мишук слышал об одном лекаре, пользовавшем «святой» водой. Решил сам попробовать. Сначала робко, потом все увереннее. И пошло и поехало. Водолечение оказалось несравненно более простым заработком, чем копание колодцев. Деньги потекли рекой. Пока отец сидел дома в ожидании клиентов, младший разъезжал по городам и весям, создавал ему рекламу, рассказывал всем про «великого Ивана», быстро исцеляющего от всех недугов.

Вскоре выяснилось, что заботиться об эффективности лечения и опасаться разоблачений вовсе не следует: голоса недовольных и недоверчивых тонули в хоре верующих и жаждущих. Приток новых пациентов намного превышал отток старых, не получивших облегчения.

Со временем сын, Дмитрий, открыл собственное «дело». Причем превзошел в лекарском искусстве отца, сделал лечение более разнообразным. Если, например, пациент жаловался, что лечение не помогло, Дмитрий вел его «на огонек». Брал газету, клал ее на металлический лист, чиркал спичкой, поджигал. Если газета сгорала дотла, что чаще всего и бывало, заверял пациента, что с болезнью покончено. Если же вдруг, случалось, полного сгорания не происходи-

ло, оставался белеть кусочек бумаги,— прописывалась новая порция воды.

Завел Дмитрий и другое новшество — книгу отзывов. Отзывы, естественно, были все восторженные, с указанием фамилий, адресов, телефонов написавших их пациентов. Как собирались эти панегирики, после рассказали некоторые из пациентов.

О. Карпович из Белозерска:

— В мае 1981 года я решила съездить к знахарю из Ровенской области, о котором слышала от знакомых. Принимал он людей с утра до обеда. В перерыве кто-то вынес «книгу отзывов» посетителей и стал читать благодарности Мишукам, которые в ней были записаны. После этого все стали писать отзывы и от себя. Я также, еще не попав на прием, не получив воды и не пройдя курс лечения, записала в эту книгу слова благодарности «за хорошее лечение». На самом деле оно мне не помогло, и в настоящее время я нахожусь на лечении в Белозерской городской больнице.

Е. Забиела из Вильнюса:

— Ездила к Мишуку за водой для дочери три раза. В последний приезд Мишук попросил, чтобы я сделала запись в его «книге отзывов». Я не очень хотела что-либо писать, но он настаивал. Уступив, я написала, что благодарю его за лечение, хотя дочь попрежнему болела. После этого случая я к нему не ездила...

Не брезговали Мишуки и прямым подлогом.

А. Майдан из Риги:

— Ни к каким Мишукам я не обращалась,

не знаю, где они живут и от чего лечат. Мне предъявлена «книга отзывов», изъятая у Мишуков, в которой сделана запись от моего имени — благодарность за лечение. Но я могу категорически сказать, что эту запись я не делала.

Ведя прием, Дмитрий Мишук, говорят, надевал один на другой несколько пиджаков — чтобы удобнее было рассовывать деньги по карманам. Много в этих карманах осело. При аресте у знахарей было конфисковано золотых монет на сто пятнадцать тысяч рублей, наличных денег около ста двух тысяч... Плюс к тому — восемь автомобилей: две «Волги» и шесть «Жигулей».

Тепло ваших рук

Скрывается ли что-нибудь еще за современным знахарством, кроме психотерапии? Наверное, скоро наука даст ответ.

...В науке все разложено по полочкам: биологи изучают живое, физики — неживое. Время от времени, однако, происходит смещение интересов. Несколько лет назад в Московском институте радиотехники и электроники стали изучать и измерять излучения живых организмов: тепло, звук, свет... Возглавили работу упоминавшиеся уже академик Юрий Васильевич Гуляев и доктор физико-математических наук Эдуард Эммануилович Годик.

Повод к такому переключению внимания был необычный для академической науки: экстрасенсы. Решено было организовать проверку их способностей. На хорошем уровне. На плохом и прежде было много всяких проверок, и теперь хватает.

Хорошая проверка — дело непростое.

— Любая работа, проводимая физиками,— говорит Годик,— если это не пустячок на три дня, требует вложения средств и жизни сотрудников...

Чтобы средства и жизнь не тратились впустую, надо было составить беспроигрышную программу исследований, от которой был бы прок независимо от того, обнаружится ли что-то за экстрасенсами или нет. Решили подойти к делу более широко: программа была названа «Физические поля биологических объектов».

— Реально мы начали работать с 1982-го, даже с 1983 года, потому что год мы провели в разговорах. Правда, программа исследований была написана в 1981 году, но от программы до «железок», до приборов ох как далеко. У нас не было ни помещений, ни ставок. Одна моя ставка, да и то в другой лаборатории...

— Кто нынче у вас работает?

— Здесь все профессиональные физики. В основном — московский Физтех. Несколько человек с мехмата, математики по цифровой обработке. Всего двадцать пять человек. И двадцать студентов — опять-таки Физтеха.

Интересен принцип, в соответствии с которым подбирали сотрудников лаборатории.

— Учитывая, что на этой тематике многие хорошие люди ударились во всякие там философии, мы брали физиков, у которых не было интереса к этой теме.

— Как же без интереса?

— Интерес должен быть к физике, а не к «феноменам». Мы заранее договорились: если кто-то в процессе экспериментов обретет такой интерес, мы его устроим куда-нибудь в другое место. Никому не хотелось тратить жизнь, чтобы в конце концов пре-

вратиться в очередную контору по изготовлению сенсаций.

При всем при том — при отсутствии интереса ко всяким загадочным «феноменам» — каждый сотрудник лаборатории вместо одного рабочего дня часто проводит здесь два. Интерес к физике.

Я спросил Годика, во сколько они заканчивают работу. Шел десятый час вечера, когда мы с ним беседовали.

— В общем так,— был ответ,— оставаться после двенадцати не рекомендуется.

Чем же опасен интерес к «феноменам»?

— Понимаете,— объясняет Годик,— человек начинает веровать. Ставит точки, а кривую уже нарисовал. Случается такое в физике.

Кривая, нарисованная раньше точек,— телега впереди лошади. Нормальный путь, как известно: кривую, обозначающую ту или иную закономерность, вычерчивают, соединяя на графике отдельные точки, полученные в результате измерений.

— В прежние времена как было? — продолжает мой собеседник.— Прибор либо показывает что-то, либо нет. Если стрелка отклоняется от нуля — эврика! — обнаружен какой-то неведомый эффект. Сегодня же чувствительность приборов такова, что стрелка всегда отклонена, прибор всегда что-то показывает. Весь вопрос — что? От экспериментатора требуется неслыханное мастерство, опыт, интуиция, чтобы правильно ответить на этот вопрос. И предельная объективность. Человек может сам не подозревать, что заинтересован в каком-то

результате. Ему ничего не стоит чуть сдвинуть точки и получить нужную кривую. Сколько таких результатов публикуется! Сколько «открытий» сделано! А за всем — лишь «грязный» эксперимент.

Святая правда. Знаю научных работников, у которых жизнь пошла наперекосяк с того момента, как обуяли их азарт и страсть к экстрасенсам, к «летающим тарелкам»... По виду ничем они не отличаются от других, но никто их всерьез уже не воспринимает. Сидит в них червоточина.

Так в былые времена, должно быть, губила человека картежная страсть. Что делать, слаб человек.

— Четыре года вы работаете. Каков итог?

— Сегодня ту работу, которую намечали, мы проделали, как говорится, в первом приближении — мы видим все поля, которые рождаются вокруг человека. Все!

— Нет ли среди них биополя?

— Что такое биополе — это надо изобретателей спрашивать. Это плод воображения неких людей, не имеющих отношения к физике, которым кажется, что в физику все что угодно можно впихнуть, поскольку там все зыбко и неопределенно. А у нас вся мебель расставлена. Все стоит на своих местах, надо лишь небольшой порядок навести.

К истине физики пришли обычным для науки путем. Навели порядок в определенной области своей науки, после чего возможный механизм лечебного действия экстрасенсов высветился сам собой.

Если бы они попытались решить задачу в лоб, сосредоточившись на одних экстра-

сенсах, не исключено, их постигла бы неудача, как она постигала других, написавших про экстрасенсов тонны словесной шелухи.

— С этими «феноменами» ключевым моментом оказалось вот что,— говорит Годик.— Мы просто провели измерения и установили, что кожа человека обладает очень высокой чувствительностью к теплу. Три десятые градуса чувствует на близко расположенной поверхности. И вот что получается: когда рука экстрасенса идет вдоль спины больного, на тепло руки откликаются в основном некоторые дерматомы. Или, по другому,— зоны Захарьина—Геда. Или как там еще их называют...

Названий у этих точек и зон много: активные точки, стимулирующие точки, электроаномальные точки, электроактивные точки, биологически активные точки, биологически активные зоны, точки акупунктуры, точки рефлексотерапии, точки иглорефлексотерапии, точки рефлекторно-пунктурной терапии...

Впрочем, Годик отделяет зоны Захарьина — Геда от точек иглоукалывания: физиологическая природа этих зон вполне ясна, о точках этого не скажешь.

— Мне больше нравится слово «дерматом»,— продолжает мой собеседник.— Известно, что дерматомы имеют нервную связь с различными органами. По тому, как они реагируют на то или иное воздействие, можно судить о состоянии органа. В данном случае под рукой у экстрасенса нагревается тот дерматом, который связан с больным органом. Он избирательно нагревается. Это

не свойство экстрасенса, а свойство человеческого организма. При этом экстрасенс ощущает, где именно греется. Его чувствительности хватает с запасом. А что дальше происходит, какой тут возможен лечебный эффект — в этом должны физиологи разобраться...

— На это способен только экстрасенс или любой человек?

— В принципе — любой человек. Хотя, конечно, у разных людей есть различия в чувствительности руки. Ну и к тому же у тренированного человека всегда получается лучше, чем у нетренированного. Мы с самого начала ориентировались не на изучение экстрасенса, а на изучение обычного человека. Поскольку мы исходили из убеждения, что ничто в человеческом сообществе не может вырасти на пустом месте. Некие люди могут иметь особенности в том или ином отношении, но только особенности, а не обладать чем-то из ряда вон выходящим.

Вот только и всего: рука чувствует теплые зоны и дополнительно их прогревает. Удовольствуются ли этим экстрасенсы? Вряд ли. Они ведь на многое замахиваются. Вот если бы установили, что они действительно могут видеть человека насквозь, читать его прошлое и будущее, исцелять на расстоянии, заочно, указывать, где зарыт разыскиваемый милицией труп, разговаривать с «космическими духами», передвигать силой воли предметы и т. д., тогда, наверное, удовольствовались бы.

Скорее всего, «лечение руками» (главный

козырь экстрасенсов) — еще один способ рефлексотерапии по типу иглоукалывания. Хотя иглоукалывание и называется так, в дело идут не одни иглы. Точки на теле массируют пальцами, специальными вибраторами, воздействуют на них вакуумом, электричеством, электромагнитным полем, ультразвуком, лазером, прижигают и прогревают разными способами... По-видимому, прогревание рукой биологически активных зон — из того же ряда лечебных воздействий.

Надо ли говорить экстрасенсам спасибо за то, что они подсказали нам этот способ лечения? Не знаю. Есть наука и есть культура. Оправдывает ли толика пользы, которую, возможно, экстрасенсы принесут науке, медицине, тот невежественный шабаш, который кружится, гомонит вокруг них? На каких весах взвесить?

— Нынче вашим именем экстрасенсы размахивают, точно знаменем,— говорю я Годику.— Как же — научное подтверждение...

— Да? — смеется он.— Это удивительно. А я, напротив, выходя из лаборатории, всякий раз по сторонам оглядываюсь: как бы не побили. Ведь всю ту ахинею, которая в академию от экстрасенсов стекается, мне на отзыв дают...

Можно ли требовать, чтобы «лечение руками» было скоро подхвачено и широко распространено? Требовать, конечно, можно, но станем рассуждать трезво: иглоукалывание известно по крайней мере две с половиной тысячи лет, а есть ли у него широкое распространение?

Все же какое-то место «руколечение» должно занять в медицине. Может быть, в ином варианте. В лаборатории Годика роль экстрасенсов неплохо исполняют приборы. В будущем, наверное, они намного превзойдут человека.

Нет сомнения, жгучий интерес публики к экстрасенсам мигом увянет, как только наука тем или иным образом оприходует их. Ну кого сейчас интересует гипноз? Или самовнушение? Или иглоукалывание? А ведь было время, тоже страсти бушевали.

Правда, останется еще общение с духами, предсказание судьбы... Но это уже из другой оперы. Тут физики вряд ли помогут.

Чехов и экстрасенсы

Был как-то случай,— рассказывает Годик,— приходит ко мне моя давняя знакомая, спрашивает, не могу ли я свести ее с экстрасенсами, чтобы они полечили ее брата. Брат у нее лежит полгода, какие-то мозговые явления, она каждую ночь не спит, встает к нему по многу раз... Я ей говорю: «Экстрасенс — это такой человек, которого ты найдешь у себя на работе, поспрашивай только сотрудников». Так оно и оказалось. Разыскала она какую-то женщину, приглашает к себе. Та ей говорит: «Не пойду, у меня времени нет, но там — все в порядке». Вот так. И что вы думаете — в первую же ночь после этой беседы брат моей знакомой действительно спал хорошо. Как это объяснить? Экстрасенс подействовал? Самое простое объяснение: моя знакомая и ее брат уже составляют одну связку, стоит ему пошевелиться — она шевелится, так они друг друга раскачивают; а поскольку экстрасенс ее успокоил, она спала уже не так чутко — возможно, брат начинал шевелиться, но не получал с ее стороны подкрепления и в конце концов тоже успокоился. Вот вам и лечение на расстоянии!

А вообще много таких баек рассказывают, и в большинстве случаев, как здесь, можно найти какое-то на поверхности лежащее объяснение.

Хорошо бы нам помнить это мудрое правило: прежде чем верить байкам о всяческих «чудесах», стоит осмотреться — нет ли простого объяснения для этих «чудес»?

Помните, как у Чехова в рассказе «Следователь»?

Следователь и врач едут на вскрытие. По дороге завязывается разговор о том о сем. Из обычных дорожных разговоров.

«Следователь, мужчина лет тридцати пяти, задумчиво глядел на лошадей и говорил:

— В природе есть очень много загадочного и темного, но и в обыденной жизни, доктор, часто приходится наталкиваться на явления, которые решительно не поддаются объяснению».

Знакомый мотив: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось вашим мудрецам».

Кто ж возражает, в природе действительно много загадочного и непонятного. Вот только понимают под загадочным и непонятным разные люди разное.

Следователь рассказывает о некой молодой женщине, которая предсказала день своей смерти и умерла именно в этот день «без всякой видимой причины».

Как это похоже на наши нынешние разговоры. Кто-нибудь что-нибудь этакое расскажет... Что хочешь, то и думай.

Реакция доктора на рассказ следователя — какая-то вялая и нелюбопытная:

«— Нет действия без причины,— сказал доктор.— Есть смерть, значит, есть и причина. А что касается предсказания, то ведь тут мало диковинного. Все наши дамы и бабы обладают даром пророчества и предчувствия».

Когда были выговорены эти слова? Впервые рассказ «Следователь» Чехов напечатал в «Петербургской газете» в мае 1887 года. Сотня лет миновала.

Следователь решительно отрицает принадлежность его знакомой к распространенному типу пророчествующих «дам и баб»:

«— Так-то так, но моя дама, доктор, совсем особенная. В ее предсказании и смерти не было ничего ни бабьего, ни дамского. Молодая женщина, здоровая, умница, без всяких предрассудков. У нее были такие умные, ясные, честные глаза; лицо открытое, с легкой, чисто русской усмешечкой во взгляде и на губах. Дамского, или бабьего, если хотите, в ней было только одно — красота. Вся стройная, грациозная, как вот эта береза, волоса удивительные! Чтобы она не оставалась для вас непонятной, прибавлю еще, что это был человек, полный самой заразительной веселости, беспечности и того умного, хорошего легкомыслия, которое бывает только у мыслящих, простодушных, веселых людей. Может ли тут быть речь о мистицизме, спиритизме, даре предчувствия или о чем-нибудь подобном? Над всем этим она смеялась».

Замечательно в этом разговоре, что оба спутника — и доктор, и следователь,— бу-

дучи людьми интеллигентными, как видим, безоговорочно выносят за рамки обсуждения «мистицизм, спиритизм, дар предчувствия» и прочие чудеса.

Однако есть между ними разница: теряясь в догадках, как это могло быть, следователь тем не менее уверен, что все так и было, как он рассказывает; доктор же ни секунды не верит самому факту смерти «без всякой видимой причины».

«Размышляя, доктор поглядел на небо.

— Надо было бы вскрыть ее,— сказал он.

— Зачем?

— А затем, чтобы узнать причину смерти. Не от предсказания же своего она умерла. Отравилась, по всей вероятности».

Странно, что такая простая мысль не приходила следователю в голову. Из дальнейшего его рассказа выясняется, что у молодой женщины были нелады с мужем, что вскоре после женитьбы он ей изменил и она об этом узнала. Теперь следователем становится доктор:

«— А что раньше было, измена мужа или появление идеи о смерти?»

Выясняется — измена. О смерти жена заговорила как раз вскоре после того случая, хотя и вне связи с ним. Клубок начинает распутываться. Довольно нехитрый клубок.

Оказывается, женщина ждала ребенка. Приняв решение оборвать свою жизнь и не желая убивать его вместе с собой, она и наметила срок своей смерти, сообразуясь со сроком предполагаемых родов. К тому времени об измене мужа все успели забыть,

тем более что жена давно уж его «простила»...

Эта простая и естественная версия поражает следователя, как удар грома. Оказывается, речь идет о его жене. Он тот самый муж... Убийца...

«Следователь... то пожимал плечами, то хватал себя за голову. Он то садился в экипаж, то шел пешком. Новая мысль, сообщенная ему доктором, казалось, ошеломила его, отравила; он растерялся, ослабел душой и телом...»

Невинный светский разговор о чудесах оборачивается трагедией.

Впрочем, чаще у Чехова при обращении к подобным темам над трагедией берет верх ирония. В рассказе «Тайна» загадочное и непонятное предстает в образе некоего Федюкова, которого никто никогда не видел, но который тем не менее всякий праздник аккуратно расписывается на листе визитеров в передней действительного статского советника Навагина.

И опять мы слышим знакомые слова — насчет многого, не снившегося нашим мудрецам.

«—...В природе очень много сверхъестественного, чего никогда не постигнет наш слабый ум!» — говорит мадам Навагина, когда узнает про таинственного Федюкова.

Мадам Навагина занимается спиритизмом и все таинственное сводит к проявлению духов. Мало-помалу и супруг ее, будучи не в силах объяснить, откуда берутся федюковские завитушки и закорючки, начинает склоняться к этой точке зрения.

«Навагин был свободен от предрассудков, но занимавшее его явление было так таинственно, что поневоле в его голову полезла всякая чертовщина. Весь вечер он думал... что Федюков есть дух какого-нибудь давно умершего чиновника, прогнанного со службы предками Навагина, а теперь мстящего потомку; быть может, это родственник какого-нибудь канцеляриста, уволенного самим Навагиным, или девицы, соблазненной им...»

В конце концов действительный статский советник окончательно изменяет своим материалистическим принципам.

«...Он поборол свое скептическое самолюбие и, войдя к жене, сказал глухо:

— Зина, вызови Федюкова!»

Далее происходит спиритический сеанс, осуществляемый при помощи картонного листа и блюдечка. Дух Федюкова, вызываемый мадам Навагиной, является без задержки.

«— Что тебе нужно? — спросил Навагин.

— Кайся...— ответило блюдечко...

Навагин долго беседовал с Федюковым, потом вызывал Наполеона, Ганнибала, Аскоченского, свою тетку Клавдию Захаровну, и все они давали ему короткие, но верные и полные глубокого смысла ответы».

Теперь уж и Навагин включается в знакомый нам хор философствующих по поводу узости человеческого ума.

«После этого он каждый день занимался спиритизмом и в присутствии объяснял чиновникам, что в природе вообще очень много сверхъестественного, чудесного, на

что нашим ученым давно следовало бы обратить внимание... Медиумизм, бишопизм, спиритизм, четвертое измерение и прочие туманы овладели им совершенно, так что по целым дням он, к великому удовольствию своей супруги, читал спиритические книги или же занимался блюдечком, столоверчениями и толкованием сверхъестественных явлений».

Само собой разумеется, что со временем и тайна Федюкова раскрылась простым и естественным образом. Он оказался не духом, а вполне реальным человеком, дьячком, приходившим по праздникам в свите приходского священника «с крестом». Расписываться на листе визитеров ему не полагалось (потому никто и не подозревал его в этом), но очень уж он любил свою красивую роспись...

Таким вот тривиальным образом заканчивается и эта загадочная история.

Остается, правда, вопрос: как же все-таки предчувствуют и предсказывают «дамы и бабы»? И как во время спиритического сеанса удается вызвать дух Наполеона? Чехов не снисходит до ответа. Не находит этот разговор заслуживающим внимания.

Это как сейчас после очередной сенсации с какими-нибудь хирургами, без ножа запускающими руку в живот по локоть. Тоже спрашивают: «Все-таки — как? Ведь люди видели: рана была разверста, и кровь текла, и что-то оттуда извлекалось...» О том, что иные люди видят и слышат, что они чувствуют и предчувствуют, разговор особый, несколько отличающийся от разговора, что происходит на самом деле.

Четыре очевидца

Свидетельства очевидца зависят от того, что это за очевидец.

Бакинский журналист Шариф Азадов побывал на Филиппинах с одной из делегаций. Встречался с хилерами — так называют местных лекарей, более всего известных тем, что они будто бы оперируют без ножа, руками, концентрируя в них огромную энергию. Эти операции, коих он был свидетелем, привели Азадова в восторг. Вот как он описывает встречу с одним из наиболее известных хилеров:

— Алекс Орбито — невысокий худощавый 43-летний человек с приятными чертами лица. Он слабо пожимает нам руки и охотно отвечает на все наши вопросы. Способности врачевателя впервые обнаружил у себя, когда ему было шестнадцать лет. Учился у своего отца, также хилера. А вот сын Алекса, к сожалению, не обладает умением концентрировать энергию, и потому он отдал его в обычный медицинский колледж. То есть и он пошел по медицинской стезе, но по традиционной.

Я попросил разрешения осмотреть руку Орбито. Она не была похожа на руку хи-

рурга в общепринятом значении. Мягкая, почти безжизненная и, простите, с далеко не безукоризненными ногтями. Прочитав на моем лице разочарование, Орбито улыбнулся. И вдруг рука его стала преображаться. Я почувствовал, как она налилась силой, стала гибкой, точно змея. Одновременно я ощутил, что моя рука затекла, похолодела, стала неметь...

Работает Орбито через день по сорок пять — пятьдесят минут, больше не может. Должен отдыхать, пополнять утраченную энергию. Часто ездит к себе в горы. Детей он не оперирует, боится повредить психические центры, лечит только манипуляциями.

Орбито прощается с нами, говорит, что ему надо сосредоточиться перед операциями. А когда они начнутся, за нами придут. В большой комнате стеклянная перегородка, за ней — операционная. Перед началом операции все присутствующие распевают псалмы.

Когда Орбито вошел за перегородку, все замолчали. Взяв в руки Библию, хилер наклонился — тишина стала полной. Так он просидел минут пятнадцать — двадцать. Затем нас пригласили в операционную. Обыкновенная комната с обыкновенным узким столом. Две медсестры в обычных кофтах и юбках, сам хилер в той же тенниске, какая была на нем во время нашей беседы. Бросаются в глаза несколько баночек с маслянистыми жидкостями. Собственно медицинского здесь — только ватные тампоны. Никаких замысловатых, холодно отливаю-

щих никелем инструментов. Одними маслами Орбито натирал участок тела до операции, другими — после вскрытия. Долгого мытья рук не было, он просто сполоснул руки в банке с белой жидкостью. И так после каждой операции — окунал руки в банку и вытирал одним и тем же полотенцем.

Первой пациенткой была женщина. Хилер быстрыми короткими движениями выщелкивал у нее из грудей небольшие шишки, при этом едва струилась розоватого цвета кровь. Лицо женщины было спокойным, не отражало ни боли, ни дискомфорта.

Затем на стол легла женщина с пупочной грыжей. Я стоял вплотную к операционному столу и хронометрировал все операции. У меня на глазах указательный палец хилера после небольшого массирования вдруг вошел в живот, как в тесто. Пошла кровь, но совсем немного, и Орбито выковырнул оттуда кусок мяса. Затем стал энергично поглаживать это место, как бы стягивая, смазал маслом, и женщина спокойно встала со стола. На ее лице не было ни тени страдания. Операция продолжалась сорок три секунды.

Так же он удалил аппендикс, правда уже за минуту с лишним. Когда-то мне тоже удаляли аппендикс, и, если не ошибаюсь, это длилось более часа. Снова у меня на глазах пальцы хилера легко, без разрывов ткани и нажима, вошли в тело человека. Лицо пациента спокойно, слегка насторожено, но не больше. Видно, как хилер что-то делает там, внутри. Затем он извлек и показал больному аппендикс и бросил его в белый тазик.

Я спросил Орбито, как он соединяет концы сосудов, и тот объяснил, что не сшивает их, а вроде как запаивает энергией. Интересно, что работает он одной рукой, а ладонью второй как бы создает биополе. Наклонившись, я внимательно смотрел на то место, откуда только что у меня на глазах извлекли аппендикс. Ни шва, ни следа раны.

Самой трудной операцией, которую я видел, было удаление большой опухоли. Больную уложили на стол. Она указала хирургу на больное место. Тот слегка провел рукой и, обнаружив больной участок, стал поглаживать и массировать его, вроде что-то раздвигая, а потом вдруг... ввел всю кисть руки в полость живота и после некоторых манипуляций осторожно извлек оттуда кусок мяса. Малое течение крови при этом хилер объяснил тем, что он не задевает крупных кровеносных сосудов и, кроме того, по его словам, путем создания биополя он временно изменяет густоту крови. Операция эта продолжалась одну минуту тридцать пять секунд. Самая длинная из тех, что мне довелось наблюдать. И хотя лицо женщины при этом на какую-то секунду исказилось болью, но затем снова стало спокойным.

Когда я уходил, в журнале, где отмечается количество посетителей, стоящих в очереди и ждущих операции, цифра перевалила за триста (не все, конечно, попали на прием в этот же день). Где-то рядом жарили лук, все выглядело обычно, буднично. Вышел я, глубоко потрясенный всем увиденным.

Так закончил свой рассказ Шариф Азадов. Это рассказ доверчивого человека.

А вот описание таких же событий, принадлежащее другому очевидцу, более подготовленному, а потому смотрящему на вещи более трезво.

— Разобраться, действительно ли делается операция или это лишь видимость ее, совсем непросто,— говорит Михаил Лазаревич Гершанович, профессор, доктор медицинских наук, по специальности онколог.— Поначалу действия хилера производят ошеломляющее впечатление. Даже на людей, настроенных скептически. А я был не просто скептически настроен — я был одержим идеей испытать работу хилеров на себе, рассмотреть ее изнутри.

Гершанович ездил на Филиппины вместе с Анатолием Карповым в качестве его врача, когда тот проводил в Багио матч на первенство мира с Виктором Корчным.

Мы беседуем в редакционном кабинете втроем. Кроме нас с Гершановичем в ней участвует еще одна сотрудница «Литературной газеты» — Антонина Владимировна Галаева, в чьем ведении находится медицинская тематика.

— Будучи убежденным материалистом, да к тому же и врачом,— продолжает Гершанович,— все свидетельства экзальтированных очевидцев я в расчет не принимал — мало ли что покажется человеку в состоянии внушения. Поэтому вопрос, существует ли «филиппинское чудо», меня не занимал. Я был твердо убежден: его нет. Законы природы незыблемы. Разрезать или раздвинуть пальцами кожу, подкожные ткани невозможно. Никакие фильмы, никакие свиде-

тельства не убедят меня в обратном. По крайней мере, до тех пор, пока не испытаю филиппинский «нож» на собственной шкуре. Более того, если меня и вскроют — не поверю, буду доискиваться, как они это сделали. Вот с таким настроением я поехал к хилерам. Впрочем, кроме любопытства был у меня и другой стимул: в ту пору тяжело болел отец Анатолия Карпова. И мне хотелось поискать в народной медицине, включая и методы хилеров, что-то такое, что могло бы помочь ему. Увы, ничего такого я не нашел, и это еще больше укрепило мой скептицизм.

— А говорят, будто в районе Багио какая-то особая космическая обстановка, благодаря которой хилеры обретают нечеловеческую силу...

— Багио — единственное на Филиппинах прохладное место с чудесными, умиротворяющими пейзажами, несколько напоминающее нашу Прибалтику. В Багио охотно едут туристы со всех концов света. Именно из-за благодатного климата и обилия туристов хилеры и облюбовали эти места, а вовсе не из-за каких-то исторических традиций или особой космической энергии, как это утверждают их восторженные поклонники, не без подсказки самих хилеров.

— Какую же операцию вы собирались себе сделать?

— Видите? — Гершанович подносит палец к внешнему краю левого глаза, где у него виден небольшой, но хорошо заметный шрам. Выясняется: на месте шрама была опухоль. Базалиома. До сих пор среди вра-

чей идут споры, злокачественная это опухоль или нет (метастазов она не дает).

— Не боялись операции?

— Нисколько. Я был абсолютно уверен, что ничем не рискую, никаких ран у меня после хилеров не останется.

— А этот шрам?

— Ну, это пустяки, недорогая плата за любопытство.

Итак, приходим. Небольшой домик — не хижина, но и не вилла. Небольшая приемная, напоминающая перевязочную в сельской больнице или фельдшерский пункт. Непременное распятие (хилеры в основном католики) и несколько других изображений Христа, стол (иногда бывает два), покрытый клеенкой (в других случаях — простыней). Тут же и сам исполнитель процедуры. Любопытно, что почти все хилеры имеют какую-то основную профессию, которая их кормит,— слесаря, механика, каменщика... А между делом занимаются хиропрактикой, врачеванием. Прежде чем взяться за меня, хилер продемонстрировал свое искусство на других. И вдруг я нечаянно заметил (естественно, не показав вида хозяевам), что в роли пациентов выступают люди, которых я уже видел у других хилеров в той же роли...

Так или иначе, перед тем как самому лечь на стол, я стал внимательно наблюдать за работой хилера. Он положил на стол женщину и объявил, что сейчас удалит у нее желчный пузырь. Мы очень близко стояли и фотографировали (нам это разрешили), и я увидел картину, даже для подготовлен-

ного зрителя непостижимую: руки хилера погружены в живот, там что-то чавкает, показывается кровь (правда, не очень много). Затем хилер вынимает руки, вытирает место «операции» тампоном. Ощущение такое, будто на наших глазах в самом деле произошло оперативное вмешательство без ножа. Я не упрекаю тех, кто после взахлеб рассказывал, что точно видел операцию,— так убедительно это выглядело. Но должен сказать: я внимательно, наклонившись до предела, буквально до расстояния десять сантиметров от «операционного поля» пытался разглядеть рану — и ничего не увидел. Раны не было. Ни открытой брюшной полости, ни разверстых тканей, органов, кишечника, мышц — ничего! А впечатление такое, будто руки находятся в утробе и где-то там, в глубине, копошатся пальцы «хирурга». Но это была лишь искусно сформированная кожная складка-карман, в которую, словно в полость, хилер погрузил пальцы.

Потом на свет божий извлекается кусок «ткани», и «рана» заглаживается рукой без следа (как мы после убедились, «тканью» был ватный тампон, якобы пропитанный кровью).

Теперь, после всего увиденного, могу дать присягу: хирургии не было, был искусный фокус...

Но вот наступила моя очередь. Я попросил удалить опухоль под левым глазом (все равно она подлежала удалению) и варикозный узел на ноге (кстати, очень удобный для демонстрации — было бы сразу видно, удалили его или нет). Хилер охотно согла-

сился, предупредив, однако, что должен помолиться надо мной, призвать духов, дабы почувствовать в себе силу (только в случае обретения ее он примется за операцию). Есть фотография, на которой хилер простер надо мной руки, призывая духов, а я с нелепым видом сижу и, закрыв глаза, жду. Наконец хилер сказал, что дух явился и он готов приступить. Он долго трудился надо мной, больно тискал опухоль железными, цепкими, как клещи, пальцами — ничего не получилось.

После этого опухоль стала быстро расти, и мне пришлось поторопиться с ее удалением. Не на Филиппинах, разумеется, а в хорошем ленинградском институте у прекрасного хирурга. Хирург прооперировал меня так искусно, что остался лишь небольшой шрам, который мне нисколько не мешает. Однако, пойди я сразу обычным путем, не было бы и его.

Что касается варикозного узла, хилер его тоже порядком намял, но и с ним сделать ничего не смог. Потом развился тромбофлебит, и тоже пришлось лечиться в Ленинграде.

Двое моих спутников — не буду называть их имена — также решили воспользоваться случаем. Один из них попросил хилера удалить на груди атерому (доброкачественную опухоль). Но эта атерома была особая, типа большого угря — она была связана с закупоркой сальной железы, имела ход наружу и, следовательно, легко могла быть удалена простым выдавливанием. Требовался лишь определенный навык. Эту операцию хилер

провел блестяще, продемонстрировав свои замечательные хиропрактические способности: он умело охватил атерому со всех сторон железными пальцами и сильно надавил ими так, что «опухоли» некуда было деться, кроме как воспользоваться существовавшим ходом. Естественно, хилер не преминул зафиксировать свою удачу и уверить пациента в том, что свершилось чудо. А пациент, в свою очередь, был чрезвычайно доволен, что ему удалось избежать хирургической операции дома. Но удивляться тут нечему — при соответствующих навыках и тренировке выдавить такую атерому мог бы любой врач.

Другому моему спутнику, у которого была липома на шее, повезло меньше. Сначала один хилер долго трудился над ним, потом битый час хлопотал другой — все безуспешно. Тогда пациента положили на стол лицом вниз (до этого он сидел на стуле, нагнув голову), и вскоре он почувствовал резкую нестерпимую боль, как от бритвы. Это и был бритвенный разрез, через который липома была затем вылущена. А дальше началось нагноение (разрез сделали в антисанитарных условиях, без антисептики), и «прооперированное» место пришлось дочищать в Москве.

...Вот такие два свидетельства об одном и том же.

Так что многое зависит от того, кто видит «чудо» и кто рассказывает о нем.

Между прочим, Шариф Азадов, беспрекословно доверяющий своим глазам, все же накануне публикации его рассказа в газете

позвонил мне и попросил на всякий случай заменить его подлинную фамилию псевдонимом (Азадов — псевдоним). Видно, полного доверия все-таки нет.

* *
*

Может быть, стоит привести еще два свидетельства, тоже разных, противоположных. Одно из них принадлежит Н. Л. Мартыновой. Появившись в редакции, она представилась как психолог, доктор наук. Долго жила на Филиппинах. Восторгам ее по поводу хилеров не было предела, и все разговоры сводились к одному — надо торопиться исследовать хилеров, перенимать их опыт, пока нас не опередили.

— Существуют ли люди, способные делать психохирургические операции? — восклицала Н. Л. Мартынова.— Конечно, существуют! Я присутствовала при многих таких операциях. Это выглядит приблизительно так. Правую руку хилер погружает в тело пациента (рука проходит беспрепятственно, будто в песок), моментально извлекает из раны пораженную болезнью ткань, бросает ее в миску и левой рукой закрывает рану. Ни малейших следов на коже не остается. Ни боли, ни кровотечения, ни послеоперационного шока! Некоторые хилеры открывают рану, находясь на расстоянии один-два метра от пациента: поглядит на него, махнет рукой — и рана открылась. Как будто лучом невидимым управляет. А после манипулирует руками внутри раны, как обычно.

Есть у Н. Л. Мартыновой и своя гипотеза — как хилерам удается без ножа рассекать человеческое тело, а после заживлять рану, не оставляя следов. Увы, это все набор слов, отрывочных сведений из курса школьной физики, популярных статей и книжек. Есть тут ссылки и на «сильную магнитную аномалию» в районе Филиппин, означающую, что «притяжение космической энергии Землей, ее «всасывание» здесь повышено», и предположение, что хилеры умеют пользоваться этой энергией: «...вероятно, силою лучей определенной энергии хилер проникает в ткань человека между клетками». («Клетки он не разрезает, как это бывает в обычной хирургии. Поэтому и нет кровотечения. Больная ткань отрывается невидимыми лучами также между клетками, поэтому операция безболезненна. Лучи... убивают микробов на расстоянии, и в зоне операции все стерильно — вот почему хилеры не моют рук».)

Странно, конечно, было, что такую ахинею может излагать доктор наук, хотя бы и психологических (далеких от физики и биологии), но не станешь же требовать, чтобы человек предъявил диплом, мы привыкли доверять людям (Н. Л. Мартынова как бы невзначай показала нам нагрудную карточку участницы какого-то съезда или симпозиума, где рядом с ее фамилией значилось по-английски «доктор психологии»). Так или иначе, мы напечатали ее письмо (среди других мнений о филиппинской хирургии), снабдив той подписью, на которой настаивал автор,— с докторским титулом.

Психологи всколыхнулись. Пошли письма, раздались звонки — не может быть, чтобы обладатель докторской степени мог написать такое. Наконец, в редакцию явился один из известных наших психологов и положил на стол справку, заверенную ВАК: среди докторов психологических наук нет человека по фамилии Мартынова.

Я вспомнил: Мартынова обмолвилась, будто докторскую степень она получила, работая в Чехословакии. Психологи не поленились, связались с чехословацкими коллегами — там тоже докторская степень никакой Мартыновой не присуждалась. Все стало ясно.

Такие скандалы не редкость, когда имеешь дело с сомнительными науками.

Впрочем, лично я не удивился бы, если бы Н. Л. Мартынова и обладала дипломом. Мало ли мы знаем докторов и профессоров, сбившихся с пути. О некоторых уже была речь в этой книге.

Мы считаем, в вопросе о филиппинской хирургии точка над i поставлена. В последнее время на Филиппинах побывало немало людей трезвых и реалистичных, в том числе из нашей страны. Побывали и хирурги, которые лучше всего знают, что значит разъять человеческое тело, а после зашить. В составе одной из групп совершил поездку на Филиппины профессор Борис Дмитриевич Савчук. Ниже приводится его рассказ.

Действие происходит в той же самой провинции Багио. Сначала наши медики посетили небольшой городок с поэтичным названием Кармен.

— У добротного двухэтажного особняка,— говорит Борис Дмитриевич,— нас встретила невысокая, не лишенная обаяния женщина лет пятидесяти в ярком цветастом платье — знаменитая хилересса Жозефина Сиссон. Она была искренне удивлена, что видит перед собой представителей Советской России, так как всегда считала, что «советские люди мрачные, бородатые и их никуда не пускают». Сестра Жозефина, как выяснилось, содержит небольшую ферму, которая служит для нее основным источником дохода.

Мы попросили ее продемонстрировать операцию, но она сказала, что, к сожалению, в данный момент у нее нет пациентов. Тогда среди нас нашелся доброволец. Профессор-хирург из Алма-Аты И. А. Апсатаров показал хилерессе свою руку, на которой была довольно заметная подкожная жировая опухоль — липома. Сестра Жозефина без колебаний согласилась удалить ее в нашем присутствии.

Мы были приглашены в стоящий во дворе каменный сарай, где в одном углу были аккуратно сложены мешки с рисом, а в другом, у большого окна, огорожена своеобразная операционная. Здесь стоял покрытый клеенкой ящик-стол, на стене были развешаны примитивные иконы. На видном месте висел плакат с надписью на английском языке: «Здесь работает Бог. Я являюсь только его инструментом. Молитесь, пожалуйста». Возле перилец стояли несколько предназначенных для зрителей скамей, на которых мы и расположились. Тихая девуш-

ка — помощница молча принесла какие-то флаконы, вату и марлю. Нас также попросили хранить полное молчание, но фотографировать было разрешено сколько угодно.

Сестра Жозефина положила на стол Библию. Лицо ее стало очень сосредоточенным, а воздетые над Библией руки резко побледнели. Молилась она недолго. (Потом я спросил ее, какую молитву она читала, она ответила: «Верую».) Интересно, что руки ее оставались бледными в течение всей операции.

Профессор Апсатаров встал, слегка наклонившись, у стола и протянул хилерессе руку. Операция началась. Мы стояли на расстоянии одного-двух метров от стола, и нам все было отлично видно. Сестра Жозефина обхватила жировик пальцами и принялась его довольно сильно, как нам показалось, тискать. Движения ее напоминали энергичные попытки выдавить или вылущить липому из окружающих тканей.

Внезапно все предплечье пациента покрылось алой кровью. Большое количество крови удивляло, так как в этой зоне, мы знали, просто не было такого большого кровеносного сосуда. (Как после выяснилось, это и не была кровь, что совершенно ясно видел «оперируемый» профессор Апсатаров.) Сестра Жозефина стала быстро вытирать кровь тампонами, которые ей расторопно подавала помощница. Вскоре все предплечье пациента было вытерто. Но... липома осталась на месте. Тогда хилересса туго скатала небольшую тряпочку, смочила ее какой-то жидкостью из флакона, положила на жиро-

вик и вновь стала энергично мять руку. Вскоре тряпочка исчезла. Сестра Жозефина объяснила профессору Апсатарову, что она внедрила тряпочку с лекарством под его жировик, и через три недели он должен исчезнуть.

Так закончилась операция, не принеся особого удовлетворения пациенту. Длилась она ровно две минуты и десять секунд.

Несмотря на это, среди нас нашелся еще один доброволец. Доцент Т. Г. Асатиани из Тбилиси спросил хилерессу, не может ли она освободить его от болей в шее, которые его беспокоят уже несколько дней. Сестра Жозефина осмотрела шею, сказала, что ей все ясно — это «вертебрал обструкшн» (буквально — «позвоночная закупорка»), и она думает, что может помочь.

На этот раз пациент был размещен на столе в положении лежа на животе. Мне было позволено стать еще ближе и наблюдать операцию уже на расстоянии полуметра. Хилересса глубоко внедрилась пальцами в шею пациента сзади. Создавалось впечатление, что она что-то пытается выкрутить там, в глубине шеи. Показалось немного «крови». Вслед за этим хилересса подняла руки кверху, показала нам какой-то окровавленный кусок и сказала, что это и есть болезнь, то есть она удалила именно ту «пробку», которая вызывала позвоночную закупорку.

Я ясно видел, что кожные покровы во все время операции оставались невредимыми, но никак не мог понять, откуда в руках хилерессы взялся окровавленный кусок. Я по-

просил показать его поближе, но сестра Жозефина не испытывала никакого желания это сделать. Тогда я довольно бесцеремонно (да простят мне хилеры!) вытащил у нее из рук «удаленную опухоль». Это оказался туго скатанный марлевый шарик, покрытый сверху сгустками темной крови — видимо, крови какого-то животного, может быть курицы или свиньи.

Пациент, однако, сообщил, что боли в шее прошли. Я поздравил сестру Жозефину с блестяще проведенными операциями. Она устало улыбнулась и сказала, что вообще-то она в нынешнем году не оперирует и сделала исключение только для нас, поскольку мы приехали из такой далекой страны. Сама же она решила дать себе годовую передышку, нечто вроде творческого отпуска, и сейчас заканчивает книгу об искусстве хилеров. Наш гид-филиппинец предложил сестре Жозефине гонорар, но она от него категорически отказалась.

Шейные боли вернулись к Асатиани часа через полтора, а у профессора Апсатарова оставался небольшой синяк вокруг липомы, который, впрочем, довольно скоро исчез. По его словам, никаких «железных пальцев» хилерессы он не чувствовал. Напротив, ее движения казались ему очень мягкими и деликатными. Липома же оставалась все в том же состоянии и спустя месяц после «операции».

Наши медики побывали еще у одного хилера.

— Питер Демосен,— продолжает Б. Д. Савчук,— сообщил нам, что ему двад-

цать девять лет, что основная его профессия — конторский служащий, а операциями он занимается в свободное от работы время...

В небольшом холле сидел, ожидая операции, изможденный, скромно одетый молодой человек. Мы спросили, какая предстоит операция. Хилер ответил: «Стамак проблем» («Желудочная проблема»). Когда же я попросил уточнить диагноз, Питер, пожав плечами, повторил как само собой разумеющееся: «Стамак проблем!»

На очень плохом английском пациент все же изложил свои жалобы. Симптомы напоминали язвенную болезнь двенадцатиперстной кишки. Мне казалось, что пациент побаивается предстоящей операции.

Мы были приглашены в операционную. Это была маленькая комната с таким же, как и у сестры Жозефины, глухим ящиком-столом, покрытым клеенкой. И вновь на стенах — иконы и знакомый плакат «Здесь работает Бог...».

Пациент приспустил брюки и улегся на стол. Хилер глубоко погрузил свои руки в подложечную область его живота, вдавив его до позвоночника. Он делал какие-то вворачивающие движения, пациент при этом корчился, очевидно от болей. Хилеру помогал при операции симпатичный мальчик лет пятнадцати. Он беспрестанно подавал какие-то тампоны. Показалось немного «крови», однако никакой зияющей брюшной раны не было видно. Внезапно хилер оторвал руки от живота. В одной из них мы увидели небольшой окровавленный кусок. Хилер

показал его пациенту и сказал, что это и есть желудочная болезнь, которую он удалил. Я попросил показать мне «болезнь» поближе, но Демосен в тот же миг решительно вышвырнул окровавленный кусок в открытое окно.

Операция закончилась. Я поинтересовался у пациента о самочувствии, и он ответил, что сейчас все хорошо, боли прошли.

Я спросил у Демосена, не может ли он удалить небольшую накожную опухоль (папиллому) у меня на плече. Хилер внимательно осмотрел папиллому и сказал, что удалить не сможет. Я спросил почему.

— Но ведь это же не болезнь,— совершенно резонно заметил хилер,— а я лечу только болезни, которые вызывают страдания.

— Каков же вывод из всего увиденного нами? — заключает свой рассказ Борис Дмитриевич Савчук.— Вывод твердый: никаких реальных операций «голыми руками» хилеры не делают. Все их действия — чистейшая имитация, фокус. Этот наш вывод не оригинален — ранее он был совершенно определенно изложен в «Литературной газете» М. Л. Гершановичем.

Надо сознаться, никто из нас не уловил момента, когда в руках хилера появляется окровавленный кусок («удаленная болезнь»), но скорее всего, это происходит в момент, когда он вытирает кровь тампонами, которые ему подает неизменно участвующий в операции помощник. Наверное, профессиональный иллюзионист мог бы ответить на этот вопрос более определенно.

Но никакой разъятой кожи, раздвинутых тканей, никаких открывшихся органов в животе — желудка, кишечника, чего-либо еще — не было и не могло быть.

Если же операция была бы, нетрудно представить, к каким драматическим последствиям она могла привести, принимая во внимание антисанитарные условия операционной. Ведь хилеры, как известно, не моют руки, не переодеваются, равно как и не готовят пациента к операции — он, как правило, располагается на столе в своей одежде, лишь слегка открыв то место, которое требуется хилеру. У виденных нами хилеров не было даже намека на какую-либо стерильность.

Возникает, конечно, резонный вопрос: являются ли хилеры мошенниками в общепринятом смысле слова? На этот вопрос трудно ответить определенно. По-видимому, большинство их не мошенники. Прежде всего потому, что они не получают от страждущих прямого гонорара. Деньги могут быть внесены на содержание церкви или баптистской общины, к которой принадлежит хилер. Далее, откуда произошла сама идея делать такие «операции»? Хилеры-христиане в качестве основы для своего врачевания, по-видимому, усвоили какие-то древние шаманские обряды, существовавшие на Филиппинах. Являясь в большинстве своем людьми верующими, они, возможно, искренне считают, что способны излечить болезнь или облегчить страдания. Сами хилеры перед операцией, да и во время ее, испытывают сильное волнение: мы отме-

чали это волнение по ярко выраженным вегетативно-сосудистым реакциям, которые трудно вызвать простым усилием воли (помните внезапно побледневшие руки хилерессы?). Не исключено, что это волнение в какой-то мере передается пациенту, складывается с его собственными чувствами и создает эффект причастности к какой-то неземной энергии.

К услугам хилеров на Филиппинах прибегают в основном беднейшие слои населения. Они вынуждены это делать, несмотря на то что в этой стране в принципе существует бесплатная медицинская помощь. Дело в том, что медицинских учреждений там настолько мало, а материальная их база настолько плоха, что квалифицированная врачебная помощь для большинства населения малодоступна.

Впрочем, в последние годы намечается подтолкнуть развитие государственного здравоохранения, так что со временем это, возможно, приведет к сокращению числа желающих обратиться к хилерам.

* *
*

Можно ли считать хилеров мошенниками? Б. Д. Савчук прав: на этот вопрос непросто ответить. Можно ли было считать мошенниками шаманов в те поры, когда на большей части территории России не было ни врачей, ни даже фельдшеров? Ведь какую-то «психотерапевтическую» помощь шаманы оказывали. К тому же некоторые из них пользовали своих пациентов травами. Думаю, были

среди них и более, и менее честные. Точно так же и хилеры: кто-то не наживается на своей хирургии, кто-то наживается. Известно ведь — об этом рассказывал и Б. Д. Савчук,— что самые знаменитые хилеры — миллионеры. Что из того, что деньги они зарабатывают на гостиничном, туристском и прочем бизнесе? Как бы то ни было, этот бизнес связан с хилерством: они пользуют богатых иностранных туристов, останавливающихся в принадлежащих хилерам гостиницах...

Словом, вряд ли стоит ломать голову над этим вопросом: мошенники ли хилеры и кто именно из них мошенник и в какой мере? Важно другое: филиппинские операции — обман. Если какие-то другие «чудеса» еще подлежат изучению, разбирательству, с хилерством все ясно. На сто процентов. Оно существует как некий этнографический штрих, как суррогат настоящей медицинской помощи, но как некоего реального явления физики и физиологии его нет.

* *
*

Филиппины — далекая, экзотическая страна. Но вот неожиданно выясняется, что и в наших краях еще не так давно делались фокусы, наподобие тех, что делают филиппинские «хирурги». Читатель В. Кирьяк прислал нам копию статьи этнографа В. Г. Богораза, опубликованную в 1931 году в сборнике «Религиозные верования народов СССР». Автор описывает, как в двадцатые годы на Чукотке он стал свидетелем операции точь-

в-точь такой же, какими ныне славятся Филиппины.

Шаманка по имени Упунге в присутствии зрителей подвергла операции своего 12-летнего сына.

«Для этой цели,— пишет В. Г. Богораз,— она его положила навзничь, обнажила ему живот, низко нагнулась к животу мальчика, потом взяла нож и, пропустив лезвие между собственных пальцев по обычному шаманскому приему, сделала длинный продольный разрез и тотчас же вставила в его концы свои толстые пальцы. Мальчик слегка простонал. Кровь хлынула в обе стороны и залила пол. Упунге нагнулась еще ниже и стала зализывать рану. Через минуту на животе мальчика не было никаких следов, кроме кровяных пятен и обычной грязи...»

Человек внимательный и серьезный, В. Г. Богораз без труда раскрыл секрет фокуса:

«Упунге во все время опыта показывала знаками, что ей очень жарко. Две дочери, еще девочки, брали из кадки с водой комочки мокрого снега и подносили ей, и она глотала их, по обычаю туземцев. В комочках была закатана свежая кровь тюленя, ибо то было время разгара тюленьей охоты. Упунге распускала снег во рту и потом низко склонившись к предполагаемой «ране», выпускала кровь на живот мальчика. Видимость раны была произведена искусным нажимом больших пальцев шаманки. Талая кровь собралась в складки живота и произвела иллюзию... Чукчи веруют в такую хирургию стойко и твердо, почти как в научную истину...»

И ныне фокусники без труда делают такие трюки. Герта Онискевич, например, вызывает из зала зрителя и сообщает, что сейчас она разрежет ему палец. Никакого удовольствия, естественно, такое сообщение у того не вызывает. Напротив, следуют замешательство и смятение. Но артистка успокаивает: ничего страшного не случится. Быстро проводит ножом по пальцу — все видят: выступает кровь. Стирает кровь ваткой — палец цел и невредим.

А. И. Китайгородский, присутствовавший на одном из выступлений фокусницы, спросил ее, может ли она полностью имитировать хилерскую операцию. Онискевич ответила, что, если потребуется, она может подготовить такой номер за три дня...

То же самое буквально сказал на одной из встреч в редакции другой иллюзионист — Амаяк Акопян:

— Если понадобится, берусь такой иллюзион подготовить за три дня.

Как усилием воли согнуть вилку

Последнюю статью о ненавидимой им «рениксе» (чепухе) Александр Исаакович Китайгородский напечатал осенью 1983 года. Я тогда попросил его съездить в подмосковный город Троицк, посмотреть на выступление уже упомянутой фокусницы из Волгограда Герты Онискевич в местном Дворце культуры. Онискевич в своей программе делает все то же самое, что делают телепаты, ясновидцы и т. д., с той разницей, однако, что не выдает это за чудеса.

Китайгородский вернулся из Троицка очень довольный. Выступление Онискевич ему понравилось.

— Вы никогда не задумывались,— говорил он возбужденно,— какая разница между чудесами и фокусами? Иллюзионисты показывают такие номера, тайну которых умнейший человек не разгадает. Я, во всяком случае, не в состоянии объяснить, как из пустого ящика фокусник вынимает метров сорок цветной ленты, пяток голубей и несколько ведер с водой. Помнится, долго ломал голову, и безуспешно, каким образом по приказанию Кио-старшего загаданная

игральная карта сама вылезает из стакана, куда помещается колода карт.

Я признался, что тоже всегда с восторгом смотрю даже на простенькие фокусы.

— Ну нет,— возразил Китайгородский,— простенькие-то мне известны. Например, как заставить веревку стать настолько жесткой, чтобы по ней можно было лезть вверх, точно по шесту. Но многие фокусы мне абсолютно непонятны. Известного американского иллюзиониста Гарри Гудини обматывали цепями, которые запирались на несколько замков, сажали в сундук, который тоже запирали несколькими замками, и бросали этот сундук в Темзу — Гудини выплывал и освобождался от цепей...

Я снова высказался в том духе, что, дескать, аттракцион Гудини — исключительный, уникальный, а для меня загадка гораздо более простые фокусы.

Китайгородский посмотрел на меня недоверчиво.

— Вот то-то и оно,— сказал он несколько раздраженно,— для зрителя чудеса, которые показывал Гудини,— не чудеса. Это фокусы. «Ловкость рук и никакого мошенства». А вот когда, скажем, Вольф Мессинг находил предмет, спрятанный в сумочке дамы, сидящей в третьем ряду партера... Причем не сам находил, а с помощью так называемого «индуктора», то есть помощника, «передающего ему мысли»... И не на расстоянии, а будучи рядышком, к тому же позволяя Мессингу брать себя за руку... Вот этот простой и давным-давно объясненный трюк средний зритель объявляет чудом.

Я сказал, что не считаю чудотворцами ни Гудини, ни Мессинга, просто у меня так устроена голова, что сам я не додумаюсь до разгадки самого элементарного трюка, даже нехитрой манипуляции с картами, которые показывает мой десятилетний сынишка, вычитавший о них в книжке «Занимательные досуги».

Китайгородский так мне и не поверил. Он продолжал с недоброжелательством рассказывать о выступлениях Мессинга («Мессинг был, несомненно, талантлив, но для завлечения зрителей он своему искусству давал магическое объяснение, да и лгал много...»), о том, как разоблачал его трюки («Мессинг предлагал завязывать ему глаза — номер получался. Я же как-то предложил завязать глаза «индуктору». Мессинг отклонил это предложение. Ему было ясно, что ничего не получится, ибо «индуктор» не будет знать, где пятый ряд, где задуманная дама...»).

О номерах же, показываемых Гертой Онискевич, он отзывался с неизменным восторгом. Причина была все та же: она не выдает фокусы за чудеса.

Артистка вызывает одного из зрителей, слегка сжимает ему руку и убеждает его, что сейчас он заговорит по-английски. И что вы думаете — тот действительно говорит, хотя совершенно не знает английского языка. Но этим дело не кончается. Онискевич предлагает этому же зрителю спеть неаполитанскую песню. По-итальянски, естественно. И тот поет...

— Как это ей удается, понятия не

имею! — восторженно восклицал Китай-городский.— После концерта Онискевич сказала мне, что это чистейший фокус. Никакой телепатической подсказки тут нет.

Еще один фокус, из тех, что интересуют нас,— видение и чтение с завязанными глазами. Онискевич владеет этим в совершенстве, но не выдает свой навык за кожное зрение.

С давних пор известен трюк, который недобросовестные фокусники особенно охотно выдают за доказательство телепатии. Помощник отправляется в зал и просит кого-либо из зрителей дать ему какой-нибудь предмет либо же сказать номер своего дома, квартиры, сколько у него детей... Артист же на сцене должен это отгадать.

Один из приемов заключается в том, что помощник подсказывает артисту ответ с помощью заранее условленного кода. Можно, допустим, спросить: «Что у меня в руке?» А можно: «Что я держу в руке?» Или: «Что у меня в левой руке?» Вместе с определенным построением фразы в качестве кода можно использовать интонацию. Слова произносятся то вопросительно, то как бы с запинкой, то с восклицательным нажимом в конце...

Старый русский невропатолог и гипнолог профессор Петр Павлович Подъяпольский, специально интересовавшийся этими материями, рассказывал, как еще в начале века разоблачал такие фокусы.

В 1911 году в Саратове в кинематографе под названием «Мурава» выступала чтица мыслей. Она стояла на сцене с завязанными

глазами, а по залу ходил ее импресарио. Зрители показывали ему различные предметы или говорили задуманные слова, которые отгадчица мыслей должна назвать. Предварительное уведомление ассистента о задуманном слове было непременным условием сеанса. Услышав слово или увидев какой-то предмет, импресарио давал задание своей партнерше.

«Его фразы не были кратки и просты,— замечает профессор П. П. Подъяпольский,— они нагружались лишними, быстро говоримыми словами: повторениями, поощрениями, частицами, междометиями. Например: «Ну, вот, ну, подумай, ты хорошенько только подумай, что это такое может быть. Что, что это такое?»

Собираясь на сеанс, профессор взял с собой два предмета. Один довольно простой — фигурку лягушки, сделанную из чугуна и окрашенную в натуральный зеленый цвет. Другой предмет — весьма мудреный: карманный спектроскоп. В подборе предметов заключался определенный умысел.

Насчет лягушки отгадчица мыслей давала ответ по частям, она словно бы размышляла вслух:

— Зубчики... Гребенка...

— Нет, нет, погоди, ты сперва хорошо подумай,— перебивал ее импресарио-ассистент.

Отгадчица, по выговору иностранка, продолжала:

— Как это... Зеленый... Frosch — лягушка.

О спектроскопе она смогла сказать толь-

ко: «Инструмент». А на вопрос «Какой?» добавила: «Оптический».

Совершенно ясно, что, если бы она действительно читала мысли зрителей, она должна была бы прочесть и слово «спектроскоп», которое в ту минуту держал в своем мозгу профессор. Однако на самом деле она лишь ловила подсказки ассистента, а поскольку тот сам не знал, как называется прибор, то и подсказать он ей ничего не мог.

Пять лет спустя в том же кинотеатре выступала другая «телепатка» — девочка по имени Люция. Ассистентом был ее отец. Обстановка во время выступлений была точно такой же, как и в предыдущем случае: отец должен был заранее знать все загадываемые слова и видеть предметы. Перед началом одного из сеансов П. П. Подъяпольский зашел к артистам и во время разговора попросил разрешения самому, без посредника, передать Люции какое-либо слово. Однако отец ловко, как бы между прочим, перевел разговор на другую тему.

В другой раз профессор предложил тем же фокусникам устроить сеанс специально для ученых у него дома, соблюдая при этом некоторые условия. В частности, предполагалось, что ассистент должен был задавать вопросы немногословно, одной и той же стереотипной фразой. Отец «телепатки» согласился на такой сеанс и тут же, во время начавшегося представления, широковещательно объявил о нем: вот, дескать, знаменитые ученые заинтересовались феноменальными способностями его дочери. Одна-

ко за час до назначенного сеанса его организаторы были уведомлены посыльным из гостиницы, что отец и дочь вынуждены были внезапно покинуть город.

Ясно было, что выдвинутые условия для них неприемлемы.

П. П. Подъяпольский приводит примеры того, как ассистент может делать подсказку «телепату». Во-первых, с использованием целых слов. Допустим, загадано слово «кошка». Ассистент может сказать: «Шаг назад — отвечай». Между ними заранее условлено, что для подсказки используется французский язык. Русское «шаг» по звучанию близко французскому «chat» — «кошка». Вот вам ответ.

Могут использоваться и части слова. Допустим, загадано слово «вода». Ассистент спрашивает: «Не Василий, не Серебряков?», имея в виду какого-то человека, известного публике. Отгадчик знает, что следует принимать во внимание начало каждого второго слова вопроса. Для подсказки на этот раз используется немецкий язык. «Василий Серебряков» означает «wasser», «вода».

Впрочем, эти примеры взяты П. П. Подъяпольским из домашних, не очень умелых фокусов. При публичных выступлениях профессионалов такие вопросы-подсказки, конечно, вызовут подозрение. Но принцип и у профессиональных фокусников тот же самый.

Наконец, применяются подсказки и по буквам. Именно такую подсказку использовал отец Люции, как позднее узнал

П. П. Подъяпольский. Такая подсказка наиболее сложна, но что же из того?

«При буквенной сигнализации требуется большой навык,— писал П. П. Подъяпольский.— Он предполагает машинальную быстроту, поражающую тех, кто без навыка. Но разве всем все доступно в одинаковой мере? Беглое чтение, для нас заурядное, чудесным кажется для неграмотного. Считка нот, артистическая игра виртуоза — удивительна для неиграющего. Профессионал — «чтец мыслей», так сказать, *грамотен* в своем деле, мы в нем *неграмотны*. Но из этого не следует делать никакого телепатического чуда».

Так что фокусники с давних пор пользуются словесными подсказками. Онискевич, однако, идет дальше. Помощник просит одного из зрителей стать «экстрасенсом». Отправляется с ним в зал и поручает записывать в блокнот любые вопросы, которые шепотом задают ему зрители. Затем помощник остается в зале, а «экстрасенс» идет на сцену, становится лицом к артистке и мысленно диктует ей записанные вопросы. Онискевич безошибочно повторяет все, что было записано.

— Понятия не имею, как в этом случае происходит передача информации,— простодушно признавался Китайгородский.

Подумав, он все же, по своему обыкновению, высказывал догадку:

— То ли у «экстрасенса» движутся мышцы лица, когда он мысленно проговаривает вопросы, то ли помощник, оставшийся в за-

ле, движениями плеч, рук сообщает артистке о содержании записей...

И еще подумав:

— Скорее всего, второе. В следующий раз надо предложить сделать этот фокус без участия помощника.

Но следующего раза не было. О своих впечатлениях от выступления Герты Онискевич Китайгородский рассказал в статье «Телепатия? Пожалуйста!», опубликованной в «Литературной газете». Это и было его последнее выступление против «рениксы». Вскоре он принес мне пухлую папку с разнообразными материалами на эту тему — вырезками из иностранных журналов, переводами, собственными набросками.

— Может, пригодится. Делайте с этим что хотите.

— А вы что же?

— Все. Баста! Надоело.

* *
*

Нередко человек, придумавший новый, «рекордный» аттракцион, который может сойти за чудо, испытывает соблазн выдать его за таковое. В общем-то сделать это нетрудно, особенно если ранее человек этот не был известен как иллюзионист.

В 70-е годы на Западе появился некто Ури Геллер, который одним лишь усилием воли, пристально посмотрев на какой-нибудь металлический предмет — допустим, вилку или ложку,— мог его согнуть или даже сломать. Телекинез в своем высшем проявлении! Что там катание пинг-понговых шариков, передвижение спичечных коробков, отклонение стрелки компаса!

Однажды Геллер даже отважился продемостририровать свое умение перед физиками в Стэнфордском научно-исследовательском институте в Англии. Геллер своим взглядом гнул ключи, усилием воли пускал остановившиеся часы, даже воспроизводил чертежи, сделанные другими людьми без свидетелей,— это уже не из области телекинеза, а скорее, из области ясновидения. Как ни странно, физики не разоблачили его. Еще более странно, что отчет об этой проверке вместе со сдержанным редакционным комментарием напечатал журнал «Нэйчур» («Природа»). Этот журнал считается одним из наиболее авторитетных и солидных научных журналов.

Нашелся, однако, профессиональный иллюзионист, который не поленился досконально изучить трюки Геллера. Американский фокусник Джеймс Рэнди потратил два года на это. В итоге появилась его книга «Магия Ури Геллера». В ней Рэнди не оставляет камня на камне от телекинетических способностей «субъекта» своего исследования, раскрывает механику его фокусов.

Не удовольствовавшись этим, Рэнди подослал двух своих учеников-фокусников под видом экстрасенсов в одну из парапсихологических лабораторий. Фокусники поразили там всех своими «способностями» — читали запечатанные письма, двигали столы, гнули ложки... Четыре года «чемпионы парапсихологии» дурачили ее приверженцев. Можно представить, какой был скандал, когда на пресс-конференции, специально созванной, чтобы продемонстрировать честнóй

публике их необычайные способности, они признались, что все, делаемое ими,— фокусы.

Между прочим, в своей книге Рэнди пишет и о проверке, которая проводилась физиками, показывает, что делалась она весьма неквалифицированно и небрежно. Считается, что уж кто-кто, а ученые способны разоблачить любого трюкача. На самом деле, пишет Рэнди, «служителей науки» с их «прямолинейным мышлением» одурачить совсем нетрудно. «В таких случаях надо приглашать опытного иллюзиониста,— говорится в книге.— Но не любого, а именно такого, специальностью которого является данная группа трюков».

Впрочем, на первый случай, я думаю, сгодится любой фокусник. Так что, если вас приглашают в какую-нибудь компанию, где будут показывать чудеса парапсихологии, постарайтесь взять с собой знакомого иллюзиониста, если есть у вас такой, хотя бы любителя (сейчас ведь открыты самодеятельные клубы). И обратно: не верьте рассказам об этих чудесах, если при показе их не присутствовал специалист по фокусам.

* *
*

Казалось бы, разоблачения, подобного книге Рэнди, довольно, чтобы Геллера вместе с его ложками и вилками сдуло со сцены и больше он никогда на ней не появлялся. Однако в том и особенность парапсихологии и прочих магических наук, что разоблачения скатываются с них, как с гуся вода.

Уже значительно позднее, в 1983 году, в Базеле состоялся «Первый международный съезд по междисциплинарному обсуждению пограничных проблем науки» (так туманно была названа парапсихология). Имя Геллера фигурировало на этом съезде как имя классика, учителя, гуру́. У него появилось множество учеников. В выступлениях ораторов говорилось то об одном, то о другом. Правда, никто из них не показал своих способностей. Один ссылался на чрезмерную концентрацию отрицательных флюидов в зале, другой вообще не явился на съезд... Тем не менее никто ни на секунду не усомнился в существовании этих способностей.

Закончился этот шабаш «праздником металлогнутия», в котором приняли участие несколько сот человек. Режиссер этой вакханалии обратился к толпе с речью:

— Сердечно приветствую всех, кто хочет принять участие в первом и широчайшем торжестве металлогнутия. Для этого необходим соответствующий настрой чувств, и мы обязаны этого настроя достичь. Все участники нашего празднества должны на минуту закрыть глаза и представить себе, какова на ощупь вилка... Представьте себе, что вам ничего не стоит согнуть эту вилку...

Далее последовали уже более конкретные инструкции:

— Теперь пусть каждый возьмет в руки свой столовый прибор и прогуляется с ним по залу. Все приветствуют друг друга и обмениваются друг с другом ложками и вилками.

«Глядя на всех этих господ, поглаживаю-

щих свои вилки и ложки,— писал корреспондент западногерманской газеты «Вельтвохе», — я временами переставал понимать, где я нахожусь — то ли в каком-нибудь центре групповой психотерапии, то ли в шоковом отделении сумасшедшего дома».

Через полчаса одна из дам взвизгнула и высоко подняла руку с согнутой ложкой.

— Что вы при этом почувствовали? — немедленно подскочил к ней режиссер.

— Ложка вдруг сделалась совсем теплой!

Это вызвало у всех новый прилив вдохновения.

— Трите, трите, не останавливаясь! — неистовствовал режиссер.— Продолжайте тереть. Чем сильнее будете тереть, тем лучше.

И снова раздался чей-то визг.

— Пусть энергия свободно перетекает через наше тело в наши руки, ладони, в наши вилки и ложки. Сосредоточим все внимание на наших руках и хором воскликнем: «Гнем! Гнем! Гнем!»

«То, над чем мы здесь трудимся сегодня, завтра может стать всеобщей религией!» — сказал на заключительном заседании съезда один из «парапрофессоров».

«Что ж, если так,— гнем, гнем, гнем!..» — усмехнулся по этому поводу упомянутый выше западногерманский журналист.

Через годы, через расстоянья...

Эдуард Эммануилович Годик рассказывал мне, что, среди прочего, они в своей лаборатории установили возможность ясновидения. Я выразил опасение, как бы чудоискатели не восприняли эти слова буквально. Известно ведь, что они понимают под ясновидением.

— Ну в терминологии чудоискателей я не силен! — засмеялся Годик.— Мы в это понятие вкладываем совсем иной смысл — «тепловое проектирование». В конверт вкладывают карту Зенера и прикладывают этот конверт ко лбу. В принципе кожа лба может ощутить разницу в отводе тепла просто через бумагу и через участки, на которых нанесены контуры изображения. Стало быть, человек может различить, какая фигура в конверте. «Увидеть».

Польский еженедельник «Литература» напечатал как-то выдержки из дневника «ясновидца» Чеслава Климушко:

«Примерно пятнадцать лет назад в Волуве, в Нижней Силезии, был ограблен Национальный польский банк на сумму двенадцать миллионов злотых. Меня просили дать освещение этому делу. Так как в эфире или

в зоне над землей кружили напряженные мысли грабителей, то я схватил их, по крайней мере в общих чертах. Мое видение разделилось на два города, названия которых начинались на «В» — Волув и Валбжих. Я подчеркнул, что воры могут находиться только в этих двух городах. При этом я заявил, что у одного из них какая-то мастерская, так как я вижу его в небольшом цехе, среди железных деталей и машин. Позднее оказалось, что действительно один из воров был владельцем слесарной мастерской. Оказалось также, что все грабители были из Волува.

...В первой половине марта 1966 года ко мне явилась некая Леокадия по поводу своей сестры Елены Матущак. 22 февраля, вечером, Елена простилась с детьми, ушла из дома, и всякий след ее исчез. Я попросил показать любую фотокарточку пропавшей женщины. Взглянув на снимок, я ясно увидел исчезнувшую в воде какого-то озера возле самого берега. Перед моими глазами ясно встал также этот пейзаж со всеми подробностями. Я набросал эскиз и показал сестре место в озере, где должен был находиться труп женщины. Он не мог всплыть на поверхность, так как зацепился под водой за какую-то корягу. Я ясно это видел.

Месяцев через десять я получил письмо от сестры исчезнувшей:

«...Все обстояло так, как вы мне сказали. Тело моей сестры, зацепившееся свитером за камыш, обнаружено случайно первого мая в озере, на расстоянии пяти метров от берега, в месте, где была прорубь...»

...Это было в Люцерне, в Швейцарии. Заместитель директора одного из учреждений исчез во время своего отпуска. Предполагалось, что он трагически погиб, упав в пропасть в Альпах. Все поиски были безрезультатными. Я предложил свою помощь. Посмотрев на фотографию, я показал на карте место его нахождения. Теперь он находится, сказал я, в юго-западной Австрии у некой вдовы и, по-видимому, по каким-то соображениям не намерен вернуться в Швейцарию. Оказалось, что мое предположение правильно».

Согласитесь, эти пророчества мало напоминают угадывание карт Зенера, запечатанных в конверте.

Могут ли служить такие дневниковые записи каким-либо доказательством существования ясновидения? Вряд ли. Первое, что приходит на ум: все описанные случаи могли бы быть запротоколированы милицией. Будь опубликован хотя бы такой протокол — это уже документ. Но публикуются почему-то странички из дневника. Станет ли человек, для которого дорога репутация ясновидца, писать о своих неудачах?

Но даже если доля правды в этих записях есть... Скажите, где, скорее всего, могут находиться грабители, ограбившие банк в Волуве? Да, конечно, в Волуве. Много ли тут требуется воображения? Либо же в расположенном неподалеку Валбжихе.

А где может быть молодая женщина, по-видимому решившая покончить с собой? Наверное, в озере. А почему труп не всплывает? Ясно — зацепился за что-то.

Кстати, непонятно, почему утопленницу так долго не могли разыскать, если ясновидец столь точно описал ее местонахождение.

Если в первых двух случаях к помощи Климушко обращались, в третьем он сам предложил свои услуги. Что же подтолкнуло его? Может быть, он заранее собрал сведения об исчезнувшем — о его привычках, знакомствах, маршрутах поездок — и был уверен в успехе?

Нет, все эти ясновидческие подвиги ни в чем не убеждают.

«Круглый стол»

Когда я писал о работах ИРЭ — Института радиотехники и электроники,— касающихся экстрасенсов, мне самому было все ясно: на тепловое излучение руки экстрасенса более заметно откликаются на теле больного зоны Захарьина — Геда, связанные с больным органом. Это позволяет ставить диагноз или хотя бы служит основой для него. Кроме того, воздействие тепла руки на кожную зону передается соответствующему органу. Тут уж рождается предположение: что, если такое воздействие может быть благотворным, лечебным? Две стороны — диагностика и лечение — обретают материальную основу. Остается все досконально проверить и доказать.

Письма читателей, однако, говорили: не всем все ясно. Некоторые не понимают, что такое зоны Захарьина — Геда, как это, водя рукой под лопаткой, можно воздействовать на печень. Основное же недовольство проистекало оттого, что слишком просто все оказалось. Никакого чуда. Недовольные подвергали сомнению достоверность результатов и ставили вопрос так: почему вообще о диагностике и лечении говорят физики?

Мы решили собрать в редакции ученых разных специальностей, организовать «круглый стол». (Не знаю уж, почему он так называется и кто первым придумал такое название. У нас в редакции ни одного круглого стола нет, хотя «круглые столы» проводятся, считай, всякую неделю. Надо полагать, «круглый» означает, что все участники находятся в равном положении, ни один не сидит на неудобном углу или на отдаленном торце.)

Вместе с Эдуардом Эммануиловичем Годиком мы стали перебирать, кого пригласить на «круглый стол». Критерии отбора были такие. Во-первых, надо, чтобы это был достаточно известный ученый (читатели любят известных). Во-вторых, естественно, чтобы интересовался проблемой. Ну и, в-третьих, чтобы знал о ней не понаслышке — чтобы были из числа побывавших в лаборатории Э. Э. Година, своими глазами увидевших приборы, эксперименты (надо сказать, много ученого народа у него побывало). Впрочем, это третье условие было не обязательным, хотя и желательным.

Хлопотное это дело — собирать редакционный «круглый стол». Читатель раскрывает утром газету, пробегает глазами публикацию и ни единым помыслом не догадывается, каких она стоила трудов. Чтобы собрать в редакции человек десять, надо обзвонить пятьдесят — шестьдесят. Один в командировке, другой в отпуске, третий собирается в командировку или в отпуск, четвертого тема, оказывается, не интересует, хотя мы-то считали наоборот, потому

и решили позвонить, пятый полагает, что ему не следует участвовать в обсуждении, поскольку он не специалист — коллеги могут счесть это легкомыслием, шестой — и таких много — шарахается от самого слова «экстрасенсы», хотя прямо и не говорит этого (то, что в данном случае речь идет о работах академического института, дела не меняет)... Приглашаемые из других городов, понятное дело, взвешивают, а стоит ли предпринимать дальний вояж, и чаще всего отказываются.

Многие излагают свою позицию уже в ходе этих пригласительных разговоров, так что при желании стенограмму «круглого стола» можно было бы слепить, даже не собирая самого «стола».

Позвонил в Киев Николаю Михайловичу Амосову. Отказывается:

— Нет, Олег Павлович, я в эти игры не играю. Не думаю, что в этом что-то есть заслуживающее внимания. Некоторое время назад мы в своем институте проверяли одну тетку, которая называла себя экстрасенсом и говорила, что умеет лечить. И что же? Ничего она, конечно, не умеет, как и следовало ожидать. Ничего она не умеет.

Я возражаю, что вряд ли у него в институте есть такая аппаратура, какая имеется в ИРЭ. Николай Михайлович соглашается со мной: такой аппаратуры нет.

— Я, конечно, верю физикам,— добавляет он,— что организм может испускать всевозможные тончайшие излучения, что они регистрируемы и что кто-то может их воспринимать. Но чтобы они оказывали та-

кое потрясающее лечебное воздействие,— вот в это я уже нацело не верю! То, что экстрасенсы прогревают органы, ничего не значит. Органы легко прогреть обыкновенной физиотерапией, и от этого никаких колоссальных сдвигов не получается. Для прогревания экстрасенсорные феномены не нужны.

Снова пытаюсь возражать: а как же иглоукалывание, электропунктура, вообще рефлексотерапия? Тоже ведь тонкие воздействия. Но Николай Михайлович решительно отвергает возражения: он, конечно, не специалист, но разговоры со специалистами все больше приводят его к заключению — иглоукалывание помогает лишь «психопатам», значение его преувеличено.

Может быть, ошибаюсь, но хирургов сама их специальность побуждает без доверия относиться к различным тонким воздействиям на организм. Вот скальпель — это да! Отсечь — и вся недолга! Весомо, грубо, зримо. Даже у такого тончайшего человека, как Амосов, это слышится в разговоре. Что же говорить о менее тонких? Впрочем, повторяю, может быть, я ошибаюсь.

Михаил Владимирович Волькенштейн — давний стойкий борец против лженауки. Тоже наш старый автор, как и А. И. Китайгородский. Авторитетный специалист и в своей области — биофизике — и вместе с тем человек широких взглядов. На «круглом столе» быть не сможет — уезжает в отпуск в Пицунду.

До некоторых — особенно академиков, людей важных,— просто трудно дозвонить-

ся. Александра Александровича Баева пришлось разыскивать в треугольнике: институт — президиум академии (он академик-секретарь одного из отделений) — дом. В институте секретарша неизменно отвечала, что Александр Александрович — в академии, а секретарша академическая — что в институте. Дома супруга первым делом задавала вопрос: «А кто его спрашивает?» — и, узнав кто, говорила облегченно-радостно:

— Его нет. Его, конечно, нет.

Наконец одна из секретарш сжалилась и соединила с академиком.

— Да-да, я знаю об этих работах,— Александр Александрович говорил как-то растерянно.— Там еще много неясного... Но не знаю, смогу ли я приехать. Когда вы предполагаете провести обсуждение? Кажется, у меня какое-то заседание...

В назначенный срок он так и не приехал.

В институте у Олега Георгиевича Газенко порядок: с прессой разговаривает не он сам, а его помощник. Впрочем, помощник оказался весьма любезным человеком и, как мог, склонял академика к участию в «круглом столе», но тот легко от него отбился: предстояла поездка во Львов на съезд физиологов, а после еще куда-то.

Евгению Ивановичу Чазову я передал приглашение и вопросы, предназначавшиеся к обсуждению, через одну из сотрудниц Кардиоцентра, который Чазов, как известно, возглавлял. Эта сотрудница, психотерапевт по специальности, кандидат наук, пришла ко мне по чьей-то рекомендации, попросила дать задание: она-де хочет попробовать

себя в журналистике. Я и дал: если академик не сможет прибыть на обсуждение, можно просто проинтервьюировать его, чтобы потом включить заполученный текст в стенограмму. Она согласилась охотно, но, как выяснилось потом,— легкомысленно: ее даже не пустили пред очи начальства.

Аркадия Бенедиктовича Мигдала,— хотя он тоже физик, а не медик и не биолог,— мы решили пригласить, поскольку он интересуется экстрасенсами, много писал об этом. Мы с ним мило поговорили, он тоже высказал свою точку зрения, сугубо положительную, о работах ИРЭ. Однако, узнав, что я собираюсь включить в стенограмму также мнение Волькенштейна, забеспокоился: Михаилу Владимировичу хорошо бы сначала побывать в лаборатории Годика, чтобы, критикуя эти работы, не оказаться в смешном положении (Волькенштейн же высказывал по поводу Мигдала беспокойство другого рода: он иногда бывает слишком доверчив). Мигдал согласился принять участие в «круглом столе», но попросил позвонить ему еще раз накануне. Когда я позвонил второй раз, выяснилось, что настроение у академика резко переменилось, он стал говорить, что вряд ли стоит ему участвовать в обсуждении, что он и так уже «в каждой бочке затычка» (накануне по телевизору прошла передача «Кинопанорама» с участием Мигдала — ее вел писатель Нагибин,— и кто-то из друзей, видимо, попенял физику, что он превращается в телезвезду). Я уговаривал его, и он, по складу характера вероятно, будучи не

в силах совсем отказаться, пообещал все-таки приехать, хотя, быть может, с опозданием: он в этот день будет в институте в Черноголовке. Но не приехал. А вскоре улетел в отпуск — тоже в Пицунду, так что и отдельное интервью я у него взять не смог.

С Костюком Платоном Григорьевичем, киевлянином, директором тамошнего Института физиологии мы месяца полтора терпеливо переговаривались по телефону. Я терпеливо его спрашивал, прочел ли он материалы, касающиеся работ ИРЭ, которые я ему послал, и может ли ответить на вопросы, которые в связи с этими работами письменно задал. Платон же Григорьевич терпеливо отвечал, что еще не прочел — времени не было,— но завтра едет во Львов (на тот же самый съезд физиологов, что и Газенко) и уж в поезде прочтет непременно. При следующем звонке выяснялось, что во львовском поезде он занимался более срочными делами, но послезавтра он едет в Москву... В Москве Костюк бывает по средам. Накануне я звонил в академическое отделение секретарше, и та мне советовала позвонить академику в среду после двух. В урочный час я снова набирал номер отделения.

— Он уехал в Киев,— отвечала секретарша.

— Как в Киев? Он же по средам в Москве.

— С утра был...

Еще один адрес междугородных переговоров — Ленинград. Физики очень просили пригласить Наталью Петровну Бехтереву. В ту пору она хворала, но к назначенному

сроку обещала выздороветь. Предмет разговора ее в общем-то интересовал. Долго расспрашивала меня, как в Москве проехать в редакцию от гостиницы Академии наук. Как и Мигдал, просила еще раз позвонить накануне и при этом втором звонке подтвердила через секретаря (у нее шло какое-то совещание), что приедет. Но — не приехала. Грешным делом, я подумал: понедельник, дождь... Но при встрече Наталья Петровна усмехнулась: «Неужели вы думаете, что я не приехала из-за дождя?»

Читатель, утомленный этим рассказом, может подумать: наверное, этот случай — исключение, другие «круглые столы» собираются легче. Какие-то легче, а какие-то тяжелее. В среднем же — все примерно так. Хлопотное дело.

Это я рассказал лишь о переговорах с академиками. А еще ведь были — в удвоенном и утроенном числе — с учеными более низких ступеней научной иерархии.

Охотнее всего откликнулся на приглашение Николай Николаевич Блохин, президент медицинской академии. Приехать, правда, тоже не смог: в день «круглого стола» он как раз вернулся из Юрмалы, где председательствовал на встрече советской и американской общественности, посвященной борьбе за мир. Но обещал изложить свое мнение на бумаге, что и сделал довольно быстро.

В этот же день должен был появиться у себя в кабинете председатель ученого медицинского совета Минздрава Олег Константинович Гаврилов. До того он недели

две находился в отъезде. Его присутствие было важным: в сущности, физики проделали ту часть работы, которую они могли сделать без медиков; далее требовалось тесное сотрудничество с медиками. И вот я с утра сажусь за телефон, беспрерывно набираю номер Гаврилова. Не отвечает. Начинаю волноваться: времени остается все меньше. Звоню министру Сергею Петровичу Буренкову — он на приеме в каком-то посольстве. Передаю телефонограмму: во столько-то состоится «круглый стол» по такой-то теме, просим прислать представителя министерства, желательно — академика Гаврилова. Все, звонки окончены. Можно не сомневаться, что Гаврилов приедет: министр внимательно относится к прессе.

* *
*

Итак, «круглый стол». Яркий свет юпитеров. Кабели, вьющиеся по полу, точно змеи. К нашей затее подключилось телевидение, программа «Очевидное — невероятное». Как полагается, разговор начинает Сергей Петрович Капица:

— Мне кажется, та волна интереса к экстрасенсам, которую мы сегодня наблюдаем, есть свидетельство некоего духовного кризиса, переживаемого нами. Такое в истории случается не впервые. Вспомним хотя бы середину девятнадцатого века, когда расцвел спиритизм. Или вторую половину века восемнадцатого, когда приобрел популярность «животный магнетизм» Месмера... Или, погружаясь в глубь истории, вспомним начало семнадцатого столетия, когда

в Центральной Европе были сожжены несколько десятков тысяч тогдашних Джун (их называли ведьмами). Это был период Тридцатилетней войны, Реформации — очень сложный период в истории человечества. Каждый раз, когда мы переживаем такие кризисные эпохи, совершенно точным их симптомом является увеличение интереса к подобной мистике. И каждый раз этот интерес проявляется в обличии своего времени. Когда в семнадцатом веке открыли магнитные явления,— возникли и разговоры о «животном магнетизме». Спириты в девятнадцатом веке пользовались понятием «эфир»: это было самое модное понятие и в науке. Сегодня самое модное научное понятие — «поле», поэтому мы слышим разговоры о «биополях». Это надо ясно видеть. Человеческая природа устроена достаточно стабильно, она мало изменилась, несмотря на весь научно-технический прогресс.

Такова точка зрения С. П. Капицы.

Действительно ли кризис? Что за кризис? Интерес к экстрасенсам и прочим подобным феноменам, по-моему, постоянный, он не исчезает. Взять телепатию. Любопытство к ней сохраняется примерно на одном и том же уровне с начала века до наших дней — это легко проследить по публикациям (исключение составляют годы войны, послевоенного неустройства, когда было просто не до того).

Кризис — это что-то глубинное. Землетрясение, столкновение великих духовных сил. Экстрасенсы — поверхностное, хотя и цепкое, упрямо держащееся на гребне волны.

И потом — как сравнивать средневековую веру в колдунов и ведьм с нынешними парапсихологическими хороводами? Другой век, другая эпоха.

Впрочем, мы в редакции собрались не для общих разговоров — довольно их уже было,— а для обсуждения конкретной работы — той, что ведется в ИРЭ.

— Особенность сегодняшнего момента,— говорю я,— мне кажется в том, что благодаря работам физиков, может быть, впервые появилась возможность при помощи строгих научных методов потянуть за ниточку и окончательно распутать клубок, прояснить то, что было еще не совсем ясно. Наука, строгая наука, не чураясь материй, которые уже скомпрометировали себя в глазах ученых, занялась ими и дает нам информацию, на которую можно стать, как на твердую почву. Это твердая опора в болоте, которое не просыхает уже много лет.

Разговор поворачивается в конкретное русло.

О работах физиков рассказывают Юрий Васильевич Гуляев, организатор и вдохновитель этих работ:

— Интерес к так называемым экстрасенсам, которые якобы могут лечить какими-то способами, не входящими в арсенал современной научной медицины, периодически то ослабевает, то возникает. Но, согласитесь, все-таки не дело, когда существует общественный интерес, высказываются разные суждения, а наука этим не занимается. Вот нас и попросили разобраться, есть ли какие-то отличия между физическими полями, которые

создаются обычными людьми, и теми, кто считается экстрасенсами...

Почему выбор пал именно на этот институт? В Академии наук ИРЭ — головное учреждение по исследованию слабых сигналов (а физические поля человека, животных, понятное дело, очень слабы).

Хотя основной толчок к началу работ дали экстрасенсы, не они определили главное их содержание. И Гуляев, и Годик не устают повторять, что экстрасенсы занимают лишь незначительную долю их внимания — наверное, менее одного процента. Почему так? Если все ориентировать на феномен экстрасенсов, а после выяснится, что никакого феномена нет,— силы, средства окажутся потраченными впустую. Потому основным содержанием работ стало исследование физических полей обычных людей, животных... И — поиск применения получаемых результатов.

— Что это за поля? — уточняю я.

— Электромагнитные излучения разных диапазонов, электрическое поле, магнитное... — перечисляет Гуляев.— Акустические излучения... Проще говоря, разнообразные звуки, исходящие от организма. И наконец, химические выделения. Их условно можно назвать химическим полем.

— То есть в общем-то все известные поля?

— Ну конечно, известные,— отвечает Гуляев, словно бы раздосадованный моей непонятливостью.— Конечно, известные.

Дело не в непонятливости. Очень важно без устали повторять, о чем идет речь. О слабых физических полях, существующих вок-

руг всякого живого организма и не представляющих ничего таинственного. Дело в том, что здесь то и дело случается подтасовка. По незнанию ли, по недоброму умыслу без конца толкуют про биополе — загадочное, неуловимое, не постигнутое наукой и непостижимое для нее.

— Итак,— продолжает Юрий Васильевич Гуляев,— в одной из наших лабораторий был создан измерительно-вычислительный комплекс, основанный, естественно, на широком применении вычислительной техники и самых чувствительных, какие только известны сегодня в мире, датчиков, регистрирующих все эти поля и излучения...

Что же выяснилось? Выяснилось, что вот эти слабые излучения, на которые прежде не обращали внимания, несут немалую информацию о различных органах. Пользуясь ею, можно судить, как себя чувствует орган, «здоров» ли он, бóлен ли. Благодаря работам ИРЭ открылось широкое поле для создания новой диагностической аппаратуры, новых методов диагностики.

Теперь что касается экстрасенсов.

— В общем больших различий между обычными людьми и экстрасенсами мы не нашли,— говорит Гуляев.— Скажем, Давиташвили обладает способностью изменять температуру кистей своих рук в пределах нескольких градусов. Но этого, как известно, может добиться любой человек с помощью аутотренинга. У нас в лаборатории многие сотрудники этому научились, хотя и в меньших пределах. Несколько отличается у разных людей и чувствительность к излучениям.

По-видимому, благодаря тренировке Давиташвили лучше чувствует, например, более теплые участки тела...

— Вы только ее изучали из числа экстрасенсов? — интересуюсь я.

— Нет, не только,— отвечает Гуляев,— также ряд других — тех, кто сам себя считает экстрасенсом или кто был нам рекомендован. Соглашались на это дело, надо сказать, немногие.

— Точнее, мы соглашаемся работать с немногими,— смеется Годик.

Гуляев поясняет:

— Большинство этих людей, как говорится, не совсем адекватного поведения. Едва только с ними начинаешь беседовать, они принимаются нести такую чушь...

— Как высшее достоинство мы рассматриваем молчаливость,— добавляет Годик.

— Сколько все-таки человек вы обследовали из тех, кто считается экстрасенсами? — продолжаю я допытываться.

— Думаю, человек десять,— после некоторой заминки отвечает Гуляев.

Забегая несколько вперед, скажу, что, когда я показал стенограмму «круглого стола» Николаю Николаевичу Блохину, эта часть разговора вызвала у него такой комментарий:

«Часто говорят, что медицина не относится к точным наукам, но если на вопрос о количестве изучавшихся «экстрасенсов» ответ академика Ю. В. Гуляева был: «Думаю, человек десять», то даже мне, медику, хотелось бы иметь более точные сведения на этот счет, тем более что в большинстве публика-

ций речь идет преимущественно об одном «экстрасенсе», которая «принимала активное участие» в этих наблюдениях в должности старшего научного сотрудника академического института (не имея высшего образования)».

В общем-то число обследованных экстрасенсов не так уж важно. Физики, мы знаем, не ставили перед собой такую задачу — специально изучать людей с особыми способностями. Но и тех сравнений, которые они провели, оказалось достаточно для вывода: да, некоторая, небольшая разница в силе излучений, прежде всего теплового излучения, а также в чувствительности к ним имеется у разных людей, но что из этого следует — вот вопрос.

Что касается Давиташвили, о которой преимущественно шла речь в публикациях, тут дело вот в чем. Одно время в газетах и журналах стали вдруг появляться рассказы и стихи Давиташвили, причем автор неизменно представлялся как старший научный сотрудник Академии наук СССР. Расчет был простой — ошарашить читателя. До той поры о Давиташвили было известно, что она то ли официантка, то ли массажистка — и вдруг на тебе. Мы направили запрос в Управление кадров академии — действительно ли Давиташвили — старший научный сотрудник. В ответе начальника управления Г. А. Цыпкина говорилось:

«...Госкомитет по науке и технике и президиум АН СССР поручили Институту радиотехники и электроники АН СССР в качестве головной организации выполнение програм-

мы работ по исследованию физических полей биологических объектов с целью создания принципиально новых методов медицинской диагностики. В частности, ИРЭ АН СССР было поручено провести исследование возможных особенностей физических полей Е. Ю. Давиташвили. С этой целью, в соответствии с разрешением президиума АН СССР... она была зачислена в штат ИРЭ АН СССР в качестве старшего научного сотрудника без ученой степени с окладом 170 рублей в месяц».

Туман рассеялся. Старший научный сотрудник оказалась обыкновенной испытуемой. Высокая академическая должность — далеко не все настоящие научные работники до такой дослуживаются — была ей предоставлена в качестве компенсации за труды.

Впрочем, на следующий наш запрос, в котором мы просили рассказать о научной работе Давиташвили, пришел ответ, что она в академии уже не работает...

* *
*

...Но это так — к слову сказать. Разговор в редакции продолжается. Физики выяснили, что некоторые отличия в излучении и чувствительности у разных людей есть. Но имеют ли они значение для диагностики и лечения?

— Мы, как физики, ничего об этом сказать не можем,— говорит Юрий Васильевич Гуляев.— Это уже задача медиков. Главное сейчас — провести серьезные клинические испытания и выяснить две вещи: во-первых, есть ли вообще лечебный эффект при воздействии излучением рук и, во-вторых,

сказываются ли как-нибудь установленные нами различия в интенсивности излучения и чувствительности у разных людей.

Ясное дело: физики — это физики, медики — это медики, всяк старается держаться границ отведенной ему территории. Нам же не с руки останавливаться на этой точке, хочется продвинуться дальше.

Несколько слов желает добавить к сказанному Эдуард Эммануилович Годик:

— Чтобы ответить на вопрос, могут ли люди взаимодействовать между собой при посредстве своих физических полей, мы измерили чувствительность кожи к инфракрасному тепловому и радиотепловому излучению, электрическим и магнитным полям. Оказалось, что она обладает высокой чувствительностью к тепловому излучению. Например, для ее физиологического отклика достаточно инфракрасного теплового излучения пальца, находящегося на расстоянии несколько сантиметров от кожи. Что касается магнитного и радиотеплового излучения, то здесь уровень сигналов, посылаемых человеком, во много десятков раз ниже, чем порог чувствительности кожи. Отсюда вывод: взаимодействие между людьми возможно лишь при посредстве инфракрасного теплового излучения и еще, пожалуй, при посредстве электрического поля. Вполне возможно также использование комбинации этих двух полей, а также изменения влажности...

Важное добавление. Отныне экспериментально установленной истиной признается: человек может воздействовать на другого

человека лишь с помощью двух видов излучений — теплового и электрического. И еще — через изменение влажности окружающего воздуха. Остальные излучения — магнитное, радиотепловое (идущее изнутри тела), акустическое — слишком слабы.

Многие из нас видели, как человек, именующий себя экстрасенсом и утверждающий, что он может ставить диагноз и лечить,— как этот человек обращается со своим пациентом. Он ведет рукой вдоль тела пациента и говорит: «Вот здесь я чувствую...» Дальше может следовать объяснение, что он чувствует — тепло, холод, покалывание,— может также следовать истолкование этого ощущения, своего рода диагноз — поражена печень, почки, легкие,— а может ничего этого не быть. Затем экстрасенс производит рукой некие манипуляции возле отмеченного места, после чего пациент нередко говорит, что ему полегчало.

— Есть ли у вас какая-либо версия,— обращаюсь я к физикам,— что все это может означать — с точки зрения физики?

Собственно говоря, версию физиков я уже выяснил во время первой беседы с Годиком, но, как уже говорил, не для всех читателей все оказалось ясно.

Отвечает Эдуард Эммануилович Годик:

— Как можно себе представить структуру этого феномена? Если рука идет вдоль спины человека и он совершенно здоров, то за счет тепла, посылаемого рукой, спина нагревается равномерно — на десятые доли градуса. Но мы заметили, что в некоторых случаях какая-то область ведет себя не так, как

другие,— нагревается значительно сильнее или слабее их. Еще мы заметили, что вот так необычно, или, как говорят, аномально, откликаются на тепловой поток так называемые зоны Захарьина — Геда. Например, если у человека больна печень, то во время движения руки у него преимущественно нагревается область под правой лопаткой — зона Захарьина — Геда печени.

— А что происходит в это время с самой печенью?

— Она тоже начинает греться — с опозданием не более минуты. Это фиксируется по усилению ее радиотеплового излучения. Далее. Рука чувствует этот температурный контраст, задерживается возле этого участка кожи, в результате воздействие на больной орган усиливается. Так что сейчас мы можем представить этот феномен как бесконтактный массаж с обратной связью.

Хочу подчеркнуть,— добавляет Годик,— что это всего лишь гипотеза, но не объяснение. Серьезное обсуждение различных механизмов взаимодействия возможно лишь на основе квалифицированных клинических испытаний.

Но вот вопрос: достаточно ли разогреть какой-то орган, чтобы оказать на него целительное воздействие?

Тут Юрий Васильевич Гуляев говорит еще одну очень важную вещь:

— Думаю, разогрев — это не причина, а следствие физиологической активации органа.

Многие считают, что речь все время идет о простом нагреве органа теплом, подводи-

мым извне, тогда как на самом деле — о включении каких-то его собственных механизмов. Это включение и приводит к нагреву.

Теперь — о возможности целительного воздействия.

— Для нас тот факт, что орган нагревается,— говорит Годик,— означает только, что он «замечает» воздействие. Что касается того, может ли этот эффект быть лечебным или нет,— тут, как уже говорилось, свое слово должны сказать медики. Мы их давно уже просим поставить аккуратный клинический эксперимент.

Зал заседаний редколлегии, где происходит «круглый стол», невелик. В комнате душно и жарко, хотя работает кондиционер. Телевизионные юпитеры, кажется, раскаляют воздух добела.

— Эдуард Эммануилович,— спрашивает кто-то, указывая на осветительные приборы,— в таком случае светового потока, которому мы сейчас подвергаемся, должно нам хватить на тысячу лет для лечения от всех недугов?

— Вы очень хороший вопрос задали,— подхватывает Годик.— Нам часто говорят: «Чего вы хлопочете? Нагрейте орган рефлектором, как это делают в обычной физиотерапии,— и вся недолга». Так вот, оказывается, удивительная вещь: человеческий организм, будучи саморегулирующейся системой, отвечает положительной обратной связью именно на слабые сигналы и отрицательной — на сильные. Отклик организма на слабое тепло коренным образом отличается от отклика на сильное. Обычная физио-

терапия, как правило, использует тепловые потоки, в тысячи раз превышающие порог чувствительности рецепторов. Рецепторы, можно сказать, «кричат» при этом, заставляя нашу систему терморегуляции бороться с внедрением тепла извне. А слабые сигналы воспринимаются как активирующие.

* *
*

В письмах читателей, откликнувшихся на публикацию беседы с Годиком, были упреки: дескать, физики вторглись не в свою область; человеческий организм — не их сфера. Важный момент — как оценивают их работы физиологи — нет ли тут действительно дилетантизма и профанации?

— То, что сделали наши коллеги-физики,— говорит Александр Моисеевич Вейн,— мне кажется, может стать серьезной...— он подыскивает подходящее слово,— ну не эпохой, но серьезным событием в медицине — как в деле диагностики, так и в поисках путей лечения. Однако здесь нужен очень строгий, очень серьезный подход. Я бы даже сказал, что наши медицинские учреждения сейчас не готовы к интеллигентному решению вопроса о наличии или отсутствии лечебного эффекта, который физики перед нами ставят.

Мнение другого участвующего в разговоре физиолога, Григория Ивановича Косицкого, еще более восторженное:

— Я был в лаборатории Годика, провел там несколько часов и ушел оттуда в восторге. Ибо я увидел, как физика при помощи

тончайших методов вторглась в мир живого и дает объективную информацию, значение которой бесценно. И здесь перед биологией и медициной открываются широкие перспективы. Перед медициной — прежде всего в диагностике. Появляется возможность при помощи датчиков-преобразователей увидеть то, что недоступно для других методов. Ни электрокардиография, ни даже компьютерная томография не могут сравниться с этим, потому что тут улавливаются удивительно тонкие сдвиги в организме. Это гигантский прорыв в новую область.

И Вейна, и Косицкого уговорил посетить лабораторию Годика я — незадолго перед «круглым столом». Все-таки лучше, если люди своими глазами увидят то, о чем предстоит разговор. Кого мне не удалось уговорить, так это Николая Николаевича Блохина. Он все время упирал на то, что его визит в лабораторию непременно будет использован экстрасенсами, которые и без того осаждают его. Ссылался на случай с Б. В. Петровским в бытность того министром здравоохранения: Петровский поддался на уговоры, посетил какого-то экстрасенса, и это мгновенно стало всем известно и было истолковано как шаг к признанию экстрасенсов.

— Но ведь это же не какая-нибудь «лавочка» — академический институт,— возражал я.

Уговоры были напрасны. В письме, которое представил Н. Н. Блохин в редакцию, к соответствующему месту стенограммы дан такой комментарий:

«Мне непонятны восторженные высказывания профессора Г. И. Косицкого о преимуществах использования «экстрасенсов» для диагностики заболеваний перед электрокардиографией и даже современной компьютерной томографией. Думаю, что таких энтузиастов, как профессор Г. И. Косицкий, целесообразно использовать для дальнейшего изучения «экстрасенсов» в медицине, вместо того чтобы настойчиво требовать этого от тех медиков, которые считают более полезным разработку других научных направлений».

Тут, правда, есть неточность, в этом отзыве: Косицкий ведь говорит не о преимуществах экстрасенсов, а о преимуществах приборов, разрабатываемых физиками, перед существующими в медицине. Но в общем скептический смысл высказываний Н. Н. Блохина ясен.

(Самое изумительное: Н. Н. Блохин повторил это же, основанное на недоразумении, обвинение против Г. И. Косицкого, выступая на сессии Академии медицинских наук,— дескать, Г. И. Косицкий отдает экстрасенсам преимущество перед самыми современными диагностическими приборами. Как считает Г. И. Косицкий, это неправедное обвинение сыграло роковую роль при избрании его в академики: несмотря на то что он писал опровержение в президиум, разъяснял, что именно он говорил на обсуждении в «Литературной газете», академики проголосовали против.)

Пока что мнения физиологов и медиков — и восторженные, и скептические — слишком

общи. Снова стараюсь сделать разговор более конкретным:

— Физики говорят о том, что на тепло руки откликаются преимущественно зоны на коже, связанные с больным органом. Какова природа такого отклика? Это известное явление или их открытие?

Григорий Иванович Косицкий говорит неуверенно:

— Они показали, что зоны Захарьина — Геда совершенно по-другому реагируют на тепло руки, чем окружающие участки кожи. Я думаю, через эти зоны можно влиять на соответствующие органы. Обладают ли экстрасенсы этой возможностью в большей мере, чем прочие люди? Видимо, этот феномен присущ всем. Вернее, при надлежащей тренировке каждый, вероятно, может научиться делать то же самое, что и так называемые экстрасенсы.

— Все-таки отклик зоны Захарьина — Геда на тепло руки другого человека — это известное явление или нет? — продолжаю допытываться я.

Исчерпывающий ответ дает еще один участвующий в разговоре физиолог — Владимир Васильевич Сучков.

В 1889 году известный русский терапевт Захарьин обнаружил, что заболевания внутренних органов сопровождаются повышением чувствительности и даже болезненностью различных зон кожи. Несколькими годами позже, независимо от Захарьина, то же самое установил Гед. Были составлены карты распределения этих зон по телу человека. Оказалось, что эти карты, а следова-

тельно, и связь между органами и кожей имеют весьма замысловатые очертания. Возможно, некоторые из вас замечали, как во время приступа стенокардии один с силой, до боли, сжимает мизинец левой руки, другой трет нос, третий надавливает на грудь. И боль в сердце проходит. Такое же действие может оказать лед, какой-либо горячий предмет, укол.

Каким же образом эти области кожи, или, как говорят, зоны Захарьина — Геда сердца, связаны с сердцем? Исследования показали, что кожа мизинца связана с восьмым шейным сегментом спинного мозга, крылья носа через лицевой нерв — с блуждающим нервом, кожа грудины — с грудными позвонками. Но именно от этих сегментов позвоночника и от ядер блуждающего нерва отходят основные нервные пути, регулирующие функцию сердца.

Изменение функции сердца (так же как и других органов) тотчас сказывается на состоянии кровообращения и чувствительности в соответствующих зонах кожи. Таким образом, на ее поверхности постоянно имеется отраженный, сложным образом распределенный по этой поверхности образ функционального состояния внутренних органов. При умелом прочтении этой функциональной «топографической карты» можно сделать заключение о скрытом заболевании или просто об изменении функции того или иного органа. Об этом могут сигнализировать (в зависимости от того, какова степень отклонения от нормы) усиление или снижение кожного кровотока, увеличение или

падение температуры данного участка кожи, изменение его чувствительности и электрического потенциала. Это и есть основа той информации, которую может получить человек или, что более предпочтительно, физический прибор, обладающий достаточной разрешающей способностью.

Возможность судить о состоянии внутренних органов по распределению тепла между участками кожи — это лишь одна сторона дела. Другая, не менее важная, связана с особой способностью зон Захарьина — Геда воспринимать внешние раздражения — тепловые, механические, радиационные и т. д.— и трансформировать их в нервные сигналы, изменяющие функцию внутренних органов. При этом совсем не обязательно, чтобы эти раздражения были сильными. Это даже вредно. В лаборатории Э. Э. Годика было установлено, что рецепторы кожи способны воспринимать тепловые потоки в сотни раз меньшие, чем излучает рука человека.

Одним словом, через зоны Захарьина — Геда можно управлять функцией внутренних органов, оптимизировать ее.

При этом, однако, надо добавить, что такое управление во многом зависит от психоэмоционального состояния пациента, его внушаемости, доминирующей в данный момент психологической мотивации. И доля всех этих психогенных компонентов, по-видимому, огромна.

— Что ж, мне кажется, мы приблизились к возможному механизму лечебного воз-

действия,— подвожу я, по праву ведущего, итог разъяснению Владимира Васильевича Сучкова.

* *
*

После того как я опубликовал в газете очерк о работах Ю. В. Гуляева и Э. Э. Годика, в редакции поднялся трам-тарарам. Каждый день из института кто-то звонил и пенял газете на «несерьезную» и «ненужную» публикацию, говорил, что там все искажено и представлено в ложном свете.

В это время я был в отпуске, но мне все в подробностях передавали.

Пришло даже письмо от директора института Владимира Александровича Котельникова, в котором содержалась просьба впредь, во избежание неправильного освещения работ института, перед публикацией показывать в институте текст.

Вообще-то мы всегда так и делаем — когда есть какие-то сомнения в чем-то. Но в данном случае никаких сомнений у меня не было: беседу с Годиком я записал на магнитофон, перед тем как печатать очерк, не раз прослушивал пленку.

Вернувшись из отпуска, я позвонил Владимиру Александровичу, поинтересовался, какие у него к нам претензии. Казалось, мой звонок застал его врасплох. Он сказал несколько общих слов о том, что вообще-то в самом деле неплохо было бы, если бы журналисты перед публикацией советовались, а то ведь они иногда такое напишут...

Выяснилось, что весь шум поднял

Г. С. Ланцберг, начальник отдела научно-технической информации института, обеспокоенный тем, что публикация прошла мимо него; конечно, Ю. В. Гуляев и Э. Э. Годик — люди компетентные, но порядок есть порядок: все, что готовится к публикации, должно проходить через его отдел. Это Г. С. Ланцберг звонил в редакцию, он же подготовил письмо, подписанное В. А. Котельниковым.

Что до многочисленных «искажений» и «ложного света», мало-помалу выяснилось: в очерке в самом деле есть неточность, одна-единственная,— там был поставлен знак равенства между зонами Захарьина — Геда и точками акупунктуры, иглоукалывания. Каюсь: в этом месте магнитофонная запись слов Эдуарда Эммануиловича оказалась непонятной, прояснить их смысл с помощью его самого я не сумел — в ту пору, когда я готовил очерк к публикации, в отпуске был он,— поэтому я позвонил нескольким знакомым специалистам по иглоукалыванию, все они дружно подтвердили: зоны Захарьина — Геда и точки акупунктуры — совершенно одно и то же. Кто бы мог подумать, что у физиков на этот счет собственное мнение!

Среди других ученых я пригласил на «круглый стол» директора Института рефлексотерапии Александра Ивановича Нечушкина и не без тайного злорадства наблюдал за выражением лиц Юрия Васильевича и Эдуарда Эммануиловича, когда пришла очередь ему держать речь.

— Я хотел бы сказать о том, что собой

представляют так называемые точки акупунктуры, они же, если хотите, зоны Захарьина — Геда,— начал ничего не подозревающий Александр Иванович.— Называются они по-разному, но в общем-то представляют собой одну и ту же сущность. Мы пришли к выводу, что эти кожные зоны, по-видимому, играют определенную роль в поддержании энергетического равновесия между организмом и окружающей средой. И не только теплового равновесия, но и электрического. Поскольку эти зоны обладают пониженным электрическим сопротивлением, возможно, через них идет сток зарядов.

— В своей работе в области рефлексотерапии мы сейчас подошли к новому этапу,— продолжал А. И. Нечушкин.— До сих пор мы использовали грубые воздействия на точки акупунктуры — с помощью иглы, электричества и т. д. Теперь же мы начинаем воздействовать на эти точки слабыми, так называемыми подпороговыми раздражителями. И вот что самое интересное: выясняется, что эти раздражители оказывают на функции организма более выраженное воздействие, нежели раздражители грубые. Впрочем, этого и следовало ожидать: ведь процессы внутри организма протекают при чрезвычайно малых энергиях...

Не об этом ли только что вели разговор физики, когда речь зашла о свете телевизионных юпитеров?

— Мне кажется,— говорю я,— вы идете с физиками в одном направлении, приближаясь к цели с разных сторон.

— Без сомнения,— соглашается со мной Александр Иванович.

Наступает черед физиков.

— Я не согласен, что зоны Захарьина — Геда и точки акупунктуры — одно и то же,— говорит Годик.— Мы начали работу с того, что изучили электрические свойства кожи, представили ее электрическую модель. В принципе, если исходить только из электрических свойств, мы можем сделать точку акупунктуры в любом месте. Поэтому сами по себе электрические свойства — это еще очень мало. Морфологическая структура зоны Захарьина — Геда ясна: это участок кожи, имеющий общую иннервацию *. Нерв, который собирает сигналы с рецепторов, расположенных в этой зоне, идет в позвоночник и встречается там с нервом от того или иного органа. Об этом уже говорил Владимир Васильевич. Что касается точек акупунктуры — это для нас пока нечто непонятное, и мы о них не говорим. Мы говорим лишь о зонах Захарьина — Геда, надежно установленных морфологических структурах.

...Так что вот такое вот «искажение» и такой вот «ложный свет». Уж если между учеными нет согласия, для журналиста, думаю, простительно обронить неточное слово. Вопрос, как говорится, в стадии обсуждения.

Задаю еще один вопрос Нечушкину:

— Насколько я понимаю, вы пока не занимались специально вопросом о лечении

---

* Иннервация — снабжение какого-либо органа или ткани нервными элементами (волокнами, клетками), обеспечивающими их связь с центральной нервной системой.

руками, только собираетесь этим заняться. Можете ли вы заранее допустить, что среди многочисленных видов рефлексотерапии может быть и лечение теплом человеческих рук?

— Метод лечения руками,— отвечает Александр Иванович,— восходит к древности. Кажется, даже в Библии есть об этом упоминание: и возложил он руки свои и т. д. и т. п. в этом роде. В свое время, когда я впервые услышал об этом методе, я решил сам попробовать на знакомых, на пациентах. Чтобы исключить внушение, я делал это исподволь, ничего не говоря человеку. И с изумлением убедился, что действительно получается. Эффект какой-то был...

* *
*

Когда углубляешься в размышления о каком-то предмете, нередко забываешь, с чего сыр-бор разгорелся. Экстрасенсы? Лечат? А откуда это известно? Для того и предлагается провести клинический эксперимент, чтобы строгими методами установить, действительно ли имеется лечебный эффект.

Сыр-бор разгорелся не оттого, что строго установлен факт лечения, а оттого, что кругом только и слышишь: этого вылечили, тому помогли... Трудно предположить, чтобы это были одни только выдумки да фантазии.

— Вот идут споры: могут ли экстрасенсы лечить и если могут — как? — говорит Владимир Абрамович Файвишевский, по специальности психотерапевт.— Признáюсь честно: до того, как я услышал о работах

физиков, для меня все обстояло просто — да, могут. Самовнушением и внушением. И шаманы лечат. Они настраивают определенным образом физиологические процессы в организме пациента. Психика влияет на физиологию, управляет ею. Чтобы разобраться, есть ли тут что-нибудь еще, кроме психотерапии, надо каким-то образом исключить влияние внушения. Я считаю, что сделать это в клиническом эксперименте, то есть в эксперименте на взрослом человеке, практически невозможно. В то же время есть простой и довольно точный способ решить эту проблему. Для этого надо взять биологический объект, у которого нет психики или сознания. Например, культуру тканей. Может ли экстрасенс воздействовать на нее? Или на животных? Или на детей в возрасте до одного-двух лет, которые еще не поддаются внушению? Если же вы будете проводить клинические испытания на взрослых больных, вряд ли тут что-нибудь удастся выявить. Лучше лечить будет тот, кто увереннее себя держит. Или у кого представительнее вид.

Случилось так, что за «круглым столом» никто не возразил В. А. Файвишевскому. Но поскольку физики продолжают настаивать на клинических испытаниях экстрасенсов, а медики хотя и не очень охотно, но все же уступают их настояниям — готовится целая программа совместных исследований,— по всему по этому можно заключить, что В. А. Файвишевский не всех убедил.

Впрочем, когда Э. Э. Годик читал подготовленную к печати стенограмму, он вписал

в нее такой комментарий к выступлению В. А. Файвишевского:

«Я не вижу большой проблемы в отделении эффекта внушения от возможной «физиотерапии» под действием руки. Да, исключить внушение через обычные органы чувств непросто. Но зато совсем нетрудно решить обратную задачу — исключить воздействие возможных физических факторов — инфракрасного теплового излучения и электрического поля: если при этом лечебный эффект исчезнет, то дело в «физиотерапии», если нет — во внушении. Можно использовать также технические устройства, имитирующие физические воздействия руки».

* *
*

Мне осталось привести мнения некоторых ученых, которые были приглашены на «круглый стол», но не смогли в нем участвовать. Точку зрения Н. Н. Блохина я уже начал цитировать. Приведу полностью его письмо, исключая места, с которыми читатель уже знаком:

«...Полностью соглашаясь с тем, что многие люди одарены слухом, зрением, вкусом, обонянием и осязанием в разной степени и не отрицая возможностей более высокой степени осязания у некоторых из них, я не могу представить себе «экстрасенсов» в качестве аналогов соответствующей физиотерапевтической аппаратуры. Тем более не представляется возможной замена современной диагностической аппаратуры «экстрасенсами», которые, по словам этих

физиков, могут лишь отметить какие-то температурные колебания в разных зонах тела больного.

Изменения температуры тела в так называемых зонах Захарьина — Геда не могут определить характер заболеваний, если они действительно есть.

Изучать особенности высокоразвитых органов чувств у отдельных людей, безусловно, весьма интересно: откуда, например, такая гениальная музыкальность у Глинки или Чайковского, откуда такое особое видение красок у Коровина? Можно изучать компенсацию организмом недостатков одних органов чувств и развития других под влиянием тренировки — например, повышенное развитие слуха и осязания у слепых. Так же можно изучать и те особенности, которые приписываются «экстрасенсам», но едва ли правомерно изучать это с позиции использования «экстрасенсов» как аналогов диагностической аппаратуры в медицине...

В газете «Известия» от 8 августа 1986 года мною была опубликована статья под названием «Экстрасенс глазами медика», в которой изложена моя точка зрения по всем этим вопросам. В частности, я писал в этой статье, что успех, получаемый ими в некоторых случаях, в наибольшей степени связан с внушением. Поэтому мне импонируют высказывания В. А. Файвишевского по этому вопросу.

Моя статья в «Известиях» вызвала сотни писем в Академию медицинских наук и в редакцию газеты. Наряду со многими письмами, поддерживавшими высказанные

мною взгляды, выражавшими тревогу в связи с встречающейся в прессе пропагандой ненаучных методов врачевания, я получил большое число писем, содержащих упреки в мой адрес: говорилось об успехах парапсихологии, о том, что выступления против «экстрасенсов» в медицине эквивалентны отрицанию генетики и кибернетики и т. д.

Само сравнение лечения больных «наложением рук» с такими важными областями современной науки, как, например, кибернетика, выглядит, как мне кажется, достаточно нелепо.

Не имея возможности ответить всем, кто писал мне, хотел бы сказать, что долг ученого-медика — всегда быть строго объективным. Стоять на принципиальных позициях при обсуждении научных вопросов и не стремиться угодить некоторым увлеченным людям, пытающимся без должных оснований вводить в медицинскую практику неоправданные методы и средства».

Еще один отзыв прислал, вернувшись из отпуска, Михаил Владимирович Волькенштейн:

«Экстрасенсы разделяются на две категории — это либо честные люди, искренне верящие в свои особые способности, либо сознательные жулики и шарлатаны, эксплуатирующие невежество и доверчивость пациентов. Вторые, по-видимому, находятся в большинстве.

Как это ни удивительно, больным помогают и те и другие. При некоторых заболеваниях, имеющих психоневрологическое происхождение, и честные экстрасенсы и не-

честные иногда добиваются терапевтического эффекта — больному становится легче, правда ненадолго. Эффект этот, по-видимому, целиком сводится к внушению и самовнушению. Чрезвычайная опасность такого лечения состоит в подмене им нормальной медицины. Известно множество случаев, когда экстрасенсы обоих типов брались даже за лечение рака, и больные, естественно, погибали.

Казалось бы, никакой проблемы нет. Каждому культурному человеку ясно, что нельзя доверять свой организм экстрасенсу или хилеру, не имеющему профессиональных знаний в области медицины. Нельзя же посадить за руль автомобиля человека, не имеющего прав вождения. А организм неизмеримо сложнее машины. Задача сводится к элементарному ликбезу, к выведению доверчивых людей (большинство из них женщины) из мрака средневековья.

Однако задача эта непроста и реальная проблема социально-психологического характера существует. Я совершенно согласен с С. П. Капицей в том, что повышенный интерес к экстрасенсам и увлечение ими есть свидетельство духовного кризиса общества. Думаю, что О. П. Мороз напрасно оспаривает это положение. Конечно, стремление к чудесам всегда было и будет. Но возникают периоды резкого усиления таких стремлений. Никто не помышлял об экстрасенсах в тяжелые времена войны и послевоенного восстановления нашей страны. Расцвет экстрасенсов произошел в последние десятилетия. Для меня очевидно, что это непосред-

ственно связано с теми уродливыми явлениями в жизни общества, беспощадную борьбу с которыми ведет сейчас партия. Экстрасенсы расцвели в атмосфере отсутствия гласности, начальственного неуважения к науке и культуре. За спиной каждого видного экстрасенса (и каждого лжеученого) стояло некое начальство — к счастью, во многих случаях уже таковым не являющееся. Времена меняются, и вот уже, как об этом сообщила «Литературная газета», сама знаменитая Е. Ю. Давиташвили заявила, что никакой она не экстрасенс, а всего лишь массажистка. Но еще недавно деятельность экстрасенсов, телепатов, телекинетиков широко пропагандировалась недобросовестными и невежественными журналистами, а также, увы, некоторыми учеными, одураченными несложными фокусами. Разумная критика почти не публиковалась. К немногим органам печати, неизменно занимавшим достойную позицию, относится «Литературная газета».

Весьма типично, что каждое выступление против лженауки, против увлечения экстрасенсами встречается ее представителями с истерической злобой. Мне не раз приходилось слышать такие, например, слова: «Вы, видимо, из тех, кто ранее запрещал генетику и кибернетику». Забавная по-своему передержка — запреты генетики и кибернетики также исходили от начальства. В этом смысле экстрасенсы находятся в одном лагере с последователями Т. Д. Лысенко.

Теперь о работах Ю. В. Гуляева и Э. Э. Година. То, что рассказано этими учеными,

дает все основания считать, что они проводят серьезные исследования с помощью совершенной аппаратуры. Когда-то Э. Шрёдингер сказал, что организм является апериодическим кристаллом. Апериодичность, неоднородность человеческого тела означает и неоднородность выделения тепла — не все части тела находятся при одинаковой температуре. Перераспределение тепла происходит и при ряде патологических состояний: простой и грубый пример — разогревание воспаленной части тела. Современные физические методы исследования дают ценную информацию о состоянии организма — это и поглощение ультразвука, и рентгеновская томография, и даже ядерный магнитный резонанс. Нет оснований сомневаться в том, что тонкие измерения выделения тепла могут оказаться небесполезными для диагностики некоторых заболеваний, для нормальной и патологической физиологии. В то же время переоценивать значение этих работ для физиологии и медицины, по-видимому, преждевременно. Для того чтобы установить это значение, необходимы длительные, тщательные исследования, проводимые совместно с физиологами и врачами, не ослепленными совершенством физических приборов.

Убедительно звучит утверждение авторов о различном физиологическом значении сильного и слабого нагревания. Это, однако, не означает, что экстрасенсы лечат теплом своих рук.

Многое из того, о чем рассказали физики, представляется мне интересным, но еще не

доказанным. Не доказано, что экстрасенсы чувствуют именно тепло. Не подлежит сомнению, что чувствительность к различным воздействиям и наблюдательность (сознательная или бессознательная) у разных людей разнятся. Опытный врач может зачастую поставить диагноз, просто глядя на больного. Не исключена такая способность и у некоторых экстрасенсов. Но связана ли она с рецепцией тепла, пока неясно.

Следует пожелать дальнейших успехов Ю. В. Гуляеву и Э. Э. Годику. Занявшись медицинской биофизикой, они вступили на трудный путь, двигаться по которому без помощи хороших врачей и физиологов невозможно».

* *
*

То, что некоторые люди обладают изумительной наблюдательностью, позволяющей им довольно точно ставить диагноз,— сущая правда. Как-то упоминавшаяся уже мною Галина Владимировна затащила меня и другого моего знакомого — Алексея Борисовича Иорданского, доктора наук, известного микробиолога, к необычному врачу. В общем-то врач как врач, но в своей работе использует кое-что за пределами пяти чувств. Узнав об этом, Алексей Борисович отказался было к нему идти: в сверхчувственное восприятие он не верил. Однако Галина Владимировна принялась горячо уговаривать его, и он в конце концов согласился. Ко всему прочему он был человек любопытный. Да и болезнь сердца у него в ту пору все больше давала себя знать: ну как услышит от врача что-нибудь путное?

Врач, мужчина лет сорока с небольшим, необычайно бодрый и приветливый, принимал в обычной больнице, в кабинете, насыщенном какой-то техникой. Впрочем, он к этой технике не имел отношения. Ему помогал ассистент, человек простецкого вида с несколько воспаленными глазами. Звали его Толя. Галина Владимировна шепнула Алексею Борисовичу, что он «всех нас видит насквозь». «Ясновидец» Толя корректировал действия врача.

Перед врачом верхом на стуле сидел обнаженный до пояса пациент. Врач массировал ему грудь и спину, а Толя говорил, что происходит у того «внутри», где еще надо помассировать. Реплики он подавал такие: «Ушло в глубину», «Назад вернулось», «Стало меньше», «Колышется туда-сюда»...

Время от времени врач переспрашивал его со снисходительной улыбкой (другие пациенты, ожидавшие своей очереди, сидели тут же): «Что колышется — поле либо же... мокро́та?» — «Это... поле...» — не очень уверенно отвечал «ясновидец».

Сеанс продолжался около получаса и закончился, когда Толя определил, что нечто, видимое им, уменьшилось до предела, а «фон» сделался зеленым (прежде он был красным).

Затем наступила очередь следующего пациента. Им была моложавая женщина, как выяснилось, по профессии врач. Ей требовалась только диагностика (то ли она любопытствовала по поводу Толиных способностей, то ли хотела удостовериться, что действительно обладает известными ей

болезнями). Женщина встала метрах в полутора от Толи. Врач положил перед ним листок со стандартным схематическим изображением человеческой фигуры — спереди, сзади, справа, слева,— дал ему свою ручку. Толя некоторое время смотрел на женщину, после нарисовал два маленьких кружочка на голове, кружочек на груди слева, провел две робкие волнистые линии по обе стороны позвоночника, на уровне груди поставил на нем точку... Врач стал докапываться, что он имеет в виду. После они вдвоем стали рассказывать женщине, чем она страдает. Женщина согласно кивала... «Головные боли...» (кивок), «Остеохондроз» («Да-да, отсюда все и проистекает!»), «Особенно затронут шейно-грудной отдел, а эти позвонки просто надо вправлять» («Вправляли уже. Умница!» — похвала адресована Толе), «В левой молочной железе утолщение» («Мастит. Умница, Толя!»).

Иорданскому вставать не потребовалось: Толя, оказывается, уже рассмотрел его между делом. «Значит, так... Сердце...» — начал он. Врач: «Что именно происходит с сердцем? Вот я тебе его нарисую: вот правое предсердие, вот левое... вот правый желудочек, вот левый...» — «Здесь...» — Толя нарисовал кружочек. «Это на сердечной мышце или в глубине?» — «На мышце». Вопрос к Иорданскому: «У вас был инфаркт?» — «Был». К Толе: «Еще что?» — «Что! Надо стресс с него снять! Иначе...» — «Все ясно. Много работаете? Есть психологические проблемы?» «Проблем» у Алексея Борисовича в ту пору было хоть отбавляй.

Выписывается довольно сложная лекарственная «схема» против «стресса»...

— Ну как?! — восторженно спрашивает Галина Владимировна, когда мы выходим из больницы.

Алексей Борисович пожимает плечами.

— Но ведь он стопроцентно все определяет, этот Толя!

— Во-первых, насчет ста процентов я сильно сомневаюсь... Тут сложная психологическая игра: стоит угадать у человека какую-то «болячку», он тут же размягчается, становится как воск. Во-вторых...

Как всегда, Алексей Борисович тут же набросал теорию, объясняющую увиденное. В основе всего — великолепная Толина интуиция. И наблюдательность. Природа стремится компенсировать человеку, если она ему что-нибудь недодала. Этот Толя наверняка какой-нибудь увечный. Все эти люди не вполне... того... Начиная с Распутина. Зато многие из них — чемпионы по интуиции, по умению примечать то, что ускользает от нашего взора.

* *
*

Среди участников нашей редакционной беседы не было невропатолога. Долго обещал мне изложить на бумаге свою точку зрения профессор Константин Григорьевич Уманский, но все, видно, недосуг было. Однажды вечером он позвонил мне домой:

— Написал. Как просили, полторы странички.

— Присылайте.

И тут — словно удар грома:

— Я в реанимации...

После этого сообщения я теряю дар речи. Константин Григорьевич объясняет, что у него инфаркт, что он лежит в Боткинской больнице...

Как это похоже на современного человека! Надо случиться инфаркту, чтобы у него выдалась минута набросать полторы странички, не относящиеся к его непосредственным делам.

Перед тем как случиться инфаркту, Константин Григорьевич недели две был на бюллетене: стенокардия. Надо бы поберечься, дело нешуточное, но Уманский продолжал работать дома, да и в институт наезжал. Неугомонный человек.

На следующий день я взял у супруги Константина Григорьевича написанное им. К тексту была приложена записка:

«Дорогой Олег Павлович!

Как со мной поступила диалектика жизни, Вы уже знаете. Но знаете и мой характер. Рассчитываю, что через месяц буду на ногах и колесах. Но не стоит загадывать. Доступ к телу открыт: я уже не в реанимации. С сердечным приветом...»

В этой записке весь человек.

Теперь что касается экстрасенсов.

«В конечном счете,— писал Константин Григорьевич,— речь идет о банальном, известном издревле феномене, который испокон века использовался при лечении, а теперь возводится некоторыми в культ. Профессор А. И. Нечушкин правильно говорит, что лечение руками упоминается

в Библии. Могу уточнить: упоминание это содержится в «Песне Песней», которую Куприн, как известно, положил в основу своей изумительной повести о любви «Суламифь».

Во все времена лечение руками сочеталось с психологическим воздействием. Библейский царь Соломон воздействовал на своих пациентов не только кистями рук, которые были нежны, белы и излучали силу необычную, но и взглядом, вызывавшим трепет. Он был, как известно, царем — наместником бога на земле, а это ко многому обязывало.

Весь этот комплекс работает и у современных экстрасенсов. В конечном счете каждый сам себе экстрасенс. Что он делает, если у него появляются боли в области сердца, печени, живота? Да просто прикладывает к этому месту ладонь. И почти всегда облегчает свое состояние.

С моей точки зрения, огромная заслуга физиков в том, что они наконец показали именно банальность явления, которое некоторые пытаются возвести в культ. Но не только в этом. Давно известно, что малые дозы тепла лечат, а большие калечат. Теперь это продемонстрировано строго экспериментально.

И диагностическое, и лечебное значение зон Захарьина — Геда известно давно, в первую очередь в невропатологии. Они используются и сейчас весьма широко: возьмите те же горчичники, сухие повязки, компрессы, облучение «синим светом»... Все это применяется ежедневно и с неизменным успехом. Другое дело, что при этом многие

склонны действовать по принципу «кашу маслом не испортишь»: грелки — так погорячей и подольше, компресс — пообширнее, горчичники — позлее, так, чтобы после их сдирать вместе с кожей...

Эффективность малых воздействий и дальше необходимо изучать и уточнять, но главное — магистральный путь ясен. И это прекрасно, ибо некоторым — и не только легковерным обывателям, но и вполне серьезным людям — еще недавно казалось, что «экстрасенсификация» медицины и ее совершенствование суть одно и то же...

Однажды я решил посмотреть, насколько распространилась эта «экстрасенсификация», и во время одного из обходов в клинике поинтересовался у больных, длительное время страдающих заболеваниями нервной системы, не обращались ли они к экстрасенсам. Результат был потрясающим: обращался каждый второй. О результатах этого обращения (разумеется, не бесплатного) говорить не стоит — безграмотное «лечение» для нервной системы не проходит бесследно...»

Говорят, всякое новшество на пути к признанию проходит три ступеньки: сначала говорят, что этого не может быть, потом — в этом что-то есть, и наконец — кто же этого не знает? Воспользовавшись тем, что «доступ к телу открыт», я навестил Константина Григорьевича в больнице и просил его назвать мне литературные источники, где бы говорилось об использовании зон Захарьина — Геда для диагностики и лечения. Он сказал, что назовет мне десяток книг, как

только выйдет из больницы, но вообще это всем известно.

Потом, разумеется, и он, и я забыли об этом обещании, так что точных ссылок у меня нет до сих пор.

Я охотно допускаю, что медицине это известно, ибо трудно найти такое, что было бы ей неизвестно (другое дело, что многое забывается). Но то, что известно про эти зоны,— это, как говорится, знание эмпирическое (опять-таки — как многое в медицине). Знание же, добываемое ныне физиками,— строгое научное знание.

...Наконец дождался я отклика на посланную стенограмму и от Натальи Петровны Бехтеревой. Ее помощница продиктовала мне по телефону (а я записал на магнитофон) такой текст:

«Милая «Литературная газета»!

Спасибо вам за присланные материалы. Прочла я их сейчас глазами человека, уже попавшего в ситуацию, когда пришлось поручить одной из лабораторий руководимого мной отдела строго и корректно, невзирая на советы и замечания, проверку еще одного «чуда» — лечения алкоголизма так называемым методом дозированных центропитальных воздействий Столбуна — Стрельцовой (множественное воздействие хлорэтилом на зоны Захарьина—Геда в области и чуть выше заднего прохода). «Чудо», к сожалению, не подтвердилось, о чем мы и сообщили в Минздрав СССР в форме серьезного отчета, содержавшего клинические наблюдения и данные объективных физиологических методов исследования.

Но боже мой, что произошло дальше! Сколько защитников нашлось у «чуда»! Что они себе позволили в словах и в печати! Нет уж, на мою жизнь каких бы то ни было проверок, а также каких бы то ни было «чудес» хватит. Сама не буду и «детям» (сотрудникам) закажу.

Но это так, печально-веселая преамбула. А по существу... Могут ли отдельные люди обладать повышенной чувствительностью или, говоря более близким мне языком, более низкими порогами органов чувств? Конечно, могут! Могут ли отдельные люди (или даже многие) научиться по заданной ими самими программе (или с помощью обучения) делать свои ладони более теплыми, научиться лучше, чем другие, воздействовать на точки акупунктуры и зоны Захарьина — Геда и т. д. и т. п., лучше, чем другие, овладевать всеми приемами психотерапии? Конечно да. Возможна отсюда и диагностика, иногда очень удачная, особенно если человек с повышенной чувствительностью знает хоть приблизительно анатомию человека. Возможно и лечение, причем особенно с помощью различных вариантов древней акупунктуры оно получило и распространение, и признание. А слабым теплом рук, да еще с ореолом славы чудотворца у владельца этих рук, в организме отдельных больных можно вызвать к жизни и резервы, и защитные силы. Возможно, что делу помогают и слабые магнитные излучения «целителя» и другие вполне реальные факторы. Но вот в чем, мне кажется, главный вопрос: может ли все это хоть как-то конкурировать с воз-

можностями современной медицины? Акупунктура вошла в ее арсенал. Психотерапию нужно гораздо шире и, главное, грамотнее вводить во все клиники. А собственно «чудеса»? Пусть живут. Это занятно. Но, дорогие товарищи журналисты, не берите греха на душу — не пробуждайте напрасных надежд у тяжелых больных, не затягивайте их порой срочное лечение. Представьте себе, как страшно врачам видеть больного, которого еще год, еще полгода назад можно было спасти... И кстати о чудесах — это уже к больным,— обращайтесь к врачам своевременно! Мы очень, очень стараемся, но далеко не всегда можем делать чудеса.

Академик Н. Бехтерева».

* *
*

Самый верный способ развеять все предрассудки — с помощью строгих научных методов выяснить, как все обстоит на самом деле. Лучшего способа не придумано. Уверен: физики стоят на верной дороге. Важно, чтобы им оказали помощь ученые других специальностей. Многое зависит, например, от ученого медицинского совета Минздрава. Его председатель Олег Константинович Гаврилов тоже побывал у нас на «круглом столе».

— Я думаю,— говорит Олег Константинович,— те работы, которые проведены в Институте радиотехники и электроники, имеют огромное значение для практической медицины. Может быть, мы не сразу сможем их реализовать в наших клиниках и

больницах, но стратегический курс на это мы должны взять. То, что сделано в этом институте, на уникальной аппаратуре, расширяет наши представления о тех физических сигналах, которые постоянно продуцирует и посылает во внешнюю среду человеческий организм. Это новая ступень познания, на которую мы поднимаемся благодаря научно-техническому прогрессу, прогрессу в области фундаментальных наук. Упомянутые сигналы несут информацию о деятельности органов и систем. Их можно использовать для диагностики заболеваний. Но не только. По-видимому, эти физические излучения каким-то образом можно использовать и для лечения. Над этим мы должны работать в соответствии с той исследовательской программой, которая сейчас составлена.

Мне известны трудности физиков, которые никак не могут заинтересовать медицинские ведомства настоящим сотрудничеством, поэтому я стараюсь растормошить О. К. Гаврилова, побудить его к конкретным ответам, которые могли бы служить для физиков векселями.

— Что это за программа, нельзя ли сказать в двух словах?

Программа имеет целью разработку методов диагностики и методов коррекции нарушений с помощью физических излучений. Мы просим физиков разработать не только диагностическую аппаратуру, но и такую, которая бы имитировала сигналы, посылаемые человеком. Чтобы мы не обязательно использовали руки какого-то лекаря, а могли бы воспроизвести эти воздей-

ствия техническими средствами. В работу по этой программе мы хотим включить как можно более широкий круг наших клиницистов...

— Какие научные учреждения предполагается привлечь к работе по этой программе?

— В соответствии с приказом президента Академии наук и министра здравоохранения в этой работе участвуют восемь научно-исследовательских институтов. Это и кардиологи, и физиологи, и иммунологи, и нейрофизиологи, и рефлексотерапевты, и психиатры, и эндокринологи...

— А сроки какие?

— Программа утверждена на эту пятилетку, до 1990 года.

* *
*

Краткое завершающее слово держит Сергей Петрович Капица.

— Что сказать в заключение? — говорит он.— Мне кажется, дискуссия была интересной. Во всяком случае, я с удовольствием ее выслушал. Важно то, что разговор об экстрасенсах был сегодня достаточно конкретен и не выходил за научные рамки. Воздерживаться от таких дискуссий, а тем более запрещать их вряд ли стоит. Ведь есть еще феномен сладости запретного плода. Стоит какую-то тему запретить, и здесь уже начинают расти такие чертополохи, которые нам никогда не выполоть. Надо об этом говорить, но говорить именно с научной точки зрения, опираясь на авторитет достоверного знания. В то же время надо отдавать себе отчет

в том, что проблема довольно сложна и вряд ли можно рассчитывать сразу получить ответы на все вопросы. Хотя людям и хочется получить ответ. Хочется стать свидетелями чуда...

Заключительное слово перебивать не полагается, но я, не удержавшись, вставляю:

— Когда выяснится, что чуда нет, интерес к этим вещам сразу упадет...

Капица мгновенно парирует:

— Чудо есть. Чудо — это сам человек. Вечное чудо, которое всегда с нами.

Ничего не скажешь, молниеносная реакция. Эта же реакция двадцать пять дней спустя спасла Сергею Петровичу жизнь, когда на него бросился с топором какой-то маньяк. Капица в этот момент, закончив лекцию, подходил к дверям своего кабинета в Физико-техническом институте. Нападавшим, как выяснилось позднее, был 29-летний парень, специально приехавший в Москву из Ленинграда. Получив два удара, Капица нашел в себе силы вступить в схватку с безумцем, вырвал у него топор... Все же Сергей Петрович попал в палату реанимации...

Не ирония ли судьбы — произносящий перед телекамерой слова «Человек — вечное чудо» получает от этого «чуда» топором по голове?

Впрочем, сказано ведь: больной человек.

Теперь о моей не очень вежливой реплике. Я действительно считаю, что самый верный способ покончить с предрассудком — будь то стоустая молва об экстрасенсах или о снежном человеке — тщатель-

но изучить все, что скрывается за этой молвой. Изучить строгими научными методами, а не усердием ученых-кустарей. Кустари лишь запутывают дело своими неряшливыми экспериментами и публикациями.

Другое дело, что не так-то легко наладить такое изучение. Требуются силы, средства. Требуется преодолеть брезгливость к предмету изучения, установившуюся в научной среде. Но рано или поздно наступает счастливый момент, когда настоящее, серьезное исследование становится возможным — как это было в Институте радиотехники и электроники, когда он обратил свои взоры к слабым физическим полям человека. С этого-то момента и начинается увядание предрассудка...

Да, да, такой вот парадокс. Физикам пеняют: зачем вы занимаетесь этой ерундой — вы ведь только возвеличиваете экстрасенсов, говоря, что они что-то все-таки там могут — что-то такое улавливать, как-то там воздействовать, осязать изображения... Журналистов упрекают: для чего вы пишете об этих работах физиков — этим вы только раздуваете интерес к экстрасенсам... Сколько раз я слышал такие упреки! Я твердо уверен: хорошо изученное чудо — это уже не чудо. Какие бы способности ни выявили ученые у экстрасенсов — это ведет не к возвеличению их, а к свержению с пьедестала. Ибо когда все объяснено и разложено наукой по полочкам, тут обыватель мгновенно скучнеет и отворачивается.

От имени науки

Название этой книги имеет двоякий смысл. От имени науки часто говорят невежды, шарлатаны, паразитирующие на ее авторитете. Существуют целые псевдонаучные направления, выступающие от имени науки. Примеров в этой книге читатель нашел, я думаю, немало, хотя еще больше осталось за ее пределами. Другое значение заголовка: конец лженауке, предел невежеству и шарлатанству наступает тогда, когда веское слово «от имени науки» говорит сама наука.

Важно, чтобы она не уставала его повторять. В этом деле требуется терпение. Вряд ли когда-нибудь наступит момент, когда псевдонаука перестанет существовать, когда перестанут появляться на свет нелепые слухи и толки, облаченные в духе времени в научные одежды. Надо привыкнуть к тому, что противостояние этому мутному потоку — постоянная задача науки, такая же важная, как отыскание самой истины.

Но это и наша общая задача — всех тех, кому дорог свет знания, кто болезненно чуток к рецидивам обскурантизма и мракобесия. В конце концов, самый надежный

экзаменатор твердости мировоззрения — не школьный учитель и не вузовский преподаватель, а сама жизнь. На удивление много есть людей даже и с высшим образованием, даже с оценкой «отлично» по философии, которые с восторгом бросаются навстречу любой псевдонаучной ахинее, с готовностью становятся под ее знамена, забывая азы, которые они когда-то прилежно зубрили в школе и институте, но которые не затронули их души. В конце концов, каким-то минимумом стойкости против напора нелепиц должен обладать всякий интеллигентный человек.

А то ведь часто так бывает: малейшее дуновение ветерка, доносящего какой-то псевдонаучный вздор, приводит человека в растерянность. Вот в некоем учреждении выступил некий самозваный лектор, который в очередной раз заверил слушателей, что Землю посещают инопланетяне, продемонстрировал слайды, зарисовки инопланетных кораблей и даже «людей» в них (правда, как пишет автор, «не очень похожих на нас — землян»). Лектор приводил многочисленные свидетельства очевидцев «летающих тарелок» и «для полной убедительности показал копии протоколов, подписанных двумя космонавтами, по свидетельству которых «летающие тарелки» якобы сопровождали их в космосе». И вот уже автор письма трезвонит во все колокола: куда смотрит наука, почему не исследует, не изучает, не разъясняет?

Наука старается, но она не может очертя голову бросаться на всякое сообщение об

очередном «чуде». Это то же самое, что требовать от «скорой помощи» выезжать — без малейшей попытки проверить телефон и адрес — по всем вызовам. Выездов по ложным вызовам и без того много — и у «скорой помощи», и у науки. Бесполезно тратятся средства, силы, время высококвалифицированных людей. Это ведь только так говорится, что в науке отрицательный результат — тоже результат. Какой смысл, например, проверять очередное утверждение, что некто может силой воли приподнимать стулья над полом? Куда продвинется наука, убедившись, что на деле ничего подобного не происходит? Разве не достаточно просто нашей образованности, интеллигентности, чтобы заключить, что все это — вздор? Оказывается, недостаточно. Многие «образованные» и «интеллигентные» люди верят: все может быть, нет ничего такого, что было бы невозможно.

Видно, у нас есть какие-то прорехи в деле образования, воспитания, в деле формирования разумного взгляда на окружающий мир, если столь часто такое может случаться. Но это уже тема для другой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Олег Павлович Мороз

ОТ ИМЕНИ НАУКИ

Заведующий редакцией
О. А. Белов
Редактор
Л. И. Волкова
Младший редактор
С. О. Овчинников
Художник
Г. Д. Расторгуев
Художественный редактор
А. А. Пчелкин
Технический редактор
И. А. Золотарева

ИБ № 7109

Сдано в набор 28.10.88. Подписано в печать 20.02.89. Формат $70 \times 90^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,12. Усл. кр.-отт. 22,67. Уч.-изд. л. 10,73. Тираж 200 000(1—100 000) экз. Заказ № 4774. Цена 75 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда». 603006, г. Горький, ул. Фигнер, 32.

75 коп.

Политиздат

Олег Мороз ОТ ИМЕНИ НАУКИ